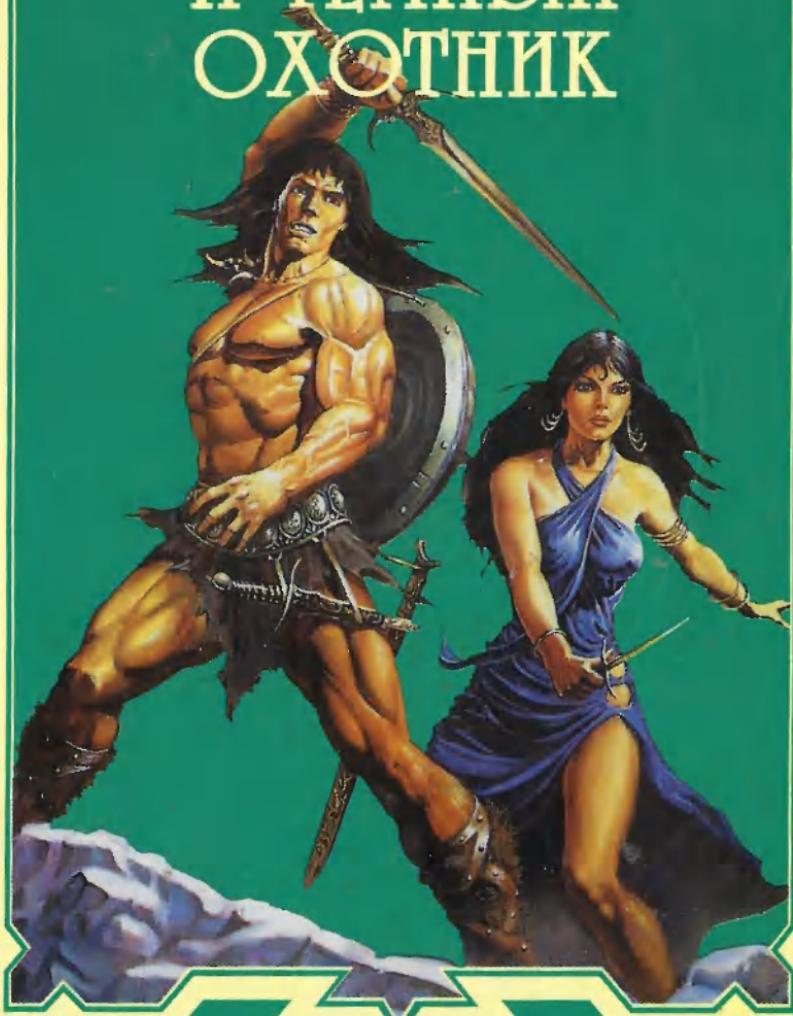




# КОНАН И ТЕМНЫЙ ОХОТНИК





# САГА О КОНАНЕ

КОНАН и ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН и Боги Тьмы 2	КОНАН и Мир КОДУНА 3	КОНАН БРОСЛЕН ВЫЗОВ 4	КОНАН и Повелитель ПЛЕЙЕР 5	КОНАН и Песня СНЕГОВ 6	КОНАН и Небесная СЕКИРА 7	КОНАН на Дороге КОРОЛЕЙ 8	КОНАН принимает вой 9
КОНАН и КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН и Аар МИТРИ 11	КОНАН и Ночные КЛИНКИ 12	КОНАН и ГРОТ ДАБОМЫ 13	КОНАН и ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО 14	КОНАН и СИРЬЯ ЖАЛЯЩИХ СТРАД 15	КОНАН и Пись ВОЙНЫ 16	КОНАН и Талисман ЗЛА 17	КОНАН и Бойч НЕРАДА 18
КОНАН и Гора, Плененных АУШ 19	КОНАН и Источник СУДЬБ 20	КОНАН и Седые АРИМАНА 21	КОНАН и БАТРОВОЕ ОКО 22	КОНАН 14 ПРИЗВАНИЯ ПРОШЛОГО 23	КОНАН и Влачнство МРАКА 24	КОНАН ВАРЛАР из КИММЕРНИ 25	КОНАН и Рыжий ЯСТРЕБ 26	КОНАН и Плавильщи БЕЗДНЫ 27
КОНАН и Заговор ТЕЙ 28	КОНАН и Копье КРОМА 29	КОНАН и Брата БЕРНОТИ 30	КОНАН на Мадный Лабиринт 31	КОНАН и Врата ИДА 32	КОНАН и Чаша БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН и Азейной СТАЖ 34	КОНАН и Торговцы ПРЕЗАМП 35	КОНАН и Алатъ ПОВОДЫ 36
КОНАН и Битва Бессмертных 37	КОНАН и Генералы ПЛОТИ 38	КОНАН и Берег ПРОКАЛЫХ 39	КОНАН и оковы БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН на Мадьица НЕВЕС 41	КОНАН и Древо МИРОВ 42	КОНАН и Кольцо ВЛАСТИ 43	КОНАН из Зов ДРЕВНИХ 44	КОНАН и Пророк ТЬМЕЙ 45
КОНАН и Гнев СЕТА 46	КОНАН и Храм ночи 47	КОНАН и Король ВОРОВ 48	КОНАН и подземный ОГОНЬ 49	КОНАН и мятеж ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН и Кайдо ЗМЕЯ 51	КОНАН и хозяин ОКЕАНА 52	КОНАН и Корона МИРА 53	КОНАН и посланник СВЕТА 54
КОНАН и спящие ЗАО 55	КОНАН и зеваки ШАДИЗАРА 56	КОНАН и сквайт ХАОСА 57	КОНАН и Жрец ТАРИМА 58	КОНАН и скитаний ПЛЮТО 59	КОНАН и Повелитель МОЛНИИ 60	КОНАН 14 ТИПЫ ХАЙБОРЫ 61	КОНАН и всадники БУРЫ 62	КОНАН и саба ИСПОЛИНА 63





# КОНАН И ТЕМНЫЙ ОХОТНИК



ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»  
Москва • Санкт-Петербург • 2005

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

К64



Серия «Конан» основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

*Авторские права защищены.*

*Запрещается воспроизведение этой книги  
или любой ее части, в любой форме,  
в средствах массовой информации.  
Любые попытки нарушения закона  
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 3.02.05 г. Формат 84×108<sup>1/3</sup>.  
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 9000 экз. Заказ № 1046.

Конан и темный охотник : [повести, рассказы] — М.: АСТ, СПб.:  
К64 Северо-Запад Пресс, 2005. — 391, [9] с. — (Конан).

ISBN 5-17-029820-X (ООО «Издательство АСТ»)  
ISBN 5-93698-120-7 («Северо-Запад Пресс»)

Величайший из героев Хайдорийского мира, цепостый Конан-киммериец, без устали сражается с колдунами и некромантами, когда их магия угрожает ему самому или его друзьям. И в юности, как беспощадный вор и наемник, и в зрелые годы, став королем могущественной державы, он переживает самые невероятные приключения.

УДК 821.111(73)  
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999  
© С. Шикин, обзор, 1998  
© «Северо-Запад Пресс», составление и  
подготовка текста, 2004

## Темный охотник



*Герцогство Райдор, Британия,  
Лето 1285 года по основанию Аквилюнии.*



тично понимаю, что делами подобного рода должно заниматься мое ведомство или на крайний случай городская стража, но... — Охранитель короны герцогства Райдор мессор Атрог Гайарнский развел руками. — Вы должны понимать, что ситуация необычная. Девятнадцать исчезновений за седмицу — это, по-моему, перебор...

— Не буду спорить, ваша милость, — отозвался Гвайнард. — Значит, вы полагаете, что тут задействованы потусторонние силы и Ночная Стража обязана вмешаться?

— Непременно обязана, — коротко сказал охранитель. — У меня есть доказательства... Очень нехорошие доказательства. Идите за мной, придется спуститься в подвал замка, на ледник.



— Есть на что посмотреть? — вполне невинно осведомился Конан, но месьор Атрог ожег слишком любопытного киммерийца взглядом изголовья давшегося валиска, молча встал и направился к выходу.

Охотники всей гурьбой отправились вслед, гадая, что же такого интересного подготовил для Ночной Стражи достойный Охранитель короны. А если учитывать тот неоспоримый факт, что Атрог отличался от прочих людей полным отсутствием чувства юмора и запредельной серьезностью, подготовленный им сюрприз мог оказаться крайне неприятным.

Ожидания вполне оправдались. Вообще-то обширный ледник герцогского замка предназначался для хранения продуктов и скоропортящейся снеди для замковой кухни, места здесь хватало. А посему Атрог посчитал, что обнаруженный его шпицами предмет лучше сохранится на холоде — от кухарей не убудет. И все же означенный предмет охранялся двумя верзилами из личной охраны его милости. Вид у верзил оказался замерзший и недовольный — еще бы, за стенами замка печет летнее солнце, а в этом каменном гробу холоднее, чем на побережье Ванахайма посреди полярной зимы.

— Попрошу взглянуть, — Атрог, не меняя привычного безразлично-брезгливого тона, откинулся дерюгу, которой было прикрыто нечто, формой напоминавшее небольшое животное, наподобие дворовой собачки. Вне всякого сомнения, животное было мертвое.

Охранитель оглянулся на Стражей, устремил взгляд на броллайхэн и спокойно посоветовал:

— Месьор Эйнар, зная твою слабость к дурным зрелищам, я бы посоветовал не подходить ближе...

— Вот еще! — возмутился верный соратник Гвайнарда и компании, хотя отлично знал, что вид крови или, тем более, разъятой плоти немедленно вызывал у него приступы неудержимой тошноты. — Показывайте, что там у вас... О, боги... Атрог, где вы раздобыли эту штуковину? Кошмар!

— Какая гадость, — медленно и очень внятно произнесла Асгерд, затем зажав рот ладонью. Конан и Гвай, не сговариваясь, присвистнули, причем этот звук нес в себе сразу несколько смысловых оттенков, от безмерного удивления, до крайнего отвращения.

— Его убили ночью, стража Рыночного квартала постаралась, — бесстрастно комментировал Атрог. — Хотя, конечно, я предпочел бы изловить это существо живьем и отдать вам для, так сказать, изучения... Ибо даже я, человек с весьма немаленьким опытом в деле охранения нашего герцогства от всяческих напастей, не мог себе представить, что... что подобная мерзость имеет право на существование.

— Не имеет она таких прав, — угрюмо сказал Гвай, присаживаясь на корточки рядом с объектом внимания Охранителя и месьоров охотников. — И никогда не имела, поскольку сие противно природе. Ребенка, конечно, не опознали?



— Отчего же, опознали, — Атрог удостоил Ночных Стражей кривой самодовольной ухмылкой. — Нынче же утром. Думаю, вы не сомневаетесь, что мои цепные псы еще не утратили своей хватки?.. Голова принадлежит сыну сапожника Алгара с Утиной улицы, очень уж примечательное родимое пятно на затылке слева, у нас записаны все мельчайшие приметы исчезнувших детей. Родителям, разумеется, мы ничего не сообщили — так будет лучше. Стражникам Рыночного квартала приказано молчать под страхом виселицы...

— Согласен, — кивнул Гвай. — Воображаю, какие слухи поползут по городу, если люди узнают, что с пропавшими младенцами вытворяют *такое*... И последствия могут быть непредсказуемыми — от бунта черни до повальной охоты на ведьм и погромов в домах подозрительных людей, которые стража уже не остановит.

— Мыслите в правильном направлении, месьор Гвайнард, — удовлетворенно сказал Атрог. — Я доложил о случившемся герцогу Райдорскому, и он приказал немедленно привлечь Ночную Стражу к расследованию. Со своей стороны обещаю любое содействие — людьми, деньгами, сведениями. Мы обязаны остановить это. И немедленно.

— Так... — Гвай почесал в затылке. — С чего начнем? Нам нужно знать, в каких домах исчезли новорожденные, полный список. Ежевечерне присылайте нам подробнейший доклад о городских слухах, пусть даже самых нелепых. Если снова

объявится нечто... нечто подобное, присылайте спешного гонца. А уж мы начнем копать с другого конца.

Как будет угодно, — согласился Атрог. — Можете быть свободны, месьоры. Искренне желаю удачи, она всем нам очень понадобится...

На пороге ледника Конан приостановился и еще раз бросил взгляд на валявшееся в углу непотребство. За всю свою жизнь, которую никак нельзя было назвать скучной или ненасыщенной яркими впечатлениями, варвар впервые увидел то, что потрясло его до глубины души.

Какая-то неизвестная сволочь, недавно похитившая из дома сапожника ребенка трех седмиц от роду, неким чудесным образом ухитрилась приставить голову младенца к туловищу некрупной пегой собачки. И хуже всего то, что это невероятное существо жило, могло ходить, бегать и даже как-то соображать — стража гонялась за этим необычным монстром едва не четыре полных квадранса...

Конан покачал головой, сплюнул и притворил тяжелую дверь ледника, оставив замерзших мордоворотов из стражи Атрога оберегать невиданное и далеко не самое доброе чудо в одиночестве.

\* \* \*

— Итак, что мы имеем? — задал вопрос Гвайнард, когда компания охотников на монстров расположилась за обширным столом в «Арсенале», как именовалась их любимая общая комната



в доме на Волчьей улице. — Отчего молчите, верные друзья и доблестные соратники? Нечего сказать? Вот и мне тоже нечего...

— Скверная история, — мрачно высказался киммериец и снова замолчал, поскольку никаких соображений касательно порученного Атрогом дела у Конана не было. Слишком уж дурно оно попахивало.

Если излагать коротко и внятно, то произошло вот что: в городе начали исчезать дети. Все осложнялось тем, что это были дети еще не вошедшие в сознательный возраст, когда юному сорванцу может прийти в голову мысль сбежать из дома на поиски приключений или когда ребенка могут продать в рабство похитители (тем более, что в Бритунии рабовладение было давним-давно отменено).

Все потеряшки были сущими сосунками: самому младшему оказалось четыре дня от роду, самому старшему — девять седмиц. Все до единого происходили родом из небогатых, но многодетных семейств, проживающих в пределах города. Судя по сообщениям Атрога, похищения совершились без всякой системы, в разных квартирах, иногда за ночь исчезало сразу три младенца, иногда похитители не беспокоили Райдор по несколько дней подряд. Отмечен случай двойного похищения — в семействе гуртовщика исчезли новорожденные близняшки.

Вполне естественно, что напуганные родители обратились к «городской гвардии», в каждом случае было учинено дознание, а поскольку все све-



дения о сколь-нибудь заметных происшествиях стекались наверх, в канцелярию Охранителя короны и лично Атрогу, его милость довольно быстро сделал надлежащие выводы — когда за несколько дней в городе похищаются почти два десятка младенцев, невольно начнешь предпринимать решительные меры. Тем более что по Райдору уже поползли мутные сплетни о банде злодеев, не то черных магов, не то людоедов, истребляющих невинных деток.

Атрог занимал пост начальника тайной службы Райдора не один год, цепкости и разума Охранителю было не занимать, а потому было решено начать двойное расследование: с одной стороны будут трудиться сыскари тайной канцелярии, с другой — Ночные Стражи, ибо исключать возможность того, что в деле действительно замешана черная магия или нечто подобное было никак нельзя. Особенно после происшествия с собакой, у которой внезапно обнаружилась голова одного из похищенных младенцев.

— Я постарался рассмотреть эту... это существо очень внимательно, — снова заговорил Гвай, не дождавшись от Конана, Астерда и Эйнара ни единого слова. — Понимаете, все выглядело... гм... естественно. На шее нет шрама, голову не пришивали, такое впечатление, что псина изначально родилась такой, какой мы ее увидели. Не знаю как вы, но лично я никогда ни о чем подобном не слышал и не читал в книгах.

Гайнара указал взглядом на полки, где громоздились толстенные фолианты, посвященные



самым разным темам — от демонологии до магии. Любой уважающий себя отряд Ночной Стражи собирает книги способные помочь в много-трудном ремесле истребления нечисти, нежити и небыти досаждющей мирным обывателям. А уж о составленных самими охотниками и Хранителями Гильдии бестиариях ходили легенды, и все серьезные книжные собрания стран Заката старались обзавестись списками с трудов месьоров охотников, для которых чудовища и демоны были столь же естественной частью жизни, как охота для дворянина или сбор урожая для крестьянина.

— Бред какой-то... — высказался Конан. — Зачем приставлять голову ребенка — собаке? Каков глубинный смысл этого действия?

— А каков глубинный смысл твоих почти ежевечерних похождений в «Синюю Розочку»? — усмехнулась Асгерд, припомнив варвару его пристрастие к девицам из борделя госпожи Альдерры. — Ты можешь взятно объяснить, зачем ты там надуваешься вином по самые глаза, а потом устраиваешь драки с другими посетителями?

— Ну, ты и язва, — покачал головой варвар. — Во-первых, молодой и здоровый мужчина никак не может обойтись без женской ласки, это закон природы не нами установленный. А вино и все остальное... Это просто весело. Вот тебе и весь смысл!

— Стоп, стоп, — поднял руки Гвайнард. — Не будем же мы утверждать, что некто похищает детей и вытворяет с ними такие гнусные фокусы

просто ради шутки и веселья? Версия отпадает. Жду других соображений.

— Эксперименты черных магов, — неостроумно ввернул Эйнар, а все прочие только скривились: на весь Райдор имелся только один человек, которого с огромной натяжкой можно было назвать «волшебником» — алхимик герцога Варта, месьор Аделард. Старикан давно и прочно считался умалишенным, а потому всерьез никем не воспринимался.

— Еще? — уныло спросил Гвай.

— Некое, никому не подконтрольное и неизвестное нам природное или магическое явление, — не слишком уверенно сказала Астерд. — Вроде «Бури Перемен».

— Оригинально, но совершенно невозмож-но, — отмахнулся Гвайнард. — Буря Перемен, действующая настолько избирательно и ничем более себя не проявляющая? Чепуха!

— Шуточки каких-нибудь тварей вроде джерманлов, — Конан припомнил недавнюю историю с двумя пакостниками, смыслом жизни которых было «портить» магические предметы. Двое таких существ всего десять дней назад пробрались в дом охотников, но большого ущерба не доставили, поскольку обоих джерманлов удалось весьма удачно сплавить магам Черного Круга Стигии (пусть и против воли последних) во время путешествия в баронство Лотар. — Гвай, вспомни легенды о волшебных существах, похищающих детей — нет дыма без огня!

— Это уже ближе, — кивнул предводитель



охотников. — Вспомним брауни, пикси, спрайтов... Но, Сет вас всех поглоти, это все *добрые* существа! Или, по меньшей мере, безобидные, владеющие очень слабой и безвредной магией. А тут — собака с головой украденного у родителей ребенка!

— У меня кончились версии, — вздохнула Асгерд. — Вот что, ребята... Может, нам стоит прекратить без толку чесать языками и заняться делом? Думаю, прежде всего, следует навестить один из домов, где исчез ребенок и тщательно все осмотреть. Гвай, посмотри по списку Атрога, где в последний раз случилось похищение?

Гвайнард уткнулся в выданную Охранителем бумагу и прочел последнюю строку:

— Улица королевы Гизелы, дом шорника Дарта, исчез мальчик четырнадцати дней от роду, позапрошлой ночью. — Гвай поднял взгляд на остальных. — Едем?

— Я пошел коней седлать, — варвар тяжело поднялся из-за стола. — Чует мое сердце, на этот раз мы столкнулись с чем-то совсем уж скверным.

— Не накаркай, — поморщилась Асгерд. — И без твоего нытья тошно...

\* \* \*

Дом на улице королевы Гизелы оказался самым обычным для Райдора — могучий бревенчатый сруб под дранковой крышей, обширный двор с мастерской и хозяйственными пристрой-

ками. Над воротами — эмблема шорной гильдии в виде силуэта быка на фигурном щите.

Хозяин, месьор Дарт, обнаружился на дворе — давно наступило утро, пора приступать к делам. Супруга шорника суетилась неподалеку — задавала корм курам. Были и дети: Конан насчитал пятерых, в возрасте от двух до десяти лет — семья и впрямь оказалась многодетной.

Представлялись недолго — охотники были известными в Райдоре людьми. А когда зашел разговор о деле, месьор Дарт, изредка перебиваемый робкой женой, поведал следующую историю.

Дитя исчезло ночью, во всяком случае, до первых рассветных лучей. Более старшие дети всегда спят в отдельной комнате, малыш же почивал в люльке рядом с постелью супругов — новорожденного мать кормила грудью, да и оставлять такую кроху без присмотра не стоило.

Как исчез? Ну что вам на это сказать, месьоры охотники... Днем наработаешься так, что перед закатом только одна мысль и есть — выспаться как следует. Нет, жена спит куда более чутко, мать все-таки! Почему ничего не слышала? А кто ее знает! Что с домашней скотиной? Нет, вроде не беспокоилась ночью...

Словом, допрос шорника с супругой ничего не дал — людьми они оказались ограниченными и маловнимательными, потеря ребенка не так уж их и огорчила (и так детей полон дом, да и следующего народить не проблема).

Вечером ребенок благополучно уснул в деревянной люльке, подвешенной толстыми кожаны-



ми шнурами к потолочной балке, а утром — как демоны унесли.

Осмотрели спальню комнату. Вполне естественно, что никаких следов обнаружено не было. Гвай лишь плечами пожимал.

— Запах с утра был, — жена шорника, тихонько стоявшая у дверей сложив руки на животе, внезапно подала голос, заставив Стражей резко обернуться. — Сырой такой, будто с болота.

— Болота? — Конан поднял брови. — А подробнее можно?

— Значит, просыпаюсь — словно тиной болотной пахнет, — смущенно ответила женщина. — И еще, как будто сырой бараньей шерстью. Выгоните овцу под дождь, потом в овчарне так же пахнуть будет.

— И больше ничего не заметили? — наседал Конан.

— Ничегошеньки, — покачала головой мамаша пропавшего малыша. — Только в люльке пусто, одеяльце на пол сброшено... Ничего кроме запаха. Сильный такой, даже муж учゅял, едва голову с полуушки поднял, спросил, откуда, мол, вонища...

Дарт подтвердил, что «вонища» тем утром и впрямь имела место — думал, через открытое окно от выгребной ямы нанесло. Чем пахло? Овчарней. И сыростью, будто в лесу после затяжного ливня.

— Кажется, здесь нам больше делать нечего, — констатировал Гвай. — Но такое согласное утверждение о страшном аромате наводит на



мысль, что ребенок не просто растворился в воздухе, а был именно украден неким существом, имеющим соответствующий запах. Надо проверять дальше. Эйнар, у тебя перо с чернильницей при себе?

— Разумеется, — кивнул броллайхэн и полез в висевший на поясе споран, где кроме амулетов, денег и всякой ненужной мелочи хранился походный тубус для пергаментов, в котором кроме чистых листков хранились еще два отточенных стиля, а крышечка тубуса являлась заодно и хранилищем лучших чернил из краски осьминога.

— Во-от, — Гвайнар разорвал лист пергамента на четыре части и начал выписывать на листочках адреса всех семейств, где исчезли младенцы. — Разделимся. Я и Асгерд проверим пять домов, Конан и Эйнар по четыре. Итого восемнадцать оставшихся... Особенно будьте внимательны к сообщениям о необычных запахах, заодно попробуйте отыскать хоть какие-то следы... Не будут пускать или откажутся разговаривать — бегом марш в ближайшую кордегардию, за ребятами месьора Атрога. Расследование официальное, посему господам из тайной службы подчинится каждый... Если, конечно, не хочет нажить неприятностей. Собираемся вечером дома. И очень прошу — повнимательнее!

— Когда это я был невнимательным? — буркнул Конан, засовывая обрывок пергамента в пояс. На листочек твердой рукой Гвая были выведены четыре адреса и имена владельцев домов. Писал Гвай нордхеймскими рунами, имевшими



хождение и в Киммерии, так что трудностей у варвара (и так гордившегося своим знанием нескольких языков и разных систем письма, принятых на Закате) возникнуть не должно было.

Охотники взобрались в седла и разъехались по Райдору — варвару достались Полуденные кварталы.

Сартак, ездовой монстр Конана, точь-в-точь копирующий внешностью гнедого жеребца пуантенской скаковой породы, вышагивал по улицам столицы герцогства с достоинством королевского коня, выведенного на прогулку.

— Сначала на Громовую улицу, — сказал сам себе киммериец, поглядев на исписанный рунами листок. — Семья Гердаса из Чарнины, столяра... Поглядим, чего он там унюхал!

\* \* \*

— Ясно то, что решительно ничего не ясно, — Гвай, вновь возглавлявший украшавший «Арсенал» огромный стол, неотрывно смотрел на пламя свечи, стоявшей прямо перед ним. — Из девятнадцати случаев, в семнадцати родители исчезнувших детей чувствовали с утра странный устойчивый запах. В основном, они утверждают, что пахло лесом или болотом, иногда — мокрой шерстью овцы. Кажется, это уже след...

— Как же, отличный след, — съязвил Конан. — Теперь представим себе обитающую на болотах хищную овцу, имеющую привычку забираться в дома людей, красть младенцев, а затем,

удовольствия ради, приставлять их головы к туловищам собак. Ты это себе так представляешь?

Гвай выразительно поглядел на Конана, покрутил пальцем у виска и сказал:

— Логика, логика, мой дорогой киммериец! *Некто* похищающий детей действительно существует! И это явно не человек — люди слишком некорректны, привыкли оставлять после себя хоть малейший след, ниточку, за которой мы пойдем и наконец поймаем злоумышленника... Хоть кол мне на голове тешите — мы столкнулись с существом, о котором прежде Ночная Стража не слышала.

— Или слышала... много столетий назад, — дополнил Эйнар. — Реликт. Некое древнейшее существо, скрывавшееся в наших дебрях долгие столетия и внезапно выползшее к населенному людьми городу... А еще скорее — демон, выживший со временем Кхарии или случайно вырвавшийся в наш мир из Черной Бездны. Надо искать что-то необычное. Тварь, о которой ничего не известно самым опытным охотникам и не описанную в наших бестиариях.

— Тебя не спросили... — проворчал Гвайнард. — Но вот откуда начинать поиски? Ни мы, ни Атрог не можем приставить по посту стражи к каждому дому, где есть новорожденные. Давайте отталкиваться от того, что мы знаем. Во-первых, существо появляется исключительно по ночам, что скорее всего указывает на его демоническое происхождение. Нечистая сила, в общем.

— И в то же время шорник сказал, будто до-



машний скот ночью не беспокоился, — перебила Асгерд. — А животные чувствуют нечисть за добрую лигу.

— Тоже верно, — разочарованно сказал Гвай. — Это закон, и его не изменишь. Во-вторых, исконое Нечто имеет резкий запах, причем весьма необычный. Люди первым делом обращали внимание на запах сырости, болотной тины, к которому примешивалась вонь овечьей шерсти. Значит, надо искать возле водоемов или у реки.

— В городе нет ни единого водоема, а колодцы мы таковыми считать не будем, — разумно сказал Конан. — Река протекает за стенами Райдора и на приличном расстоянии — до ближайшей излучины топать не меньше полулиги. Ночью перебраться через городские укрепления исключительно сложно, да еще и стража... Значит, он прячется в городе.

— Необязательно, — покачал головой Эйнар. — Под Райдором достаточно разветвленные катакомбы, вспомните хоть историю с Королем Крыс, который прятался в подземелье! Некоторые ходы наверняка могут вести за пределы периметра укреплений. Точного плана катакомб нет даже у Атрога. Так что нашему болотному барабашку вовсе не обязательно прыгать через стены — отыскал надлежащий подземных ход, и иди себе.

— В-третьих, — упрямо проговорил Гвай, — это существо передвигается очень тихо или обладает способностью завораживать или усыплять людей. Как, например, некоторые вампиры. Ни-



кто из взрослых ночью не просыпался и ничего не слышал, хотя многие, особенно матери новорожденных, спят очень чутко. В-четвертых...

Тут Гвай замолчал, поскольку никакого внятного «в-четвертых» не было. Список примет единственного похитителя оказался крайне ограничен, тут могли бы позавидовать даже составители розыскных листов из дознавательной управы, пишущие для стражи тексты наподобие: «Грабитель имел от трех до трех с половиной локтей роста, волосом темен, глаза цвета неопределенного, одет в черный плащ с капюшоном». По таким вот «приметам» можно полгорода в подвалы герцогского замка засадить...

— Еще остается неизвестным, как наше Нечто проникает в дома, ночами обычно запертые — большинство обывателей-мастеровых боится воров, так что замки и засовы на дверях крепкие, — высказалась Асгерд. — Окна и двери никто не выбивал, дверь в подпол всякий нормальный человек обычно запирает...

— Отдушины на чердаках, — предположил Конан. — Они никогда не закрываются бычьим пузырем, слюдой или стеклом, дом должен «дышать», иначе будет слишком сырое, или наоборот, древесина пересохнет и начнет трескаться. У нас тоже такие есть.

Варвар поднял палец к потолку, словно желая продемонстрировать, что жилище охотников мало чем отличается от прочих райдорских домов.

— В эти отдушины и кошка-то с трудом пролезет, — отмахнулся Гвай. — Не подходит.



— Это почему же? — не без иронии поинтересовался киммериец. — Почему ты думаешь, что тварь, которую мы ищем, величиной с пещерного серого медведя и ей обязательно требуется проход шириной с Королевскую улицу? Вдруг она маленькая?

— Хм... Логично, — после некоторого раздумья согласился Гвайнард. — Но у меня все равно ничего путного в голову не лезет. Не могу вспомнить ни единого монстра, который бы действовал подобным образом и вытворял такие вещи с человеческими детенышами. Ровным счетом никаких ассоциаций! И тут уже неважно, что Совет Хранителей Гильдии почему-то полагает меня одним из лучших командиров Ночной Стражи к Закату от Кезанкийских гор!

— Довольно хвастаться, — сморщила нос Асгерд. — Кстати, а никто не помнит монстров, у которых голова решительно отличается от остального туловища, словно бы ему не принадлежит? Может, здесь отыщется зацепка?

Эйнар немедля притащил толстенный «Бестиарий» в котором имелось описание почти всех монстров, встречающихся в Хайборийском мире, но и многомудрая иллюстрированная книга не помогла в поисках разгадки. Минотаурусы — демоны с бычьей головой и телом человека — решительно не подходили, хотя бы потому, что были тварями редкими и слишком крупными, гарпии (тело птицы, голова женщины) считались давным-давно истребленными, к этому же списку можно было отнести сфинксов (водятся толь-

ко в Стигии), грифонов (говорят, остатки этого племени сохранились только в Боссонском Ямурлаке) и прочих существ, чьи головы ну никак не гармонировали с туловищем.

За изучением фолианта охотники провели два квадранса, иногда втягиваясь в ожесточенный и бессмысленный спор. Давно стемнело. Домоправительница, госпожа Тюра, зажгла лампы и свечи в бронзовых подставцах, сообщила, что теплый ужин на печи в кухне и с тем отбыла на заслуженный ночной отдых.

Охотникам оставалось лишь потрапезничать и тоже завалиться спать. А ведь с утра обязательно примчится человек от Атрога с известием о новых пропажах или о появлении очередных страхолюдин с младенческими головами.

Плотно отужинавший Конан сбросил с себя одежду, оставилшись только в нижних штанах, и забрался под одеяло. Комнату они делили на двоих с Эйнаром, который предпочитал спать не на кровати, а на сдвинутых вместе длинных лавках, заваленных покрывалами из мягких звериных шкур — говорил, что спать на ровном для здоровья полезнее. Конан решительно не понимал, как может рассуждать о здоровье бессмертное существо — всем известно, что Духи Природы, броллайхэн, никогда не болеют, а живут так долго, что любой эльф удавится от зависти на ближайшей осине.

Варвару же вполне хватало громаднейшей, длиной и шириной в пять с половиной локтей кровати, с которой, правда, тоже была убрана



большая часть перин и подушек. Киммериец счел, что раз уж у него теперь появился собственный дом (охотники купили его вскладчину), то и жить в нем надо как в доме, а не заваливаться спать по походной привычке на пол, будто собака-шавка, у порога... Впрочем, давайте не будем вспоминать сегодня о собаках!

— Покойного сна, — промычал вежливый Эйнар, отвернувшись к стенке, а варвар лишь буркнул что-то неразборчивое: его уже окутывал сон, который обещал быть приятным — в самые первые мгновения начали грезиться лазурные башни Султанапура, мелькнули золотые волосы госпожи Стейны, владелицы «Врат Ста Наслаждений», замечательного увеселительного заведения, где Конан бывал частым и желанным гостем...

Бух-бух-бух! Бах! Бум!

Варвара будто пружиной подбросило. Какой там к демонам зеленым сон, когда в дверь дома колотятся так, словно желают сообщить, что прямо сейчас наступает Конец Мира и Великая Битва Богов или что городская стража решила арестовать всех охотников скопом и немедля повесить на воротах за какое-нибудь особо гнусное непотребство!

Громыхало так, что уши закладывало. Конан, в чем был, соскочил с постели, машинально схватил меч со стойки у входа и, шлепая босыми ногами по гладким доскам половиц, побежал к дверям. Зато Эйнар, лежебока, кажется, даже не проснулся.

В коридоре варвара догнал Гвай — тоже в ис-

поднем и тоже с обнаженным клинком в руке. Было видно, как сделанный из толстенных дубовых досок притвор вздрагивает под ударами снаружи.

— Именем герцога, открывайте! — донеслось из-за дверей. Голос оказался знакомым — месьор Атрог из Гайарны, чтоб его Сет проглотил, не разжевывая! — Немедленно!

Гвай все-таки принял меры предосторожности — сначала отбросил небольшую форточку, врезанную в дверь на уровне человеческого лица, узрел там физиономию месьора Охранителя Короны и факельные отблески и только после этого отбросил металлический засов.

На пороге действительно красовался лично Атрог в сопровождении аж шести здоровущих мордоворотов из его личной охраны. Все вооружены до зубов. У Конана мелькнула глупая мысль, что на сей раз предчувствие его не обмануло и Атрог на полном серьезе явился вешать Ночных Стражей на воротах. За бездействие и леность, проявленные в государственном деле.

— Вас не добудишься! — брызгая слюной, рявкнул Охранитель. — Немедленно одевайтесь и — за мной! Бегом!

— Можно осведомиться... — начал было Гвай, но Атрог взглянул на него так, словно хотел прирезать на месте и пролаял:

— По дороге расскажу! Живо!

Решили ехать вдвоем, оставив Асгерд и Эйнара (спит, как сурок, бездельник!) дома. Тем более, что предусмотрительный Атрог привел с собой



двух запасных лошадей и не надо было терять время на оседлывание собственных скакунов.

Оделись и вооружились моментально — охотникам не привыкать кспешным подъемам среди ночи. Удалили копыта, высекая искорки из камней мостовой, и девять всадников рванулись по ночному темному городу в сторону возвышавшегося на скале трехбашенного замка короны.

— Это катастрофа, — слегка задыхаясь, говорил Атрог. — Исчез ребенок графини Беаты Девой, родной племянницы его светлости герцога, жены графа Девоя, они как раз гостят в замке... Обнаружилось случайно, вскоре после полуночи... Няньке-кормилице не спалось, она вышивала в соседней комнате, услышала подозрительный шум в спальне господ, рискнула зайти проверить — колыбель пуста, родители спят мертвым сном, вонь стоит — как в выгребной яме. Подняла шум, ясное дело. Я объявил тревогу в замке и немедленно поскакал за вами, благо недалеко.

— Попробуем поймать по горячему следу? — понимающе выдохнул Гвай. — Похищение ведь случилось не больше колокола назад?

— Около того, — судорожного кивнул Охранитель. — Будьте спокойны, я принял меры — из замка мышь не выскочит.

Конан промолчал. Когда Атрог говорит «я принял меры» эдаким зловещим тоном, это значит, что Охранитель горы свернет, но своего добьется, чего бы это ни стоило.

Всадники поднялись по крутой дороге веду-



щей к резиденции его светлости, ворота замка распахнулись, и Конан едва не зажмурился: факелы и лампы зажжены, где только возможно и невозможно, от стражи и тихарей тайной службы не протолкнуться, однако суеты или признаков паники незаметно — за такие слабости Атрог будет гнать со службы или даже беспощадно вешать: рука у Охранителя не дрогнет.

— За мной, — скомандовал Атрог, спрыгивая с седла и едва не бегом направляясь к одному из боковых входов, ведущих в закатное крыло замка. — Этот путь короче. Не удивляйтесь, покой графа Девоя оцеплены, тройная стража и вдобавок мои головорезы...

Прыгая через три ступеньки, взлетели на второй этаж. Мрачные верзилы, оберегавшие персону Атрога, не отставали.

— Здесь, — Охранитель шуганул и впрямь очень многочисленную охрану и толкнул резную дверь. — Ну, месьор Гвайнард, теперь на вас одна надежда...

Охотники очутились в сравнительно небольшой, но роскошно обставленной и украшенной спальне, явно предназначавшейся для персон с титулами и пышной родословной. Кровать под бархатным балдахином, изразцовая офирская мебель, серебряные канделябры на тридцать свечей, туранские ковры. Пышно, ничего не скажешь.

Первое, на что обратил внимание Конан, так это на сохранившийся чужой запах — до прибытия Ночной Стражи Атрог категорически запре-



тил открывать окна или двери, чтобы не создавать сквозняка.

Киммериец являлся человеком бывалым, его прежняя (впрочем, как и нынешняя) жизнь была насыщена множеством впечатлений, среди которых запахи занимали далеко не последнее место — варвар отлично помнил невыносимую вонь аграпурской подземной тюрьмы, тонкий аромат грозы, возникающий во время магических опытов, благоухание покоев бывшей любовницы, королевы Тарамис, запах гор и степей, смрад, исходящий от демонов Бездны... Но сейчас Конан оставил лишь недоумевать. Этот запах был крайне необычен и ни с чем не сравним.

Многие из вас бывали в болотистом лесу, правда ведь? Чем там пахнет? Прелой листвой, грибами, тиной, застоявшейся водой, гниющим деревом, пыльцой болотных трав вроде осоки или тростника. Конан закрыл глаза и на мгновение ему почудилось, что он находится не в герцогском замке, а посреди заболоченных лесных дебрей где-нибудь на Полуночи Бритунии или в Пограничном королевстве. Ощущение было настолько полным, что варвар потряс головой, чтобы отогнать морок.

Но... Все опрошенные за минувший день люди были абсолютно правы: после визита похитителя в доме еще пахло овчарней. Овцами. Барашками. Как известно, любая домашняя скотина, от собаки или кошки, до лошади и коровы, не говоря уж о свинье, имеет собственный, четко различимый запах. Варвару за время долгих странствий



не раз доводилось ночевать и в овчарнях, если его туда пускали на ночь добрые люди, побоявшиеся пускать в дом грозного по виду громилу с мечом и метательными ножами на поясе.

Гвай сразу бросился к богато украшенной колыбели, стоявшей у изголовья кровати родителей (которых, кстати, в спальне сейчас не было). Балдахинчик из полуупрозрачного голубого шелка сдернут, пеленки тончайшего льна измяты, чепчик, который некоторое время назад явно украшал головку младенца валяется на ковре.

— Ни единого следа, — покачал головой Гвай после тщательного обследования люльки. — Ни царапин, ни отпечатков... Постойте-ка, а это что?

Предводитель охотников прищурился и снял с резного края колыбели несколько светлых волосков, зацепившихся за острый уголок.

— Алхимику сюда, быстро, — не оборачиваясь, процедил Атрог. — Со всеми инструментами!

Двое суровых мальчиков с медвежьими плечами мигом исчезли, будто их здесь и не было.

— Не стану утверждать со всей определенностью, но эти волосы явно не принадлежат человеку, — сказал Гвай, положив белесые волоски на раскрытую ладонь. — Слишком жесткие и толстые, вьются...

— У человека шерсть такого рода растет только... гм... ниже пупка, — со знанием дела вставил Конан, но Гвайнард и Атрог только руками взмахнули: не лезь, мол, со своими глубокими познаниями.

Не прошло и полуквадранса, как явился алхи-



мик — месьор Аделард. Как всегда в своем безумном балахоне, вышитом магическими символами и остром колпаке «волшебника». Конан, зная, что Атрог и герцогский алхимик друг друга ненавидят, приготовился было к очередному скандалу, немедленно возникшему при встрече этих двух достойнейших людей, однако сейчас Аделард был непривычно серьезен и собран — надо полагать получил надлежащее внушение, скорее всего лично от герцога.

На Атрога старикан внимания не обратил, зато с Гваем и Конаном раскланялся — к Ночной Страже алхимик относился благосклонно.

— Что у вас, показывайте? — проскрипел Аделард.

— Чья это шерсть, можно определить? Как можно быстрее? — Гвайнард протянул старику обнаруженные волоски.

Алхимик грозно взглянул на верзилу из компании Атрога, который приволок за Аделардом громадный черный мешок, надо полагать, с обязательными «магическими приспособлениями» — сиречь набором амулетов, оберегов и бутылочек с декоктами которыми пользовался этот старый шарлатан.

Волоски были изъяты у Гвая, помещены в прозрачную крохотную колбочку, в которую Аделард принялся наливать различные многоцветные жидкости из своей коллекции отрав. Наконец, случилось необычное — над склянкой сгустилось облачко голубого светящегося тумана и в нем на несколько мгновений ясно промелькну-

ла голова барана. Самого обычного барана, с загнутыми вперед рогами.

— Баранья шерсть, — с непоколебимой уверенностью заявил Аделард. — Никакой ошибки, такие настои еще хварийцы использовали, а уж они-то в магии разбирались получше всяких там Тот-Амонов с Пелиасами. Да и магия тут такая простая, что врать попросту не может. Однако...

— Однако — что? — Атрог медленно развернулся к старику и устремил на него пронзительный взгляд черных немигающих глаз. — Что-то не так?

— Понимаете, магия показала нам только голову барана, а не животное целиком, как положено, — скрипнул алхимик, преднамеренно обращаясь к Конану и Гваю, а не к Атрогу. — Волшебство должно было показать полный облик животного, а тут... Словно у этого зверя кроме головы ничего нет. Странно...

— Ты хочешь сказать, что может существовать отдельная, живущая сама по себе баранья голова? — процедил Охранитель.

— Не знаю, — пожал плечами Аделард. — Магия показала, кому, а точнее чему, принадлежит шерсть — бараньей голове. И больше ничего. Вдруг остальное тело у этого барашка какое-нибудь другое?

Охотники непонимающие переглянулись, а господин Охранитель лениво повел ладонью, давая понять, что услуги алхимика более не требуются. Аделард еще раз поклонился Стражам и молча ушел с гордо поднятой головой. Атрогов мордо-



ворот послушно потащил вслед за стариком его неподъемную сумку.

— Ничего не понимаю, — нарушил тишину Охранитель короны. — Гвайнард, Конан, есть какие-либо соображения?

— Надо бы допросить свидетелей и подробнейшим образом осмотреть прилегающие помещения, — уклончиво ответил Гвай.

— Вот и займитесь. Если понадобится помочь — я буду у себя в кабинете, зовите немедленно.

На главной башне Райдорского замка отбили третий послеполуночный колокол.

\* \* \*

Родители пропавшего дитяти, граф и графиня Девой, обнаружились в соседней зале для приемов. Держались они, надо сказать, со спокойным достоинством, хотя и понимали, что с их полуторамесячным первенцем стряслась нешуточная беда. Здесь же находился и его светлость герцог Варт Райдорский — высокий представительный бородач в черном бархатном костюме и золотой гербовой цепью на шее.

— Мое почтение Ночной Страже, — прогудел герцог, приложив правую ладонь к груди и чуть наклонив голову. — Думаю, вы в курсе произошедшего. Атрог мне докладывал, что охотники взялись за это дело и теперь я уверен, что все обойдется благополучно.

Ни Гвай, ни варвар герцогской уверенности не



разделяли — эта история представлялась им чрезвычайно запутанной и почти неразрешимой. Посему никаких объяснений с герцогом не последовало и Стражи сразу начали допрос родителей младенца.

Как и во всех прошлых случаях выяснилось, что граф и графиня спали мертвым сном, ничего не слышали и не видели, проснулись только от криков кормилицы, обнаружившей, что колыбель пуста.

Немедля вызвали кормилицу — сохранилась надежда, что она могла что-либо заметить.

Нянькой графского отпрыска оказалась высокая и полная деревенская девица, однако ее низкое происхождение не давало повода думать о том, что она глупа — дворяне весьма тщательно подбирают себе слуг. Да и взгляд у девы был ясный, цепкий и вполне разумный.

— Начнем с самого начала, — устало сказал Гвайнард, когда кормилица уселась в кресло напротив. — Как тебя зовут?

— Габи, дочь Хомера, ваша милость. Из деревни Аграс, что в графстве Девой.

— Очень хорошо, Габи. Скажи, что произошло после того, как ты покормила ребенка на ночь и уложила спать?

— Господа тоже улеглись, — дева стрельнула глазами на безмолвных графа и графиню, — а я отправилась в соседнюю комнату для прислуги. Сами понимаете, если дитя проснется и начнет плакать, я сразу должна придти... Не спалось, я принялась за вышивание.



— За вечер, до исчезновения малыша, не случалось ничего необычного?

— Вроде нет, — покачала головой Габи. — Один раз заходил месьор десятник стражи... — тут дева слегка покраснела. — Он за мной ухаживает. Пытается, по крайней мере. Я сказала месьору десятнику, что устала и отослала прочь. Все было тихо до того времени, как на башни начали бить первый квадранс после полуночи.

— Так-так, — Гвай подался вперед. — Значит ты точно помнишь время?

— Конечно, ваша милость, чего тут сложного. Кроме того обычно к третьему полunoчному колоколу малыш просыпается и я должна его покормить...

— И что же произошло потом?

— Вначале я услышала очень тихое шуршание, не могу сказать точно где — в коридоре, спальне господ или боковой комнате, где ночует камердинер его светлости графа. Тихо так шуршало...

— На что был похож звук? — настаивал Гвайнард.

Дева нахмурилась, подумала, потом встала, попросила у Гвая его куртку из тонкой бычьей кожи, затем положила ее на паркетный пол и потянула за собой за рукав.

— Примерно вот такой звук был, — сказала Габи, а охотники только головами покачали — умная девочка. Идеальный свидетель, как выражался бы Атрог.

— Понятно, — вздохнул Гвай, забирая куртку обратно. — А что потом?



— Через пол-квадранса в господской комнате что-то шикнуло, будто пар из-под крышки котелка вырвался, и сразу раздался непонятный стук и скрип — точно говорю, это люлька скрипела, я ничего не могла перепутать... Я постучалась к господам, но они спали. Решила войти. Колыбель была сдвинута и раскачивалась, ребенка не было. Я сразу начала кричать, прибежала стража. Вот и все.

— Да уж, голос у нашей очаровательной Габи — как у полковой трубы, — вставил герцог Райдорский. — Даже я проснулся, хотя ночую в соседнем крыле.

— Кроме сдвинутой люльки больше ничего необычного не заметила? — продолжал настаивать Гвай. — Пойми, тут важна любая мелочь!

— Заметила, — почему-то шепотом ответила кормилица. — Идемте, покажу.

Вернулись в спальню. Габи сразу ткнула пальцем в отверстие воздуховода, находившееся под потолком в дальнем углу комнаты, над столиком для благовоний, пудры и прочих дамских принадлежностей. — Мне показалось, что в этой дыре кто-то был. Я его не видела, только смутная тень. Увидев меня, он зашипел, будто змея, и уполз в глубину.

— А ведь месячный ребенок в такую дыру запросто пролезет, — тихо сказал Конан Гвайнарду. — Давай-ка глянем.

На столике оказался беспорядок — золотые и серебряные фланончики сдвинуты, некоторые опрокинуты, зеркальце перевернуто. Графиня



Девой немедленно сообщила, что вечером все предметы находились на своих местах.

— Значит, похититель сначала забрался на столик, потом дотянулся до отдушины и залез в нее вместе с добычей, — констатировал Гвайнард, хотя это было понятно и без его слов. — Приведите ко мне каштеляна замка с подробным планом постройки! Посмотрим, куда ведет этот ход!

Прибыл замковый управитель с несколькими свитками. Оказалось что замок был выстроен аж пять столетий назад, а в те времена мало обращали внимания на составление точных планов, однако кое-что сохранилось — увы, это были лишь общие чертежи с минимумом подробностей.

И тем не менее кое-что полезное Ночные Стражи обнаружили — на плане была четко прорисована главная система вентиляции, состоявшая из полых, выложенных кирпичом воздуховодов, тянущихся от самой крыши замка, до подвалов, где хранились припасы и находилась небольшая тюрьма для особо зловредных нарушителей благочиния. Отдушины, ведущие к отдельным комнатам, нарисованы не были, но было ясно, что они связаны с главными воздуховодами.

— Я уверен, что похититель скрылся по одной из шахт и ушел в подвал. Оттуда есть выход в катакомбы под городом, — твердо сказал Гвай. — Там и будем искать. Конан, у тебя ведь есть знакомства с братией «Ночных Цирюльников»?

Варвар молча кивнул, мигом уяснив, что собирается делать Гвай.



— И все-таки, когда вы сможете дать нам ответ, жив мой внучатый племянник или... убит? — напрямую спросил герцог Райдорский.

— Не знаю, — честно ответил Гвайнард. — Ваша светлость, учитывая все обстоятельства, я могу сказать только одно: это крайне сложное дело.

— Ночная Стража никогда меня не подводила, — сказал Райдор. — Постарайтесь уж и на этот раз не оплошать.

— Постараемся. Но твердых обещаний дать не можем. Конан, кажется мы выяснили все, что требовалось. Пойдем заглянем к Атрогу, а потом поедем домой отсыпаться — завтра будет очень тяжелый день. Вы позволите, ваша светлость?

Герцог лишь молча кивнул.

\* \* \*

Райдор — город небольшой, хотя и считается столицей самого крупного герцогства Бритунии. Однако, не взирая на малочисленность населения (всего-то около двенадцати тысяч жителей) и неусыпный надзор за благочинием со стороны грозного и скорого на расправу Атрога Гайарнского, в Райдоре все-таки имелась небольшая, но весьма удачливая гильдия «Ночных Цирюльников» — разумеется, уважались они куда меньше своих коллег по ночному промыслу, сиречь охотников на чудовищ, да и уважать сих «цирюльников», откровенно говоря, было не за что — сплошное ворье. Причем ворье самого разного пошиба, от конокрадов и рыночных карманников



до вполне солидных людей, специализирующихся на кражах у ювелиров или богатых купцов.

Атрог был человеком умным и отлично понимал, что человеческую природу не исправишь — надо полагать, отдельные представители людского племени начали воровать с самого сотворения мира — сия пагубная страсть неискоренима и неистребима. Конечно, в большинстве случаев открытого нарушения закона назначалось дознание, и пойманный ворюга отправлялся либо на рудники, либо в подвалы замка герцога. Однако гоняться за каждым карманником — увольте! Ну а если в ходе дознания не удалось ничего доказать, обвиняемый возвращался на свободу, где и продолжал проворачивать темные делишки до времени, пока снова не попадется.

Искренне ненавидел Охранитель короны только одну категорию мошенников — торговцев «дурью», а именно различными видами лотоса, который доставлялся контрабандой в Восхода и Полудня. Изловленный продавец зелья немедленно приговаривался к смерти и переправлялся в столицу, Пайрогио, для показательной казни — герцог Райдор не очень любил такие представления в своем городе, брезговал.

В любом случае, в Райдоре было куда спокойнее, чем в других городах Заката — «цирюльники» старались работать осторожно и попадались на горячем редко, да и неписаный кодекс чести воров запрещал красть у людей бедных, у вдов или тех, кого воры «уважали».

А поскольку Ночную Стражу уважали все, на-



чиная от венценосных особ до распоследних нищебродов, за свое хозяйство охотники могли быть спокойны. И это не смотря на то, что Стражи очень неплохо зарабатывали своим ремеслом и в доме частенько хранились весьма крупные суммы в золоте и серебре.

Желание Гвая пообщаться с «цирюльниками» было вызвано тем, что основное логово они устроили в катакомбах под городом — там же обитал и местный «король воров» по имени Элам Змеиная Рука. Поговаривают, что Элам является самым удачливым вором во всей округе — по крайней мере он никогда не попадался в цепкие лапы сторожевых псов месьора Атрога, не смотря на то, что ребята из дознавательной управы свое дело знали крепко.

Проникнуть в подземный дворец «короля Элама» было делом сложным — чужаков, не относящихся к братству «цирюльников» там не приветствовали, убежище в катакомбах предназначалось только для «своих». Но, как известно, Ночная Стража обязана знать все и обо всем, а потому Гвай и Конан поутру отправились на окраину города, к грязноватой таверне с неоригинальным названием «Бурлящий котел». Именно здесь могли отыскаться нужные охотникам люди.

Вошли, сели как приличные люди за столик у окна, кликнули девку — кружечка пива никогда не помешает. Конан с едва заметной усмешкой оглядывал ранних посетителей. Все было давно и насквозь знакомо: продувные рожи, фиолетовые кулаки, небритые подбородки и взгляды приме-



чательные — быстрые, оценивающие, словно ощущающие.

Лица посетителей, как говорится, печатью добродетели не были отмечены — на этих физиономиях стояли совершенно другие печати, как в переносном, так и в прямом смыслах: у двоих красавчиков восседавших за соседним столом багровели клейма дознавательной и судебной управ — это когда раскаленным металлом на правую щеку ставится знак в виде двойного перекрестья, означающий что носитель сего клейма определенную часть своей бурной жизни провел на каторге в Граскаальских горах, на серебряных копях.

Девка пива не принесла — две неподъемные деревянные кружки приволок лично хозяин заведения, при виде которого даже привычный Конан поморщился: синий шрам через всю харю, бельмо на глазу, на лысом черепе что-то вроде лишая, сбитые на костяшках волосатые кулачиши... Словом, красавчик каких поискать.

— Пиво бесплатно, — ухмыльнулся хозяин, отчего его рожа стала выглядеть еще страшнее. — За счет заведения.

— Это с чего ты, Хродгар, стал заниматься благотворительностью? — с деланным недоумением вопросил Гвай. — Сам знаешь, Ночная Стража вполне платежеспособна.

— Так ведь вам здесь не пиво требуется, — преспокойно сказал хозяин. — Рассказывай, что надо?

— Повидаться с Эламом Змеиной Рукой, —



прямо ответил Гвайнард. — Немедленно. Дело серьезное.

— Знаю, что серьезное, иначе бы вы мой кабачок за лигу обходили, — проворчал Хродгар. — Сейчас гонца пошлю. Вы пока ждите и пиво дуйте, свежее совсем...

Пиво и впрямь оказалось весьма неплохим, да и ждать пришлось недолго — спустя полтора квадранса Хродгар молча махнул рукой охотникам, призывая следовать за ним.

Зашли за стойку, миновали закопченную кухню. Хродгар забречтал связкой ключей и открыл скрытую занавесью дверь, за которой оказалась лестница, ведущая вниз.

— Идите, — сказал хозяин. — Внизу вас встретят, проводят.

Лестница оказалась длинной — ступенек пятьдесят. Внизу охотников действительно поджидали — проводником оказался худенький прыщавый подросток, облаченный в немыслимые воюющие обноски. В руке — факел.

— Меня зовут Лато, гильдия нищих, — просто представился прыщавый. — Давайте за мной, только не отставать, заблудитесь.

Конан попытался было считать шаги и повороты, но вскоре сбылся. Резиденция короля воров была надежно укрыта от бдительного ока властей самой природой.

По мнению охотников они прошли около четверти лиги. Наконец потянулись обитаемые места — естественные пещеры, освещенные масляными лампами. Скверного вида личности, раз-



местившиеся на лежанках или за кособокими столами, спали, чесались, играли в кости, переругивались — на нежданных гостей никто внимания не обратил. Если эти люди появились в катакомбах, значит так надо.

Лато провел Стражей по длинному коридору к небольшой пещерке, вход в которую (вот чудеса!) оказался завешен драгоценнейшей туранской парчой.

— Тута, — коротко объявил мальчишка. — Месьор Элам ждет.

Вошли, оценили. Устроился достопочтенный Элам вполне себе уютно, иной дворянин позавидует. Тут тебе и приличная мебель, и пушистые ковры, серебряная посуда на столе. Неброская роскошь.

— Рад приветствовать гостей, — послышался тихий хриплый голос из полутьмы на охотников выдвинулся весьма представительный старикин. Облик короля райдорских жуликов оказался вполне благообразен — ухоженная седая бородка, приличный кожаный колет, пояс с цветными камнями. Оружия не заметно — не положено авторитетному вору носить кинжалы или ножи. А взгляд у старичка очень живой, мальчишеский.

— Итак, чем вызван интерес Ночной Стражи к моей персоне? Вы присаживайтесь, сейчас я налью вина...

— В городе неспокойно... — начал было Гвай, но Элам перебил:

— Исчезновения детей? Знаю. Могу дать гарантию, что никто из наших к этому не причас-



тен. Тут что-то другое... И, судя по тому, что Ночная Стража проявила интерес к данному делу, все обворачивается скверно?

— Хуже некуда, — кивнул Гвай. — Младенцев похищает не-человек, а потом вытворяет с ними такое, что волосы дыбом становятся.

— Тоже знаю, — спокойно ответил месьор Элам. — Кое-кто из моих ребят видел собачку, убитую вчера стражей. Да и слухи в городе нехорошие. Давайте к делу: что вам нужно конкретно от меня?

Гвай рассказал. Особенный упор сделал на то, что похититель скорее всего проникает в город через катакомбы. И потом — воры народ внимательный, может видели чего? Или слышали?

— А еще воры народ довольно скрытный, — усмехнулся старикин. — Хорошо, я узнаю. Насчет катакомб... Мы обжили лишь небольшую часть подземелий и у нас пока ничего особенного не случалось.

— Отсюда есть выходы за пределы города?

— Разумеется, — ответил Элам. — Известны как минимум четыре прохода, два выводят к реке, два в лес к Восходу от города. Сами понимаете, человек моего ремесла должен обязательно иметь путь к немедленному отступлению.

— Нам бы хотелось их осмотреть, — немедленно сказал Гвай.

— Это не сложно, — согласился король воров и хлопнул в ладоши: — Эй, там! Лато, бегом ко мне!

Повернувшись к Гваю, Элам пояснил:



— Парень знает все ходы-выходы, проводит. Идти далеко — каждый тоннель не меньше лиги длиной.

— Постараемся управиться до вечера, — сказал Гвайнард и, подтолкнув прибежавшего на зов мальчишку, приказал: — Пошли! Сначала осмотрим тоннели, ведущие в лес. Только нам нужно еще два факела, мне и Конану...

\* \* \*

Как и предполагалась, изначально осмотренные два тоннеля выводили в леса, простиравшиеся почти от стен Райдора, до самих Кезанкийских гор — в первом случае, подземный ход закончился небольшим грохотом, за которым начинались заросли боярышника, а еще дальше шумел чистый сосновый лес без густого подлеска. Со вторым тоннелем оказалось сложнее — выход наружу загораживал густейший молодой ельник и дорогу пришлось расчищать мечами.

— Знакомое местечко, — сказал Гвай, осмотревшись. Вокруг охотников к небесам поднимались мрачные сине-зеленые ели, с клочьями паутин на ветвях. В чащобе было темно, будто глубоким вечером. — Мы в полулиге отсюда ловили этеркапа, помнишь?

— Еще бы не помнить, — проворчал Конан. — Ты потом его черепушку герцогу подарил.

— Не герцогу, а герцогскому алхимику, — усмехнулся Гвайнард. — Пошли обратно, все равно ничего путного не нашли...



— Теперь — к реке? — деловито осведомился Лато. — Учтите, там проходы более узкие и сырье, их иногда подтапливает при паводках.

— Какая теперь разница? — обреченно вздохнул киммериец, которому прогулки по подземельям уже смертно надоели. Ну не любил варвар всяческого рода пещеры и катакомбы, поскольку знал, что именно под землей чаще всего и прячутся всякие непотребные создания.

— Точно, что никакой разницы, — подтвердил Гвай и нырнул обратно в тоннель. — Лато, давай вперед! Кто тут проводник, ты или я?

Галерея номер три действительно оказалась подтопленной и пройти к выходу оказалось невозможно.

Тем не менее Гвайнард с самым пристальным вниманием осмотрел наросший на камнях мох и водоросли у кромки воды, после чего сделал вывод, что здесь давным-давно никто не появлялся — ни человек, ни демон, ни любое другое существо крупнее мокрицы: любые следы отсутствовали. Пришлось поворачивать обратно и искать дорогу к последнему, четвертому тоннелю.

Тут уже недалеко, — говорил Лато, уверенно шагая вперед по коридору. — Одна пятая лиги, и мы окажемся у выхода — там крутой склон реки, дыра как раз возле воды... Ой, ваша милость, это чего такое?

Мальчишка внезапно остановился, причем с ходу наскочившие на него Гвай и Конан едва не сбили Лато с ног.

— Вот оно... — прошептал Гвайнард, разгля-



дев, на что указывает проводник. Руки Лато начали вздрагивать и свет факела заколебался. Конан невольно отступил на шаг назад — почему-то находившееся перед ним маленькое существо показалось варвару крайне опасным.

Тварь очень походила на уродца, обнаруженного вчера возле кордегардии Рыночного квартала. Только теперь голова человеческого младенца оказалась приставленной к туловищу некрупной водяной свинки, едва достигавшей трех ладоней в холке.

Самое страшное было в том, что глазки «ребенка» смотрели на людей вполне осмысленно и крайне недоброжелательно. Крошечный беззубый ротик был полуоткрыт, с левого края губ стекала ниточка слюны.

— Сети с собой не взяли, идиоты, — едва слышным шепотом сказал Гвай. — Вот и думай теперь, убивать его или все-таки в этом существо осталось хоть что-то человеческое...

— Взять за шиворот, да сунуть в мешок, — так же тихо ответил Конан и внезапно признался сам себе, что делать это самому ужасно не хочется. Уж больно не нравилась киммерийцу прятавшаяся в подземелье тварюга.

Существо внезапно ответило охотникам тихим тявканьем — так тявкают месячные щенки, когда видят опасность или голодны. И тотчас тварь прыгнула вперед, оказалась прямо перед Лато, от неожиданности выронившего факел, а затем...

Затем Конан четко различил, как из ротика



существа на мгновение вылетело нечто вроде тонкого и длинного жала. Почти как у змеи, только оно было не развоенным, а острым, как шип или стилет. Жало прокололо драные штаны мальчишки, Лато завизжал как резаный и отшатнулся, падая на спину. Существо тем временем еще раз тявкнуло и со всех ног припустило в темноту.

— За ним? — рявкнул Конан, хватаясь за кинжал, поскольку орудовать мечом в тесноте коридора было невозможно.

— Стой! — Гвай бухнулся на колени рядом с упавшим на камень провожатым. — Ты только посмотри...

Лато хрипел и задыхался, глаза выкатились, губы и лицо посинели. На губах появилась розоватая пена.

— Хватай его, потащим обратно, вдруг у них найдется лекарь? — на одном дыхании выговорил Гвай. — Дорогу помнишь?

— Кажется помню, — здоровяк-Конан забросил мальчишку на плечо, как пушинку. Правда идти теперь приходилось, согнувшись, — потолок тоннеля был слишком низкий.

Когда Лато доставили к пещерке месьора Элама он был еще жив. Элам быстро уяснил, что его подручного укусило нечто опасное и весьма ядовитое, после чего быстро кликнув кого-то из своих, приказал привести человека, которого назвал «Травником».

Травник, очень пожилой оборванец явился немедленно — еще бы, «король приказал». Надо по-



лагать, этот старец исполнял в резиденции Элама обязанности лекаря и если судить по сумке, наполненной склянками и ржавыми инструментами, которыми пользуются настоящие врачуватели, относительно неплохо разбирался в своем деле.

Лато тем временем стал часто-часто дышать, глаза закатились. Вскоре его начала бить судорога, а потом дыхание и вовсе остановилось, хотя Травник попытался влить в рот пострадавшему какое-то зелье из флакончика темного стекла...

— Умер, — буркнул старикан, хотя это было очевидно. — Что такого с ним стряслось?

— А по твоему мнению? — сквозь зубы процедил Гвай.

— Такое впечатление, что парня укусил Черный аспид, это змея такая. Редкая, но в наших лесах иногда еще можно встретить. Когда это случилось?

— Полтора квадранса назад.

— Странно, — развел руками Травник. — Если не дать укушенному аспидом человеку противоядия он, конечно, умрет, но только через два-три колокола. Яд змеи каким-то образом действует на дыхание, что мы сейчас и наблюдали... Но такая быстрая смерть? Впервые в жизни вижу; а уж поверьте — на покусаных змеями я за свои годы насмотрелся предостаточно.

— Можешь идти, — кивнул Элам и неопрятный старикишка исчез за пологом. Король воров на каблуке развернулся к охотникам:

— А теперь в точности расскажите, что случи-



лось. В наших подземельях доселе не встречалось змей.

— Это была не змея, — угрюмо сказал Гвайнард и вкратце поведал о происшествии в четвертом тоннеле. Затем он взял нож и, стараясь не касаться кожи умершего, разрезал штанину на правой ноге.

Над коленом красовалась круглая черная отметина, окруженная распухшей побагровевшей кожей, на поверхности которой четко проступила сеть мелких жилок.

— Полагаете, тварь, которую вы ищете и ее... гм... отпрыски, обитает там? — король воров сделал неопределенный жест рукой в сторону, откуда примчались Ночные Стражи со своей печальнойной ношей. — Может, стоит приказать немедленно завалить вход в тоннель?

— Никаких поспешных решений, — покачал головой Гвайнард. — Пока поставь возле подземного хода поддюжину ребят посообразительнее. Вооружи самострелами, пусть палят во все, что шевелится. Они ни в коем случае не должны подпускать к себе этих тварей. Еще на время можно перегородить проход рыбакской сетью покрепче. Отышется в хозяйстве?

— Если понадобится, у меня в хозяйстве и корона Аквилонии вместе с Троном Льва отышется, — решительно сказал Элам и снова хлопнул в ладони.

Тотчас примчались трое широкоплечих личностей, причем у одного Конан сноваглядел каторжное клеймо на щеке. Выслушав Элама, они



молча отправились выполнять приказы, попутно прихватив с собой бездыханное тело Лато.

— Однако, порядок у вас будто у герцогских гвардейцев, — не без доли уважения сказал Гвай.

— Не будь порядка — все давно бы оказались на рудниках в Граскаале, — хмуро парировал Элам. — Ответьте, а вы, месьоры ночные охотники, что собираетесь дальше делать?

— Иди по следу и убить виновника всех этих безобразий, — твердо сказал Гвайпард. — Сейчас нам надо съездить домой, прихватить кой-какое снаряжение и наших друзей. Вернемся ближе к вечеру.

— Может быть, лучше начать охоту днем?

— А какая разница? Днем в подземельях темно так же, как и ночью!

Элам только плечами пожал.

\* \* \*

— Ну и история... — покачивала головой Астера, попутно расставляя на столе в «Арсенале» пять серебряных тарелок — к обеду заявил лично Охранитель короны, жаждавший узнать, как продвигается дознание. — Действовать начнем только после наступления темноты — Рэльгонн и его сородичи смогут перекрыть выход из тоннеля на берег реки да и в любом случае окажутся незаменимыми помощниками.

— Об одном прошу, пусть ваш вампир не появляется в городе, — подал голос Атрог, с наимрачнейшим видом сидевший на самом лучшем



месте — в специальном «гостевом кресле». — Обыватели и так на грани паники. В конюшнях купца Бархада из Чарнины забили еще одну такую тварь, причем она ужалила конюха и прибежавшего на шум мальчишку с кухни. Оба умерли, конечно. Распространение слухов мне теперь уже не остановить. Но идею позвать на помощь месьора Рэльгонна я поддерживаю самым решительным образом! С его-то способностями...

Атрог, конечно, знал, что трудам Ночной Стражи способствует весьма необычное существо — глава немногочисленного семейства упырей-кэттаканов, обитающих в заброшенном замке Рудна, что далеко на Полночь от Райдора. Впрочем, слова «далеко» для упырей не существовало — одной из их прирожденных особенностей было «перемещение через Ничто», сиречь мгновенный «прыжок» на любое расстояние в пределах Хайбории.

Вначале Охранитель относился к подобному сотрудничеству неодобрительно, но когда Гвай растолковал Атрогу, что эти упыри совсем не похожи на вампиров из сказок и по своей воле даже мухи не обидают, смирился.

В конце концов, Гильдия Ночной Стражи лучше знает, с какими из обитающих в этом мире необычных существ дружить, а с какими враждовать.

Если упыри из Рудны не представляют опасности для герцогства и его обитателей — пусть живут и благоденствуют.

А если они еще и приносят пользу, помогая



охотникам в их тяжком ремесле, то тайная служба Райдора будет их помочь только приветствовать...

— Хуже другое, — сказал Гвайнард. — Ни у меня, ни у Конана не сработали амулеты Ночной Стражи, — он вытащил из-под рубахи литой серебряный оберег в виде головы волка и продемонстрировал Атрогу. — Это означает только одно: никакой черной магии или нечистой силы. Эти... существа если и являются порождением волшебства, то мы имеем дело с каким-то другим колдовством.

— Только это не магия Равновесия, — убежденно сказал Эйнар. — Алое волшебство не дает возможности к извращению сущности плоти, это волшебство Природы, которая не терпит надругательства над собой.

— И не магия Света, — поддержал броллайхэн Конан. — Пелиас из Кофа, Белый маг, рассказывал мне, будто Свет отрицает любые магические эксперименты над человеком и любым другим существом, обладающим разумом.

— Тогда не стоит забывать, что существуют иные формы магии, — напомнил Атрог. — Учитывайте не-человеческую магию, неподвластную людям. Магию других разумных рас...

— ...Которые практически все вымерли, — перебил Гвай. — Но альбы или кро-мара вместе с сидхами здесь не при чем. Во-первых, их давно не существует или они ушли из человеческого мира в иные планы бытия, вспомним хоть порталы, открывшиеся после падения Небесной Горы...



Тут что-то другое. Доселе неизвестное или слишком прочно позабытое.

— Так или иначе охота предстоит веселенькая, — заключила Асгерд. — Берем все снаряжение, какое сможем унести на горбу. Оружие на всякий случай возьмем посеребренное — вдруг магия амулетов опшилась и не распознала нечисть?

— Исключено, — яростно замотал головой Гвайнард. — Никаких ошибок!

— И тем не менее...

— С моей стороны помочь потребуется? — с ленцой в голосе осведомился Атрог. — Могу приказать оцепить весь квартал вокруг «Кипящего котла», выслать городских гвардейцев к реке.

— Только под ногами путаться будут, — отмахнулся Гвай. — Попробуем сами.

— Что ж, — Атрог поднялся с кресла, так и не отведав угощения, только вина пригубил. — Тогда я жду развернутого доклада завтра с утра. И вот еще... — Охранитель понизил голос. — Полагаю, что внучатому племяннику его светлости герцога уже невозможно помочь?

— Скорее всего — невозможно, — бесстрастно ответил командир ватаги охотников. — Прошло слишком много времени, скорее всего маленький граф Девой уже... Уже превращен. Превращен и лишен человеческой сущности.

— Я так и доложу светлейшему, — протянул Атрог с непередаваемым хладнокровием. — Он желает знать только правду. А еще он жаждет увидеть голову похитителя... Не разочаруйте герцога.



— Мы очень постараемся. Но...

— Понимаю, — кивнул Охранитель короны. — Очень хорошо понимаю. Не беспокойтесь, даже в случае неудачи я смогу сделать так, чтобы гнев его светлости миновал ваши головы. Итак, до утра.

За спиной главы тайной службы Райдора тихо затворилась входная дверь.

— Ну и история, — повторилась Асгерд. — Чего расселись, олухи? Собирайтесь!

\* \* \*

— Н-да, у вас тут все серьезно, — Конан понимающе хмыкнул, увидев, какие меры к обороне принял месьор Элам и его подручные. — Не крепость, конечно, но впечатление производит.

Вход ведущий к реке боковой коридор подземного лабиринта был перегорожен двойной сетью с вплетенными в нее серебряными нитями — видимо, распустили стащенную у какой-нибудь знатной дамы или богатой торговки сетку-чепец для волос.

Рядом — баррикада из ящиков за которыми укрылись шесть арбалетчиков. Вторая линия обороны расположилась в десяти шагах дальше — снова ящики и снова вооруженные тяжелыми арбалетами стрелки из состава развеселых сотоварищей Элама Змеиной Руки. По приказу Элама за несколько квадрансов успели отлить в маленьком тигле серебряные наконечники для стрел — после жутковатой смерти Лато все здеш-

ние обитатели были уверены, что в катакомбах завелась нечистая сила.

Король воров присутствовал здесь же и лично встретил Ночных Стражей, на сей раз явившихся в катакомбы в полном составе и с несколькими тяжеленными баулами, забитыми охотничим снаряжением, в состав которого входили и серебряные ловушки-капканы, и набор особых снадобий, повышающих внимание или дарующих человеку «ночное зрение» и еще множество всякой полезной всячины.

Конан давно перестал удивляться, какое количество различных необходимых предметов берут с собой охотники на серьезное дело, да и опыт в последнее время приобрел изрядный — Гвай и компания охотно делились с варваром маленькими секретами Ночной Стражи.

— Скоро полночь, — напомнил Элам. — Что будете делать? И что делать нам?

— Мы пойдем в тоннель, — ответил Конан, наблюдая, как Асгерд и Эйнар распаковывают мешки с охотничим барахлом. — Твои ребята пусть держат оборону здесь, проход должен быть закрыт сетью постоянно, но стреляйте только после предупреждения — мало ли мы вернемся, не хочется получить арбалетный болт в пузо. Понятно?

Король воров лишь наклонил голову в знак согласия.

— А теперь не пугайтесь, у нас скоро будет гость, — внезапно подал голос Эйнар. Броллайхэн словно к чему-то прислушивался и охотники по-



няли, что он обменивается мыслями с Рэльгонном, упырем из Рудны, который должен был вот-вот явиться.

Черная тень возникла внезапно, вынырнув из пустоты. Высокая худощавая фигура, облаченная в необъятный балахон. Глубокий капюшон надвинут на лицо, скрывая его до подбородка. Единственным украшением странного визитера являлся серебряный медальон на груди в виде свернувшегося в кольцо маленького дракончика необычного вида.

— Маг, смотрите, настоящий маг... — зашептались стрелки Элама, но предводитель воровской гильдии шикнул на них так, что воры попятались и мигом заткнулись.

— Рэльгонн, наконец-то, — выдохнул Гвай. — Пойдем-ка в уголок, поговорим.

Потакая своему неуемному любопытству, Конан увязался вслед — ему, как полноправному Ночному Стражу было интересно, какой план составят Гвай и призванный на помощь упырь.

— Я все знаю, — без обиняков начал Рэльгонн, когда вся троица отошла подальше от Элама и его головорезов. — Какое счастье, что в твоем, Гвай, отряде есть броллайхэн и мы с ним можем обмениваться мыслями... Эйнар посвятил меня во все подробности.

— Ты сегодня один или привел с собой родственников? — быстро спросил Гвай.

— Дядюшка Ритагонн и мой племянник Сигонн ждут снаружи, — ответил упырь. — Мне достаточно позвать, и они окажутся здесь...



— Вот этого пока не надо, — вытянул ладонь Гвайнард. — Отправляй их на реку, пусть следят за всем необычным.

— Отлично, — согласился Рэльгонн. — Что дальше?

— Ты пойдешь с нами, в тоннель. Можешь пригодиться.

— Что надо делать?

— Смотри по ситуации, не первый же раз...

— Тогда начинаем?

— Начинаем!

\* \* \*

Продвигались вперед медленно, со всеми предосторожностями. Гвай решил, что в данной ситуации клинки не пригодятся, а посему охотники вооружились небольшими самострелами, способными одновременно выпускать до трех посеребренных металлических болтов. Оружие страшное — один такой болт, спущенный с тугой тетивы способен пробить тело человека насеквоздь на расстоянии пятидесяти шагов, кроме того, на стрелах красовались небольшие, но исключительно острые стальные «перышки», наносившие дополнительные повреждения противнику.

Вперед пустили Рэльгонна — во-первых, упырь видит в темноте лучше любой кошки или филина, во-вторых, он в любой момент может переместиться через Ничто за спину врагу и перекрыть пути к отходу.

Факелы взяли особенные — они были пропи-



таны особым составом, который при горении давал не обычное желто-оранжевое пламя, а слепящий белый огонь, по своей яркости превосходивший обычное факельное пламя раз в пять-шесть. Вдобавок, такие факелы могли использоваться и как оружие — никакому чудищу не будет приятно, если ему ткнут в глаз раскаленным оконечьем...

— Вот здесь мы встретили тварюгу, убившую мальчишку, — сказал Конан, рассмотрев приметный каменный выступ. Броде бы сейчас все тихо...

Рэльгонн только кивнул, но останавливался не стал. Лишь спустя еще пятьдесят-шестьдесят шагов упырь внезапно поднял руку в предостерегающем жете и прошептал:

— Слышите? Как думаете, что это такое?

Охотники прислушались и различили отдаленное шипение, похожее на змеиное.

— Чудище где-то недалеко, — решил Гвай. — Скорее всего ползет сю...

Договорить он не успел — Рэльгонн, никого не предупредив, внезапно исчез, прыгнув сквозь Ничто.

— И как прикажете такое понимать? — озадачился Конан. — Что за дезертирство?

— Не знаю, — шикнул Гвай. — Видимо, его позвали сородичи и Рэльгонн посчитал, что на берегу он будет нужнее, чем здесь... Давайте осторожно вперед!

Не успел Конан поднять ногу для первого шага, как упырь вынырнул из пустоты и скороговоркой сообщил:



— Ритагонн его видел... Я тоже. Оно у самого входа в тоннель. Не знаю что это такое, никогда не видел ничего подобного. Тварь очень напоминает очень большую змею... Быстрее, за мной!

— Змею? — вытаращился Гвай. — Какую еще змею?

— Длинную, толстенную и весьма неприятную с виду, — огрызнулся упырь, ощерив пасть, наполненную десятками острых треугольных зубиц. — Ритагонн и мой племянничек попробуют отвлечь чудовище, остальное — ваша забота! Бегом!

Бежать по узкому тоннелю было не слишком-то удобно, но сейчас на кон бала поставлена не только честь Гильдии Ночной Стражи, но и жизни еженочно похищаемых райдорских девишек — если чуда вновь проберется в город, последствия могут быть самыми плачевными.

Пол тоннеля внезапно стал не каменным, а песчанным, Гвай неудачно поскользнулся на принесенном паводком обрывке скользких водорослей, вывалился наружу через выход из коридора и позорно покатился по почти отвесному берегу вниз, к воде.

Удержаться он не сумел и с шумным всплеском рухнул в черную воду.

Конан и остальные оказались осторожнее и выбрались на берег без досадных происшествий. Рэльгонн совершил новый прыжок сквозь пустоту — надо было вытаскивать предводителя ватаги из реки, сразу у берега начинались большие глубины до семи локтей, а на Гвае была надета



тяжелая кольчуга, способная мигом утянуть на дно.

Конан тихо выругался от испуга и едва не выпалил из самострела, когда рядом с ним возникла новая тень, по ближайшему рассмотрению оказавшаяся Ритагонном, любимым родственником Рэля.

— Оно там, — вытянул руку упырь, указывая куда-то влево и вниз. — Мы не позволяем ему уйти в воду, но тварь может прорваться... Давайте за мной, только ног не поломайте!

Киммериец возблагодарил всех богов за то, что перед началом охоты Гвай позволил всем охотникам выпить по капельке декокта, усиливающего зрение в темноте. Иначе точно не обошлось бы без сломанной шеи — из песчаного ската торчали корни деревьев и камни, можно было запросто споткнуться и повторить подвиг Гвайнарда, которого, кстати, Рэльгонн уже успел «перенести» ко входу в подземелье. Вымокшему насквозь командиру отряда пришлось догонять своих.

— Стреляйте! — заорал Ритагонн. — Да стреляйте же, уйдет!

У самой воды, на песке извивалась и пыталась атаковать одного из упырей змея весьма необычного облика. Впрочем, не змея — змеища! Конану это создание живо напомнило гигантских удавов, обитавших в джунглях Стигии и Дарфара — на это добро киммериец предостаточно насмотрелся за время плавания на «Тигрице» вместе с Белит...

Длиной змея была шагов в пять-шесть, тол-



шиной — с две человеческих руки. Только вместо обычной треугольной головы, какие носят все уважающие себя змеи, туловище оканчивалось крутолобой бараньей башкой.

— Ничего себе, — выдохнула Асгерд и первой выпустила стрелы. — Давайте, палите!

Судя по яростному шипению, один или несколько болтов достигли цели. Все трое упырей в это время то появлялись, то исчезали рядом с чудищем, сбивая его с толку. Однако, эмей оказался хитрее — он мгновенно свернулся кольцами, затем расправился как тугая пружина, оттолкнулся от песка, взвился в воздух и рухнул в реку, моментально скрывшись под водой, на поверхности которой остались лишь расходящиеся круги да всплески от падающих стрел.

— Сбежал, — в сердцах воскликнул Гвай, швырнув уже бесполезный самострел под ноги. — Ну надо же!

Киммериец подошел к воде, попинал мокрую корягу, прибитую волнами к берегу, и вдруг разглядел на середине реки какое-то движение. Точно, над водой показалась покрытая белесым мехом баранья голова, взгляды чудища и Конана на мгновение пересеклись, а затем...

Затем варвар рухнул на песок, лишившись сознания.

\* \* \*

— Г-где я? — очнувшись, Конан сразу уяснил, что находится не дома, а в каком-то совершенно



неизвестном ему помещении с каменным сводчатым потолком. Жутко хотелось пить, болела голова... Ни дать, ни взять — тяжелое похмелье.

— Лежи спокойно, — послышался знакомый голос Рэльгонна. — Ты у меня в гостях, в Рудне. Пришлось доставить тебя в мой замок, положение оказалось слишком сложным, ты мог умереть...

— Ничего не помню, — помотал головой киммериец. Боль в висках усилилась. Варвар ощутил, что к его правой руке прицеплена какая-то мягкая штуковинка, которая, вдобавок, мерцала крошечными разноцветными огоньками.

— Если тебе интересно, ты валяешься здесь уже третий день, — Рэльгонн мягко присел на лежанку, в ногах Конана и сверкнул своими золотыми глазищами. — Неужели ничего не помнишь? Катаомбы, змей с бараньей головой? Похищения детей в Райдоре?

— Точно, было такое, — отозвался киммериец, к которому начала медленно возвращаться память. — Я видел эту тварь... Что она со мной сделала?

— Этого мы так и не поняли, — развел руками упырь. — Некий мысленный удар, что-то вроде мощнейшего внушения. Скорее всего змей мысленно приказал тебе умереть. И ты почти что умер, по крайней мере дыхание и сердце на несколько мгновений остановились. Но к этому моменту мы с Ритагонном уже сообразили, что именно произошло и перенесли тебя в наш замок. Сам знаешь, мы неплохие лекари и дав-



ным-давно доставили сюда из нашего мира много полезных механизмов, способных оказать помощь в самых неожиданных ситуациях. Словом, тебе очень повезло.

— Мне всегда везет, — проворчал варвар. — Уродился таким. Значит, охота провалилась? Мы его не убили?

— Какое там... РаниТЬ-то, конечно ранили, но не более. И хуже всего то, что эта мерзость нанесла ответный удар. Тебя три дня не было в этом мире, а у нас многое изменилось. В Райдоре едва ли не осадное положение, герцог едва не снес головы Атрогу и твоим друзьям, похищено еще полтора десятка детишек, несколько десятков человек погибло...

— Кром Молнемечущий, — ахнул Конан. — А ну, рассказывай в подробностях!

Подробности же оказались таковы. После описанной выше бурной ночи Гвай доложился Атрогу о случившемся, а тот все рассказал его светлости Варту Райдору. Герцог долго не думал — взял отряд личной конной гвардии и отправился на реку в надежде порубить зловредную змеюку в мелкое крошево мечами своих гвардейцев. Они обыскали оба берега в радиусе лиги, потратили целый день, но логовища чуды не обнаружили. Зато наткнулись на одну из мелких тварей — теперь детская голова украшала собой туловище енота. Перед тем, как оказаться пронзенным клинком, существо успело ужалить одну из гвардейских лошадей, которая, ясный день, почти сразу издохла.



Засим по приказу герцога был завален ведущий к реке подземный ход и с тем охота прекратилась.

А на следующий день началось нашествие: отвратительные маленькие чудовища начали средь бела дня носиться по Райдору и кусать всех, кого встречали на пути. Большую часть тварей перебили, но некоторые успели скрыться. После знакомства с их жалами умерло двадцать два человека, никакие противоядия и снадобья срочно вызванного алхимика Аделарда не помогали. В городе началась тихая паника, причем все шишшки посыпались на Ночную Стражу — почему бездействует? Кроме того, змей предыдущей ночью снова приполз в Райдор и утащил семью младенцев, что, разумеется, спокойствия в столице герцогства не добавило.

Сказать, что герцог был ярости — значит ничего не сказать. Как и предсказал Атрог, возле каждого дома где находились новорожденные дети была выставлена стража — пришлось мобилизовать всю городскую гвардию поголовно. Маленьких чудовищ было приказано истреблять беспощадно, а это уже вызвало недовольство родителей пропавших детей, полагавших, что их еще можно «превратить обратно», причем значительная часть обывателей эту мысль поддержала. В городе запахло стихийным бунтом, а Атрог предусмотрительно арестовал самых громкоголосых и буйных.

Никакие принятые меры не помогли — трое оставшихся Ночных Стражей не имели возмож-

ности носиться, высунув язык, за маленькими отпрысками змея, шныряющими по всему городу. После следующей ночи выяснилось, что похититель стал не завораживать родителей или других обитателей дома, а убивать — людей поутру обнаруживали мертвыми, равно как и приставленную к дому стражу.

Тут уже началось незнамо что — толпа собралась вначале возле дома охотников (хорошо не сожгли, а могли ведь), требуя немедля остановить колдовские бесчинства, затем стихийный мятеж случился возле замка герцога: больше двух тысяч взбудораженных и напуганных всем происходящим обывателей собралось у ворот крепости, обвиняя во всем власть, неспособную защитить своих подданных, исправно платящих подати в казну.

Светлейший и его милость Атрог из Гайарны отреагировали незамедлительно — на улицы была выведена личная гвардия, причем был дан приказ пускать в ход оружие, не раздумывая. Толпу рассеяли, но все равно дышалось в городе тяжело, как перед грозой.

Охотники и каттаканы, однако, не бездействовали — Гвай, Асгерд, Эйнар и все семейство Рэльгонна числом в девять весьма внимательных, быстрых и умных упырей обшаривали окрестности города в поисках места, где бараноголовый змей сбил себе гнездо. Исследовались все ложбины и болотины, однако... Никаких результатов.

Рэльгонн предположил, что змей живет в реке, следовательно достать его оттуда будет невоз-



можно ни Гваю с компанией, ни самим упырям, каковые для жизни и действий под водой не приспособлены. Это было бы наихудшим исходом, но вскоре Эйнар обнаружил место, где змей, скорее всего, отсыпался — уж больно характерно была примята сухая трава, а на колючках остроглазый броллайхэн сумел отыскать несколько уже знакомых белых волосков... Следовательно, обитает он все-таки на суше.

— Или одновременно, в воде и на суше, — перебил страшноватое повествование Рэльгонна Конан. — Вот что я думаю, старина. Нам необходим маг. Знающий, сильный маг. Пусть ему придется как следует заплатить, но ради такого дела герцог Райдорский непременно согласится потрясти свою исмаленскую казну. Как думаешь?

— А где мы его возьмем, мага этого? — уныло отозвался каттакан. — Обращаться к Великим? К Тот-Амону, Пелиасу, Озимандии, Лоухи? Не приедут — у них своих дел предостаточно, о бедствиях какого-то занюханного Райдора они и слышать не захотят! Или заломят такую цену, что придется продавать герцогство со всеми потрохами, да вот только кто его купит?

— Да, задачка не из простых, — вздохнул киммериец, и вдруг его лицо озарилось радостной улыбкой. — Знаю! Понимаешь, нам нужен именно Черный маг, поскольку эта магия — наиболее сильная. Причем нужен маг знакомый, которому мы оказали какую-нибудь услугу или который чем-нибудь нам обязан. Понимаешь, о ком я говорю?



— Ты спятил, — убежденно сказал упырь. — Тот-ан-Хотеп? Думаешь, после той немыслимой подлости, которую мы учинили в баронстве Лотар, он согласится нас хотя бы выслушать?

— Верно, — снова вздохнул Конан. — Но может быть стоит попробовать?

Варвар отлично понимал, что имел в виду упырь. Скоро исполнится две седмицы, как отряд Гвайнара вынужден был распутывать историю с исчезновением большой ватаги охотников на монстров, присланных Советом Хранителей из Немедии в одно из «вольных баронств» на Полночном Закате от Райдора. На месте выяснилось, что виновниками случившегося является компания магов Черного Круга Стигии, которые отыскали в окрестных лесах невероятно мощный артефакт древнейших времен.

Им всего-навсего требовалось извлечь магический предмет из земли, а затем доставить в Птейон, где находился верховный конclave Черного Круга, однако явление целой своры Ночных Стражей могло серьезно помешать этому замыслу. Стигийцы оказались неожиданно гуманны — не смотря на то, что боевые маги конclave были способны за мгновение обратить четыре десятка охотников в пепел, они попросту на время усыпили Стражей. Тут оказалось задействовано то, что короли Закатных держав обычно именуют «большой политикой» — Черный Круг остерегался ссоры с весьма многочисленной и авторитетной Гильдией Ночной Стражи.

Гваю тогда удалось договориться с главой сти-



гийцев, колдуном Тот-ан-Хотепом, и дело закончилось взаимоприемлемым соглашением. Причем значительную роль в переговорах сыграл Конан, оказавшийся старым знакомцем мага — они встречались несколько лет назад в Стигии и варвар ухитрился оказать ему значительную услугу в истории с призраками знаменитой Янтарной Гробницы.

Наверное, магов Стигии зря обвиняют в неблагодарности и короткой памяти — Тот-ан-Хотеп отлично запомнил варвара и счел себя обязанным киммерийцу за ту давнюю историю.

Ни и здесь возникла небольшая проблема — дело в том, что команду Гвайнарда преследовала парочка далеко не самых приятных тварей, обитающих под Хайборийским солнцем. Имя им — джерманлы. Сии крохотные твари полностью попадают под определение «магических существ», да вот только магия у них странная — они умеют извращать действие заклинаний и артефактов. А поскольку такие сопровождающие охотникам решительно не требовались, было решено втихую подбросить их стигийцам — пускай развлекаются в Птейоне, где обожаемых джерманлами магических предметов столько, что и не представить...

Конан отлично представлял, какие бесчинства могут учинить в сокровищницах Черного Круга два этих маленьких гаденыша, равно как и понимал, что Тот-ан-Хотеп может заподозрить, кто именно преподнес Черному Кругу столь неприятный сюрприз. Но, похоже, все-таки придется просить Рэльгонна слетать в Стигию — без знаю-

щего мага сейчас не обойдешься. Кроме того, дело связано со змеей, а верховным богом Стигии является Сет, государь всех змей...

— Рэльгонн, слышишь меня? — Конан дернул упрыга за рукав. — Другого выхода нет. Какое сейчас время суток?

— Снаружи вечереет, закат через два колокола, — немедля отозвался каттакан. — Значит, ты все-таки решился?

— Да. Кстати, Тот-ан-Хотеп очень интересовался каттаканами, думаю, он будет раз возобновить знакомство с тобой. Расскажешь ему все, думаю он заинтересуется. А меня пока можешь отправить домой, голова побаливает, но чувствую я себя неплохо...

— Нет уж, — решительно отказался упрыг. — Тебе еще следует полежать ночку, иначе могут возникнуть не нужные ни тебе, ни мне осложнения. Хорошо, я выполню твою просьбу. Но просить о помощи будешь сам — если Тот-ан-Хотеп согласится прилететь вместе со мной в Райдор.

— Как скажешь, — буркнул Конан и внезапно почувствовал, как мягкий светящийся обруч на его руке чуть завибрировал. Киммерийца внезапно начало клонить в сон.

— Отдыхай, — прошелестел из полутьмы Рэльгонн. — А за меня можешь не беспокоиться. Вроде бы я еще никогда не подводил Ночную Стражу...



\* \* \*

— Мое имя — Тот-ан-Тотеф, ан-Хотеп нор Птейон. Весьма рад знакомству, месьор Конан Канах. Мне многое о тебе рассказывали.

Это было первое, что Конан услышал когда снова проснулся в глубоких подземельях Рудны. И киммериец решительно ничего не понял.

Варвар приподнялся на локте, чтобы лучше рассмотреть людей, стоящих рядом с его лежанкой. Если первым (пусть и не-человеком) был знакомый до боли в зубах Рэльгонн, то второй...

Второй, изволивший столь вежливо представиться, был мальчишкой от силы восемнадцати лет. Довольно симпатичный, с хорошей белозубой улыбкой. Голова брита наголо, кожа очень загорелая, на себе носит хламиду конclave Черного Круга с золотым поясом и медальоном посвященного мага. Судя по двум сплетенным змеям, выгравированным на медальоне чистого золота — вторая ступень посвящения, а это уже серьезно.

И все-таки, что это за дурацкое представление? Конан, судя по последнему разговору с Рэльгонном, хотел увидеть здесь совсем другого человека, а не этого улыбчивого пацана, нацепившего на себя регалии самого грозного магического ордена Хайборийского мира!

— Мой досточтимый отец, Тот-ан-Хотеп, просил передать тебе, что он помнит о старых друзьях, — продолжал тем временем юнец, — однако по причине исключительной занятости, Тот-ан-



Хотеп не смог лично прибыть тебе на помощь и послал меня, в расчете, что моих знаний хватит для того, чтобы разрешить имеющие место трудности...

«Вот как значит, — подумал Конан. — Сам явиться в Райдор не смог или не пожелал, прислал сынульку... Впрочем то, что этот парень так молод, еще ничего не значит — в Стигии учатся волшебству с раннего детства, а у мальчишки уже достаточно высокая степень посвящения, он должен знать боевую магию! Что ж, попробуем поработать с этим недорослем. Но если подведет — его папаше лично шею сверну!»

— Все верно, Конан, — подал голос Рэльгонн. — У месьора Тот-ан-Хотепа сейчас небольшие трудности. В Птейоне начались странности...

— Совершенно верно, — не изменяя вежливого тона, подтвердил Тот-ан-Тотеф, — Отец позволил мне помочь вам лишь потому, что нам сямм сейчас требуется поддержка со стороны Ночной Стражи.

— Чудовища завелись? — с самым невинным видом поинтересовался Конан, отлично понимая в чем дело.

— Да, своего рода чудовища, — подтвердил молодой стигиец. — Некие неизвестные твари, способные уничтожать весьма ценные магические предметы. Изловить их пока никак не удается и наш великий господин, Тот-Амон, принял решение обратиться к Хранителям вашей Гильдии...

— Какая неприятность, — прокряхтел варвар,



отводя взгляд. — У нас тут тоже проблемы. Рэльгонн не успел рассказать тебе, что именно произошло?

— Весьма кратко, — отозвался маг. — Насколько я понял, речь идет о некоем магическом существе, крайне опасном для человека? Вы хотите, чтобы я помог вам убить или поймать чудовище?

— Именно это мы и имели в виду, — подтвердил Конан. — Скажи, а что ты умеешь? Твой папаша является магом высшего посвящения, входит в Верховный Конclave, и я однажды видел его в деле — очень впечатлило!

— Что умею? — усмехнулся Тот-ан-Тотеф. — Многое. Боевые заклинания, магия воды, земли и воздуха, заклятья трансформации... Думаю, этого должно хватить для того, чтобы уничтожить вашего монстра.

— Ты знаешь, что он способен завораживать и даже убивать взглядом?

— Я сумею найти способ защититься и защитить вас.

— Сколько запросишь? — подозрительно спросил киммериец, отлично зная, что маги Стигии бесплатно не работают. Бываю, конечно, исключения, но они столь редки, что не заслуживают упоминания.

— Отец приказал мне не брать с вас золота, — просто ответил Тот-ан-Тотеф. — И я не намереваюсь перечить его словам.

— Может быть, нам стоит отправиться в Райдор? — поинтересовался упырь. — Наступает



ночь, насколько я вижу Конан совсем выздоровал, а месьору Гвайнарду срочно требуется хоть какая-то помощь.

— Опять... — схватился за голову варвар, понимая, что сейчас предстоит «прыжок через Ничто». Конан понимал, что таковая способность каттаканов, равно как и возможность переносить людей сквозь пространство, исключительно полезны (особенно в ремесле охоты на чудовищ), но сами «прыжки» варвару исключительно не нравились, он доселе не сумел привыкнуть летать едва ли не через половину материка за единый миг.

— Сотый раз повторяю, прыжок через Ничто абсолютно безопасен, — чуть раздраженно сказал Рэльгонн. — Месьоры, встаньте рядом со мной и подайте руки. Вот так. Приготовились...

— Удивительное заклинание, — восхитился Тот-ан-Тотеф, когда вся троица мгновение спустя стояла в главной комнате дома охотников на Волчьей улице. Сейчас в «Арсенале» никого не было — надо думать Гвай сотоварищи отправились в город.

— Тихо! — воскликнул Рэльгонн, подняв руку. — Это что еще за шум? А ну бегом во двор!

Как оказалось, Гвай, Асгерд и Эйнар держали осаду — за высоким забором усадьбы Ночной Стражи бушевала толпа, летели камни и палки. Звякнуло выбитое стекло и Конан мимолетно подумал, что немедля зарезал бы мерзавца, запнувшего булыжником в окно — привозимое из Турана стекло стоило безумно дорого.



— Наконец-то! — к варвару подбежал Гвайнард, сжимавший в руках арбалет. — У нас тут такое творится — не пересказать! Конан, как ты? Привет, Рэльгонн. А это еще кто такой?

Предводитель ватаги нахмурился, увидев на одежде незнакомца символы Черного Круга, но Конан успел схватить Гвая за рукав и быстро сказать:

— Это сын Тот-ан-Хотепа, помнишь историю в Лотаре? Он может помочь!

— А-а, да пропади оно все пропадом! — сплюнул Гвайнард. — В городе вторые сутки беспорядки, все вверх дном, герцог послал в Пайргию, за военной помощью! Атрог предложил нам укрыться в замке, но мы не можем бросить дом — сожгут, уже два раза пытались!

Как и следовало ожидать, виновными во всех бедствиях оказались Ночные Стражи — известно, что уровень мышления толпы определяется по самому глупому или безумному ее представителю. И вот с сегодняшнего вечера дом оказался в плотной осаде разъяренной толпы, человек в триста-четыреста. Охотники пытались сначала облагородить людей, потом, когда дворовые ворота попытались взять приступом, пришлось стрелять по ногам — нескольких нападавших ранили, что еще больше взбудоражило собравшихся, которые начали кидаться факелами и горшками с маслом.

Чтобы сбить разгоравшееся пламя Эйнару пришлось применить магию Равновесия, огонь погас, но в любом случае получалось, что долго



охотники не продержатся, а ждать помощи от властей бессмысленно — городская стража и гвардия герцога пыталась пресечь беспорядки в других частях города, не некоторых улицах уже появились завалы-баррикады и шли настоящие бои. Тихий патриархальный Райдор превратился в город, где шла война...

— Прошу прощения, — резкий голос Гвайнарда перебили тихие слова стигийца, едва увернувшись от прилетевшего из-за ограды камня. — Поскольку положение мне кажется критическим, церемонию знакомства мы оставим на потом. Пора действовать.

— Что мы вшестером сделаем против разбушевавшейся толпы? — процедил Гвай.

— Я могу и один... Не беспокойтесь, никакого членовредительства, всего лишь несколько невинных иллюзий и совсем чуть-чуть жгучих искр.

— Действуй, — подтолкнул мага Рэльгонн, не обращая внимания на яростный взгляд Гвайнарда.

— Мне надо забраться повыше, чтобы видеть происходящее.

— Ну, это не проблема, — хищно улыбнулся упырь и протянул руку. — Хватайтесь молодой человек!

Неизвестно, какая нелегкая заставила варвара тоже ухватиться за покрытую белоснежной кожей ладонь упыря, но он вновь ощутил знакомое чувство падения и легкую тошноту. Перед глазами вспыхнули разноцветные огни. Но посмотреть на работу стигийца было куда интереснее.



...Рэльгонн, Конан и Тот-ан-Тотеф стояли на плоской крыше конюшни, с которой открывался отличный обзор.

— М-да, — хмыкнул киммериец. — Приятного мало. Что скажешь, Рэльгонн?

Упырь промолчал. Волчья улица почти на всем протяжении была забита народом. У многих в руках факелы, другие вооружены кольями. Все что-то орут, а поэтому звуки голосов сливаются в единый грозный гул. Народу собралось действительно много, с такой оравой не управится даже конная гвардия...

Тот-ан-Тотеф растер ладони и принял тихонько напевать на стигийском.

Конан на всякий случай отошел подальше — мало ли что?

Ф-фух!.. Над головами бунтовщиков вспыхнули несколько розовых звезд, сразу же распавшихся на тысячи крошечных огней, начавших падать на головы людей.

Вопли из угрожающих стали паническими, особенно когда из стен домов полезли омерзительные монстры, светящиеся болезненным голубоватым пламенем. В воздухе потянуло гнилью и запахом разложения — смердело так, что варвара едва не вывернуло.

Магия Тот-ан-Тотефа оказалась действенной, да настолько, что толпа начала в ужасе разбегаться — жгущие кожу огоньки, нашествие невиданных призрачных монстров и ужасающий запах произвели на райдорцев самое неблагоприятное впечатление. Меньше чем за квадранс Вол-



чья улица опустела, причем киммериец отметил, что и в других частях города вроде бы стало потише.

— Вот и все, — белозубо улыбнулся стигиец. — Страх, как известно, самое сильное чувство. Все кролики, возомнившие себя львами, попрятались по норкам.

— Сделай что-нибудь с этой вонью, — прогнувшись варвар, зажимая пальцами нос. — Гадость какая!

— Ах, да, конечно, — маг шепнул коротенько заклинание и запах исчез. Только по улице, за оградой, бродили кругами страшенные призраки.

— Монстры пусть погуляют до рассвета, — решил Тот-ан-Тотеф. — С восходом солнца они исчезнут сами, а нам будет стократ спокойнее. Итак, может быть мы спустимся вниз, познакомимся с вашими друзьями, выпьем по бокалу вина и поговорим о деле?

— Разумно, — согласился Рэльгонн, а Конан тотчас воскликнул:

— Спускайтесь как знаете, а я пошел к лестнице!

Маг и упырь растворились в воздухе...

\* \* \*

— Если бы это рассказали мне не Ночные Стражи, а простой человек, никогда бы не поверил, высмеял и превратил в жабу, — качал головой Тот-ан-Тотеф, на сей раз занявший «гостевое кресло» в «Арсенале». — Существует очень древ-



ния и мутная легенда о том, как Сет Великий попытался объединить в одной сущности теплокровных и хладнокровных существ. Получилось как раз то, что вы описали: змей с бараньей головой. Одна незадача — нельзя совмещать несовместимое, от такого одни неприятности получаются...

— А разве Сет об этом не знал? — с иронией спросил Конан. — Он ведь бог, и далеко не самый слабый!

— Кто мы такие, чтобы осуждать действия богов? — благочестиво ответил стигиец. — Никто не знает, зачем это понадобилось Сету, да и не узнает никогда. Подозреваю, что на заре мира, когда Сет начал создавать расу Змееногих, валузищев, он поставил не слишком удачный эксперимент. Тем не менее, это существо появилось на свет, Повелитель Змей вложил в него часть своей божественной сущности, даровал ему силу... А тварь попросту сбежала и стала мстить за свое уродство — всем досталось, и альбам, и кхарийцам. Кстати, по легенде, именно верховные маги Кхарии упросили Сета избавить их народ от этой напасти и вроде бы Змееног усыпал свое порождение. Или очень надежно его спрятал — этот полубог, ненавидящий все живое и разумное не вписывался в гармоничную картину тварного мира и Сет понял, что даже он может ошибаться. В Птейоне мои слова прозвучали бы жуткой ересью, но вам я по секрету скажу, что история с валузищами тоже закончилась плачевно: раса змеев-людей вымерла, оказавшись нежизнеспособной —



боги ошибаются гораздо чаще, чем принято считать.

— Ты дальше рассказывай, — перебил Гвай. — Змeya можно убить? Почему он похищает детей и превращает в... не знаю, как сказать. Почему именно младенцы?

— Если ты согласен выслушать мои догадки — пожалуйста, — бесстрастно ответил Тот-ан-Тотеф. — Ибо я не знаю всех тайн, а легенда о бараноголовом змее старше, чем пирамиды Птейона и короче, чем мышиный хвост. Предполагаю, что по примеру своего создателя змей пытается создать расу своих подданных, да вот только результат еще хуже чем в случае со змееногими. Почему младенцы? Похищать взрослых людей бесполезно — их личности давно сформированы, их разум развит. Превращения? Не исключаю, что змей помнит историю собственного создания и полагает, что совмещение несовместимого, в данном случае разумного человека и бессмысленно-го животного и есть самый правильный путь... Можно ли убить? Думаю можно. Это ведь живое существо, хоть и получившее долю божественной силы.

— Но почему эта напасть свалилась именно на нас и именно сейчас? — мрачно спросила Асгерд. — Тварюга могла дрыхнуть в своем логове долгие тысячелетия! Что ее разбудило?

— Время Тумана, — немедленно отозвался Гвай. — Когда раскрылся временной портал в эпоху Роты, древнейшая магия начала истекать в наш мир. Она и могла разбудить чудовище,



снять заклинание, которое наложил на змея Сет. А ведь Время Тумана закончилось совсем недавно, трех седмиц не прошло. Змей проснулся, отыскал ближайшее человеческое поселение и начал действовать. Почему бы и нет?

— Сплошные предположения, догадки, — сказал Рэльгонн, усевшийся на лавку у дальней стены и мирно потягивавший доброе домашнее вино из ежевики. — А нам нужны факты. И самое главное — надо узнать, где прячется змей. Тогда мы сможем нанести удар... гм... на расстоянии. Ведь у нашего юного друга отыщутся заклинания, способные уничтожить чудовище издалека?

Тот-ан-Тотеф слегка поморщился, услышав про «юного друга», но ничего не сказал — потрясающая сдержанность для помешанных на этикете и церемонной вежливости стигийцев.

— Кажется, я набрел на интересную мысль, — сказал маг, после недолгих размышлений. — Змeya усыпили во времена расцвета Кхарии, верно? Сету пришлось заниматься этим лично, следовательно все происходило в одном из святилищ, где, скорее всего, змей и был замурован. Если я правильно соображаю, то логово должно находиться на одном из древнейших капищ. В окруже есть развалины, относящиеся ко временам Кхарии?

— Гениально, — прошептал Эйнар. — Тот-ан-Тотеф, поздравляю — ты нашел ответ на загадку, причем лежал он на поверхности, подходит да бери! Как же мы сразу не догадались! Логика, логика! Цепочка выстраивается моментально! Змей,

кхарийцы, религия Сета! Но почему тогда наши амулеты не чувствовали черной магии?

— Да потому, что во времена создания змея магия еще не разделялась на цвета, — сразу же ответил Тот-ан-Тотеф. — Мир был слишком молод, волшебство являлось естественной его частью, еще не сформировались магические школы, а магические силы Верхней, Средней и Нижней Сфер мира смешивались, образуя самые причудливые оттенки.

— Довольно пенужной философии, — шлепнул ладонью по столу киммериец. — Наша задача — уничтожить тварь, а не разводить умные речи об оттенках магии. Гвай? Где наши планы Райдора? Тащи сюда! На картах, составленных дорожной управой герцога отмечается любая мелочь, в том числе заброшенные строения или развалины.

— А я вам и без всяких карт скажу, что в окруже есть три примечательных местечка и тамошние постройки не относятся к Хайборийской эпохе, — уверенно сказал Эйнар. — Два к Восходу, довольно далеко, и одно — к Закату, за рекой, примерно в трех лигах. Кажется, наш рогатый приятель должен приползать именно оттуда...

— Давай карту, — упрямко сказал Конан. — Нужно посмотреть, где будем охотиться завтра.

\* \* \*

Последняя ночь перед решающим сражением проистекала бурно. О таких мелочах, как неути-



хающий мятеж в городе можно даже не упоминать — событий и без того хватало.

Во-первых, Гвай решил рискнуть головой и вместе с Рэльгонном, а так же Тот-ан-Тотефом отправился в замок его светлости Варта Райдорского. Вернулись они только спустя два колокола, причем упырь кривил губы в нехорошой ухмылочке, стигиец было невозмутим и спокоен, а Гвайнард первым делом схватился за оставшийся на столе кувшин с вином, опустошил его в два глотка и рухнул на лавку, утирая пот со лба.

— Сильно досталось? — участливо спросил Эйнар.

— Аучше не спрашивай, — прохрипел в ответ Гвай. — Если бы не Рэль и Тот-ан-Тотеф, меня бы растерзали на месте, а что осталось, скормили свиньям или диким собакам. Никогда не видел герцога таким... Сказать, что он рвет и мечет, значит сильно преуменьшить.

— Со своей стороны я его отлично понимаю, — дополнил Рэльгонн. — Похищения детей, неуловимое чудовище, маленькие ядовитые твари — это еще полбеды. Но бунт подданных, спокон веку благонадежных и добронравных, окончательно вывел светлейшего из себя. Кстати, уже случилось несколько пожаров, распространение огня с трудом удалось остановить — большинство строений в городе деревянные, выгорел бы наш славный Райдор к демоновой матушке дотла. Стража и гвардия не справляются, а подкрепления из столицы подойдут только через пару дней...



— Так о чём говорили-то? — невинно поинтересовался киммериец.

— Говорил в основном герцог, — хмыкнул упырь. — А мы слушали. Узнали о себе немало нового. Единственными разумными словами в его бурной речи были те, где он предложил немедленно запросить срочную помощи у Хранителей Ночной Стражи. Прислать в Райдор большой отряд, поскольку всего лишь четверо охотников не могут ничего поделать с какой-то склизкой змеёукой...

— Всего лишь четверо, — передразнил Гвай. — Раньше как-то справлялись, никто не жаловался. А теперь герцог Райдорский грозит лишить нас «Золотого листа», изгнать из города и вытребовать у тех же Хранителей новый охотников, которые будут работать более удачливо. А уж когда светлейший узрел Тот-ан-Тотефа с Рэльгонном... Такое началось!

— Похоже, владетель здешних земель излишне впечатлительный человек, — отозвался стигиец. — В самых неизящных выражениях его светлость сказал, что ему не требуется вспомоществование со стороны черных магов и нечистой силы, которой и так развелось столько, что ступить некуда...

— Пришлось использовать мой дар внушения, — дополнил упырь. — Ничего другого делать не оставалось, Райдора не смог утихомирить даже месьор Атрог, который и сам спал с лица и был белее мела. Когда его светлость изволили успокоиться, мы изложили суть дела и получили



его одобрение. Но, боюсь, это не поможет — моего воздействия хватит недолго.

— У нас один шанс — как можно быстрее уничтожить змея, — сказал Конан. — Но как мы сможем утром выбраться из города? Нас же разорвут в клочья, особенно после представления, устроенного нашим стигийским другом.

— Защититься мы сумеем, — отозвался «стигийский друг». — Для меня это не составит особых трудностей.

— Только учти, что ты вернешься в Птейон, а нам здесь жить, — огрызнулся Гвай. — Все будет гораздо проще — на рассвете Атрог пришлет к нашему дому вооруженный отряд герцогской гвардии. Они помогут нам пройти до городских ворот.

— Дожили... — горько вздохнула Асгерд. — Ночная Стража едет по городу, который она долгие годы защищала, в сопровождении охраны! Мир перевернулся!

— Мир перевернется, если завтра мы снова докажем, что ничего не можем поделать с этим проклятым монстром, — процедил Гвай. — Кроме того, змея еще надо отыскать... Вдруг мы ошибаемся и кхарийские руины будут населены только жуками да ящерицами?

— Я бы посоветовал всем как следует отдохнуть, — мягко сказал Рэльгонн. — Ложитесь спать. А я пока слетаю на Закат, в тот самый лес... Вдруг удастся что-нибудь интересное обнаружить?

— Спать... — фыркнул варвар. — А ну как

змеюка приползет? Захочет разобраться с нами лично?

— Тогда я превращу этот дом вместе со всеми нами в один гигантский огненный шар, — неожиданно резко сказал Тот-ан-Тотеф и поднялся с застеленной волчьими шкурами лавки. — Надеюсь, досточтимые хозяева покажут комнату, где я смогу выспаться?..

\* \* \*

Конан никогда не видел Райдор таким — ранним утром город выглядел так, будто вчера был захвачен вражеской армией. На обычно чистых улицах горы мусора (после схваток со стражей горожане начали устраивать завалы), неподалеку от Закатной надвратной башни сгорел чей-то дом, вместе с конюшней и хозяйственными пристройками. Людей на улицах на рассвете было очень немного, завидев же облаченных в полный доспех всадников с пиками, горожане немедля сворачивали в проулки — понимали, что с обозленными гвардейцами шутки плохи.

Атрог сдержал слово и перед самым восходом солнца к дому охотников явились две дюжины самых опытных вояк, сперва, однако, побоявшихся въезжать на Волчью улицу — в предутренних сумерках еще различались безобразные тени, бродившие возле домов. Оставшемуся на страже варвару пришлось срочно будить стигийца, который изгнал призраков одним щелчком пальцев.

Вобрались мгновенно, взяв только самое необ-



ходимое вооружение. Тот-ан-Тотеф с удивлением смотрел на принадлежащего варвару сартака, ибо понимал, что это весьма необычная лошадка. Сам Гнедой отнесся к гостю с далекого Полудня с недоверием, поскольку, будучи существом от части магическим, чуял средоточие волшебной силы. Рэльгонну пришлось пожелать Ночной Страже и магу удачи, попрощаться и отбыть к себе в Рудну — при всем желании действовать днем упырь никак не мог.

Гвардейцы проводили охотников до городских ворот, которые немедленно затворились за их спинами.

— Сначала три лиги по Пайрогийскому тракту, затем сворачиваем в лес, в сторону Полуночи, — сказал Гвайнард, сверясь с планом. — Очень всех прошу, будьте внимательны и смотрите по сторонам в четыре глаза, как бы змей не устроил засады.

— Не уверен в этом, — покачал головой Тот-ан-Тотеф. — Днем это существо скорее всего отсыпается в логове, хотя я допускаю, что его убежище охраняется маленькими тварями. Кто-нибудь из вас был на этих развалинах? Что они из себя представляют?

— Я был, — отозвался Эйнар. — Давно, правда. Несомненно кхарийская постройка, очень характерная архитектура — двойные колонны, на рухнувшей башне можно различить иероглифы, принадлежащие, скорее всего к эпохе Третьей династии Кхарии.

— Ты настолько хорошо разбираешься в древ-



ней истории? — поразился колдун. — Большинство современных людей знают о Кхарии только то, что она существовала и не более!

— Я жил тогда, — ухмыльнулся броллайхэн. — Ты ведь должен был ощутить, что моя сущность не принадлежит человеческому роду?

— Разумеется, — покивал Тот-ан-Тотеф. — Воплощенный дух, верно? Просто мне было неудобно спрашивать напрямую...

Между Эйнаром и стигийцем тут же завязался оживленный разговор о событиях старины, магии Черной и Алой, Духах Природы и прочих возвышенных материях. Прочие охотники ехали молча.

Гвайнард хмурился — впервые за свою девятителетнюю практику на поприще Ночной Стражи он не был уверен в победе.

Обычно ему приходилось охотиться на чудовищ из плоти и крови или на демонов, не обладающих божественной силой, а тут придется столкнуться с полубогом, обладающим Изначальной магией, с которой, возможно не справится изысканное колдовство Черного Круга или Алая магия броллайхэн. Но выходов из сложившегося положения есть только два — победить или погибнуть, поскольку Ночная Стража не имеет права покрыть позором честь Гильдии!

Конан, который всегда верил в свою счастливую звезду, наоборот, не сомневался что охота пройдет успешно — в отряде есть настоящий маг из Птейона, добавим к нему броллайхэн, тоже обладающего определенными способностями, да еще



три человека, отлично обученных обращаться с любым оружием, кроме, пожалуй, осадных онагров наподобие тяжелых баллист или требующих — в охотничьем ремесле эти монстры без надобности...

Денек выдался замечательный — солнечный, но не жаркий. Светило иногда пряталось за легкими облачками, со стороны Граскааля налетал прохладный ветер, шумевший в вершинах сосен. Когда свернули в лес, в тень, стало даже прохладно.

— Мы уже недалеко? — спросил Тот-ан-Тотеф Гвайнарда, и, получив в ответ утвердительный кивок, продолжил: — Тогда давайте остановимся ненадолго. Во-первых, надо оставить лошадей, чтобы не разводили лишнего шума — думаю, чудовище, как и другие змеи, очень тонко чувствует колебания почвы. Во-вторых, мне надо наложить на вас охранные заклинания — никто ведь не желает оказаться в положении Конана, когда змей едва не убил его взглядом?

— Надеюсь, это будет не опасно? — хладнокровно поинтересовалась Асгерд. — Никаких последствий?

— Ровным счетом никаких, — подтвердил колдун. — Но ваши амулеты непременно среагируют — то ведь будет Черная магия...

И верно — когда Тот-ан-Тотеф начал творить заклятия, Конан почувствовал, как его охотничий оберег начал вздрогивать, а потом на миг залиденел. Варвару ужасно не нравилось то, что над ним и его друзьями устраивает свои опыты



маг Черного Круга, но в определенных ситуациях приходится идти на сделки с совестью и на время оставить свои убеждения — без помощи стигийца экспедиция окажется обреченной на неудачу.

— Я как-то странно себя чувствую, — недоуменно сказал Гвайнард, непонятно зачем поднимая обе руки. — Легкость в теле невероятная! Такое впечатление, что сейчас взлечу, как птица!

— Оно самое, — подтвердил киммериец. — Такое ощущение, что тело вообще потеряло вес! Тот-ан-Тотеф, твои фокусы?

— Не фокусы, а магия, — авторитетно сказал стигиец. — Зато теперь все мы сможем передвигаться максимально бесшумно. Не расходитесь друг от друга на расстояние дальше десяти шагов, иначе перестанет действовать отражающее заклинание — оно остановит магию змея и направит ее обратно, на него самого.

— Сильно, — уважительно хмыкнул Эйнар. — Сможешь меня такому научить?

— Это исключено, — помотал головой Тот-ан-Тотеф. — Ты черпаешь силу совсем из другого источника, твоя магия принадлежит Природе, Миру Тварному еще именуемому Средней Сферой. А я пользуюсь истекающей из глубин земли мощью Бездны.

Конану после этих слов стало несколько неуютно, но он снова сдержался.

Лошадей оставили на ближайшей полянке, не привязывая и не стреноживая: за ними приглядит умный сартак, а если потребуется, защитит и



от крупного хищника, от медведя до болотного ящера — связываться с Гнедым, учитывая его клычиши и отвратительный характер было бы чревато для любого недоброжелателя.

— Кажется, нам надо идти на Полуночный Закат, — Гвайнард вновь сверился с картой. — Примерно через половину лиги мы наткнемся на огромную ложбину округлой формы, в ее центре и находятся искомые развалины.

— Все правильно, — подтвердил Тот-ан-Тотеф. — Кхарийцы предпочитали строить свои святилища во впадинах или в ущельях — полагали, что так ближе к Нижней Сфере. Думаю, мы не ошиблись и змей действительно находится там. Идем! Повторяю еще раз — не отставать и не расходиться! И еще одно: ничего не делайте до того, пока я не скажу!

«Ночная Стража ходит под командованием колдуна Черного круга! Как вам такая картинка?» — подумал Конан, но потом решил, что в жизни всякое случается и нет смысла возмущаться или спорить. Особенно, если все обернется только на пользу самим охотникам и Райдору!

Как это ни удивительно, отряд и впрямь двигался совершенно бесшумно. Не трещали под каблуками сапог сухие веточки, не было слышно звука шагов. Встретившееся по пути мелкое лесной зверье наподобие белок или кроликов вовсе не обращало внимания на людей, словно их и не было. Похоже, заклятье отбивало даже запахи.

— Кажется, пришли, — Гвай невольно понизил голос. — Странное местечко.



Светлый сосняк закончился у самого края здоровенной впадины, диаметром лиги в полторы. Конану это место живо напомнило кратер вулкана или гигантскую чашу, вкопанную в землю. Внизу росли только чахлые березки и кривые сосенки, едва достигавшие в высоту трех-четырех локтей. Обычно такие впадины заболачиваются, после дождей здесь собирается вода, но почва оказалась сухой, кое-где растрескавшейся.

В самом центре чащеобразного углубления белели некие бесформенные обломки — это были даже не руины, а просто завал из белого известняка и мраморных плит.

— Готовьте арбалеты, — сказал Тот-ан-Тотеф, — и очень осторожно двигайтесь за мной. Не поверите, но я чувствую легкое дыхание древней магии, остатки которой сохранились в этом месте за долгие столетия... Нет сомнений, это бывший кхарийский храм!

Начали спускаться вниз. Конан внимательно смотрел под ноги, пытаясь углядеть хоть какие-нибудь подозрительные следы, но на затвердевшей до состояния камня глине не было ни одного отпечатка. Редкие деревца пришлось старательно обходить, чтобы не задеть сухие ветки и не вызвать лишний шум.

Приблизившись к развалинам на расстояние тридцати шагов, Тот-ан-Тотеф приказал остановиться, и Конан сумел разглядеть их во всех подробностях.

Скорее всего, это был храм в форме прямоугольника с округлым куполом, который поддер-



живали двойные колонны с резьбой по камню. На некоторых плитах действительно сохранились незнакомые символы и выбитые рисунки — человечки, стоящие на коленях пред неописуемо мерзкими чудищами; видимо входившими в кошмарный пантеон богов Кхарии.

— Думаю, что я понимаю, где мы оказались, — прошептал Тот-ан-Тотеф. — Жертвенный храм времен Третьей династии Ахерона, Эйнар не ошибался. Посвящен либо Атанобису, богу, принимающему души в подземном мире, либо сразу нескольким богам смерти. Воображаю, что здесь творилось эдак полторы-две тысячи лет назад — культа человеческого жертвоприношения было очень распространено в Кхарии, в таких храмах умерщвлялось до десятка человек в день, и это далеко не предел — по праздникам и во время полнолуний число жертв многократно увеличивалось.

— У тебя были очень несимпатичные предки, — сам того не желая, поддел Тот-ан-Тотефа Конан. — Впрочем, тебе не привыкать — в Стигии тоже приносят в жертву людей, сам видел!

— Очень редко и только в самых крайних случаях, — недовольно проворчал стигиец. — Поверь, ни я, ни мой отец никогда этим не занимались — мы ведь маги, а не жрецы... Хватит болтать. Давайте подойдем поближе и попробуем отыскать вход. Если, конечно, таковой существует.

— Вовсе не обязательно, — тихо сказал Гвайнард. — Змей может проползти в очень узкий лаз, в который никто из нас не пролезет.



— Вот и я о том же думаю, — отозвался маг. — Тогда придется уничтожать здесь все подчистую...

Варвара снова передернуло. «Подчистую» — это, простите, как? Конан недавно видел, как бесконтрольная магия, истекавшая из портала в Кезанкии, стерла с лица земли целую деревню, накрыв огненным куполом. Неужели столь могучие заклинания доселе сохранились, а Тот-ан-Тотеф способен их использовать?

Охотники и стигиец начали осторожно обходить рухнувшую постройку слева, против солнца. Пока ничего необычного не обнаруживалось — только каменная крошка, да иссеченные временем обломки. Ни единого отверстия, пещеры или ведущей под землю арки. И полнейшая тишина — никаких звуков.

— Ого! А вот и гости! — внезапно воскликнул Гвайнард. — Всем назад! Не рассыпаться!

Все предположения подтвердились — змей с бараньей головой обитал здесь, в древних руинах кхарийского храма. И его отвратительные отпрыски вышли из логова, чтобы лицом к лицу встретить врага.

— Один, три, девять, двенадцать... — быстро считал Конан. — Митра Всеблагой, двадцать две штуки!

— Не стреляйте пока, — потребовал Тот-ан-Тотеф и в его голосе звенела сталь. — Пусть подойдут поближе. Эйнар, приглядывай за тем, что творится за нашими спинами — не хочу никаких сюрпризов!



Маленькие чудища с младенческими головами и взглядами тварей из потустороннего мира медленно вышли из-за дальнего угла храма и начали постепенно приближаться к охотникам, охватывая их полукругом. Стражи отлично понимали, что если ядовитые гаденыши атакуют одновременно, не считаясь с жертвами, то обязательно успеют кого-нибудь ужалить. А тогда... А что тогда? Рэльгонн при всем желании не успеет помочь — время близится к полудню, солнце в зените, под его лучами упырь погибнет почти мгновенно.

Тот-ан-Тотеф неожиданно шагнул вперед, вытянул ладони, гортанно выкрикнул короткое заклятье на древнекхарийском, и с его пальцев сорвались тугие струи ярко-оранжевого пламени, которое образовало прямиком перед крошечными монстрами непроходимую стену огня. Два или три существа сгорели сразу, превратившись в покривившие осты, остальные попытались прорваться сквозь огонь, но, обжегшись, отступили. И тогда же в действие вступили самострелы охотников.

Били прицельно, наверняка. Маг тоже не стоял в стороне, швыряя в чудищ огненные шарики диаметром с серебряную монету — после меткого попадания тварь охватывал жидкий, чадящий огонь и она подыхала практически мгновенно, не успев сделать и двух шагов.

Прорвались лишь три существа, сумевшие обогнуть пламенную стену — они скачками направились к охотникам, расстояние стремитель-



но сокращалось, Конан уже схватился за меч, поскольку не успевал натянуть тетиву арбалета, но Тот-ан-Тотеф лишь повел левой рукой и тварей отшвырнуло сначала на каменные плиты, а затем в огонь, в самое пекло.

Конан подумал о том, что в некоторых случаях боевая магия является очень полезной штукой.

— Похоже, отбились, — выдохнул маг и убрал огонь — заклинание перестало действовать. — Но неизвестно сколько их еще осталось в самом храме. Два десятка? Половину? Двести?

— Не думаю, что так много, — быстро проговорил Гвайнард. — Змей похитил не более пяти десятков младенцев, многих убили в городе... Возможно, это были остатки его армии. Идем дальше?

— А ты предлагаешь повернуть назад? — вздернул тонкую бровь стигиец. — Держитесь сразу за мной, неизвестно, какие пакости ждут нас впереди. Магическую ловушку я смогу почувствовать... Никакой самодеятельности — слишком опасно! И себя погубите, и меня!

Вход обнаружился с полуночной стороны развалин. Да только никакой это был не вход, а узкая, в полтора локтя, нора, заваленная сверху грудой каменных обломков. Человеку никак не пройти.

— Нет ничего проще, — весело ответил маг на вопросительные взгляды охотников. Он словно бы развлекался. — Отойдите-ка подальше, сейчас мы устроим маленькие раскопки...

Тот-ан-Тотеф вновь подтвердил, что вторую



ступень посвящения ему даровали совсем не зря — бесформенные булыжники, обломки колонн и облицовочных плит неожиданно начали взлетать в воздух, затем они описывали плавную дугу и с грохотом падали шагах в пятидесяти от храма. Скрытность теперь не требовалась — если змей находится в подземельях постройки, он должен был почувствовать гибель своих отпрысков. Главного врага следовало выманить из укрытия и дать последний бой.

Наконец, проход расширился настолько, что стала видна уводящая вниз лестница, а через половину квадранса по ней вполне мог пройти взрослый человек. Каменный фейерверк прекратился. Тот-ан-Тотеф, недовольно хмуясь, разминал ладони.

— Будто на своем горбу эту гору камней на гору втащил, — пожаловался маг. — Но ничего, сил у меня еще хватает. Вперед?

— Вперед! — хором согласились Стражи.

\* \* \*

— Точно, это логово, — сказал Гвай, обозревая округлое помещение, в которое через щели в ветхом сводчатом потолке (спасибо стигийцу) пробивались солнечные лучи. — Вы только посмотрите на это!

— Кости очень старые, — тут же прокомментировал Тот-ан-Тотеф. — Скорее всего, это останки жертв кхарийских жрецов. Тут был санктуарий, помещение для хранения костей... Не обра-



щайте внимания. А вот эти штуковинки действительно весьма занимательны.

Валявшиеся на огромной горе выбеленных веками человеческих костей полусферические обломки показались Конану осколками гигантских яиц.

А когда Тот-ан-Тотеф поднял одну целую сферу все стало ясно — так змей выращивал своих кошмарных детишек...

Под мягкой полупрозрачной оболочкой здоровенного яйца (оно было размером с голову взрослого человека) шевелилось нечто, похожее не то на собаку, не то на лисицу с необычной головой, которая, в сущности, принадлежала одному из похищенных змеем новорожденных.

— Какая гадость, — маг выронил яйцо и брезгливо вытер ладони о свою черно-золотую хламиду. — Никто не против, если я его сожгу?

— Нет уж, давай заберем с собой и подарим алхимику герцога Райдора! — неудачно съязвил киммериец. — То-то радости будет у старика.

Хватило одной вспышки. Яйцо сморщилось, почернело, из него потекла желтоватая слизь. Находившееся внутри существо дернулось, и затихло навсегда.

— А где же... — начал было Гвай, но прикусил язык, заметив взгляд стигийца, направленный куда-то за плечо командира ватаги.

Оно выползло из самого темного и дальнего угла древнего санктуария. Гигантская змея с головой барана целеустремленно направлялась к нарушителям спокойствия ее обители.



— Охранное заклинание... — простонал Тотан-Тотеф. — Оно едва держится! У змея другая магия, сильнее моей! Да сделайте же что-нибудь наконец!

Мысли неслись в голове Конана с быстротой молний. Почему-то вспомнились гладиаторские ристалища Халоги, на которых ему приходилось выступать в молодости в качестве раба-смертника и старый наставник-асир, учивший молодого варвара так называемому «слепому бою» — с завязанными глазами.

*Ты должен был отыскать противника по звукам, по движению...*

В воздухе запахло не только привычным ароматом змея — болото напополам с сырой бараньей шерстью — но и грозой. В добавок стало очень холодно — заклинания стигийца и змея боролись друг с другом.

Киммериец понял, что через несколько мгновений защита рухнет и проклятая тварь расправится со всеми...

Надо решаться!

— Всем замереть! Ни единого движения! — гаркнул Конан, закрыл глаза и прыгнул вперед, выходя из-под защитного магического купола.

Шуршание чуть впереди и правее. Прямой удар клинком, затем боковой. Яростное шипение, ноги касается холодный хвост змея и пытается оплести голень.

Снова прыжок — резко вправо.

Не везет — подошвы скользнули по гладким костям, пришлось повалиться набок и в падении



наотмашь рубануть «на звук», потом вскочить и нанести еще один удар. Шипение змея стало слабее, запахло чем-то новым и донельзя мерзким — его кровью?

Только бы удержаться от желания открыть глаза! Потрескивание впереди и слева? Удар, новый удар, и еще...

Треск кости. Левая штанина над коленом стала мокрой, на нее что-то брызнуло...

А теперь? Тишина. Звенящая, недобрая тишина. Неужели змей разгадал тактику противника и затаился?

— Конан, остановись! Все кончено!

Это был голос Гвайнара.

\* \* \*

— То что я видел, относится к области самых настоящих сказок, — потрясенно говорил Тотан-Тотеф, покачиваясь в седле. — Конан, кто тебя этому научил? Просто невероятно!

— Точно, невероятно, — подтвердил Эйнар и как бы невзначай похлопал ладонью по кожаному мешку в котором покоился сюрприз для герцога Райдорского. — Прыгал, как взбесившийся кузнец-чик, с закрытыми глазами, и при этом умудрился нащиповать змеюку так, что папаша-Сет не узнал бы! Боги всеблагие, ты ведь достал его первым де ударом, кровища так и хлынула! А потом еще целых шесть ран, практически все смертельные! Как тебе это удалось? Как сообразил?

— Да никак, — пожал плечами Конан. — Пом-



ните я рассказывал про Халогу? «Слепой бой»? Пришлось кое-что вспомнить... Такие навыки остаются на всю жизнь.

— ...И спасают жизни других, — перебил стигийский маг. — Мое заклинание рухнуло в самый последний момент, еще немного — и змей завладел бы разумами людей, у него и вправду завораживающий взгляд, врожденное волшебство... Но ты очень вовремя двинул ему мечом прямо промеж рогов. Позволь выразить тебе, Конан Канах из Киммерии, свое восхищение.

— Да ладно, — отмахнулся варвар. — Ты тоже постарался — держал заклятие ровно столько, сколько потребовалось! Передай своему папаше, что он вырастил достойного сына!

— Благодарю, — Тот-ан-Тотеф прижал руку к сердцу и склонил голову. — Кстати, мой отец просил тебе передать...

— Опять хочет, чтобы я перешел к нему на службу? Нет уж, спасибо. Кстати, как вы думаете, что нас ждет в Райдоре — стены города уже близко?

— Покажем страже на стенах голову змея и въедем в город героями, — фыркнул Гвай. — Как и всегда. Нам все простят и снова будут носить на руках — райдорцы народ отходчивый, да и у герцога доброе сердце.

— Твоими бы устами, да пиво хлебать, — покачал головой киммериец. — Кстати, поговорим о пиве... Никто не против устроить сегодня роскошную вечеринку по случаю трудной, но заслуженной победы? В «Синей Розочке»? Тот-ан-То-



теф, рекомендую, отличное заведение, кроме того хозяйка этого вертепа кое-чем обязана Ночной Страже...

— Только без меня, — сплюнула Асгерд. — Такие развлечения предназначены исключительно для мужчин. Я лучше отосплюсь. Почти пять дней на ногах — шутка ли!





## Дворец наслаждений



**F**овоприбывшему может показаться, что Ианта — самый унылый город на свете. Небо над ним всегда подернуто тучами, из которых сеет вечный дождь — монотонный, холодный. Улицы грязны. Стены домов облуплены. Сквозняк хлопает покосившимися ставнями. По грязным улицам торопливо проскальзывают тени, укутанные бесцветными лохмотьями.

Если новоприбывший никого в Ианте не знает и не имеет рекомендательного письма, он поселятся в скверной корчме, где с него в тридорога слупят за несъедобный ужин и ночлег в сырой кровати, в душной комнате, загаженной крысами. И наутро новоприбывший уедет, дав себе зарок — никогда не возвращаться в этот город.

У Конана было рекомендательное письмо, написанное ловкой рукой несравненной Зонары.

— В этом городе меня знают как виконтессу Ревиньон, — сказала она. — И маркиз Каркаду, бесспорно, — один из учтивейших кавалеров, примет тебя благосклонно...

— Нужна мне его благосклонность! — насупился северянин.

— Не перебивай, — Зонара была настроена очень серьезно. — Если ты действительно вознамерился стать королем, то тебе придется слегка отшлифовать свои манеры.

— Разве мои манеры так уж плохи? — усмехнулся Конан.

— Особенно когда ты ешь. Король, мой милый варвар, — это не только мощь и мужество. Это еще и обхождение, повадки и образцовое поведение.

Северянин почесал затылок.

Незадолго до этого они вместе с Зонарой успешно выбрались из очень опасной переделки. Им удалось не только сохранить свои жизни, но и захватить солидный куш. Даже поделенный на двое, он смотрелся весьма прилично.

— Будет глупо просто взять и просадить такую кучу денег, — заявила Зонара. — Ее надо истратить с шиком.

И беспокойной авантюристке пришла в голову мысль: раскрыть перед варваром двери в высший свет.

— Аристократы, особенно молодые и красивые, живут очень интересной жизнью, — щебетала она. — Любовные похождения, турниры, дуэли, яства и питие в любом количестве! Кроме



того, всегда можно ввязаться в какое-нибудь приключение.

Последний аргумент Конана убедил. Впрочем, поразмыслив, он пожал плечами.

— Получается, что я живу, словно аристократ. Стоит ли ради этого ехать в Ианту?

Но спорить было уже поздно, Рекомендательное письмо было готово и запечатано. Зонара не собиралась выслушивать возражения. Они провели на постоялом дворе еще одну ночь, а наутро разъехались в разные стороны. У Зонары имелись какие-то чрезвычайно важные дела в Британии.

И вот Конан в Ианте. Уличная грязь чавкает под сапогами. Стойкая, сильная фигура варвара скрыта, искажена бесформенной хламидой, скверно сшитой и скверной ткани. Но под ней — богатый наряд. Перевязь — немного неудобная с непривычки, но расшитая каменьями и золотыми нитями. Неудобство можно перетерпеть. Верный меч обзавелся нарядными ножнами, но ведь стала не перестала от этого быть сталью!

Маркиз Каркаду прочитал письмо и долго смеялся, вспоминая проделки Зонары. Он был молод, горбонос и улычив. По сравнению с могучим рослым северянином, маркиз выглядел сущим хлюпиком, но когда было нужно, его изнеженные руки наливались крепостью, и легкий «городской» меч в этих руках не ведал усталости.

Одевался он с изысканной небрежностью. Четыре камердинера помогали ему облачаться перед выходом в свет, но к утру маркиз возвращал-



ся домой в виде весьма легкомысленном. Вечером Каркаду появлялся на балах, ближе к ночи — на каком-нибудь пиру, а самые упоительныеочные часы проводил в бесшабашном разгуле. И вот сама судьба предоставляет ему спутника и товарища. Радости маркиза не было предела.

— Остановитесь вы, конечно, у меня, любезный князь, — сказал он, прочитав письмо Зонары и складывая его пополам. — Кстати, как здоровье виконтессы?

— Здорова, — буркнул Конан в ответ. Он, бесстрашный воин, сражавшийся с людьми и нелюдями, глядевший в лицо опасности без тени робости, испытал нечто, отдаленно похожее на смущение. И чувство это ему не понравилось. «Какой очаровательный провинциал! — подумал маркиз. — Сущий лесной медведь. Ничего, я его цивилизую!»

«Ну и франт! — подумал Конан. — Кром! Зачем я здесь? Что я здесь делаю? Он ведь смеется надо мной!»

Жареная дичь и вино несколько развлекли варвара и изрядно подняли ему настроение. К тому же, за столом прислуживали четыре хорошеных служанки, одетые по вкусу маркиза, — то есть, не полностью. Конан щурился на их прелести, и его чувство смущения постепенно проходило.

Каркаду не переставая говорил:

— Из развлечений на сегодняшний вечер могу предложить танцы у графа Эркона, дружеский



поединок фехтовальщиков во дворце герцога Мармадьюка, танцы четырех прекрасных дев и парад карликов... Нет нужды выбирать что-нибудь одно — мы успеем побывать вследу. У Эркона будет несравненная баронесса Марика и ее сестра-близняшка, не помню точно, как зовут. Обе — прехорошенькие. А на турнире я дерусь с посланником из Ванахейма. Он страшно рычит, но слаб в обороне...

Варвар только моргал, оглушенный этим водопадом имен и предложений. Однако скоро маркиз позвонил в колокольчик. Явились уже известные камердинеры и принялись облачать Каркаду в выходной наряд. Маркиз продолжал разглагольствовать и при этом столь живо жестикулировал, что затруднял работу слуг. Впрочем, у них имелись сноровка и хватка — они вертели своего господина, словно куклу, застегивая на нем крючки, завязывая банты, поправляя воротничок и манжеты.

— Как, князь, у вас всего один костюм? — изумлялся Каркаду. — Не беда! Завтра же я позову лучших портных. Не пройдет и недели, как у вас будет самый выдающийся гардероб в Ианте!

Конан, не вполне понимавший, для чего ему нужна другая одежда, когда и эта еще вполне хороша, несколько озадачился.

Маркиз же почувствовал, что эта тема не слишком интересна его неожиданному гостю, и принял с удвоенным усердием расписывать достоинства баронессы Марики.

Танцы Конану не глянулись. То есть, наблю-



дать за ними было занятно, но варвар отдавал себе отчет в том, что сам бы не смог повторить ни одной фигуры. Это его уязвляло. Зато на турнире он повеселился от души.

Благовоспитанные, чинные аристократы, наблюдавшие за ристалищем, словно заново почувствовали в себе воинственный дух предков. По причине традиционно скверной погоды, поединки проходили в большой зале с высокими, мозаичными потолками. От факелов, зажженных светильников и свечей в помещении было жарко. Зрители разгорячились куда больше дерущихся. Они издавали одобрительные восклицания, а каждый точный удар приветствовали бурными овациями.

Была среди зрителей некая дама, чья странная красота обратила на себя внимание Конана. Дама эта держалась особняком. Ее окружали слуги, одетые в черное, — настоящие великаны, молчаливые, как скалы. Незнакомка полусидела-полулежала на складном кресле.

Она была довольно высокой, утонченной, стройной, одежда не скрывала гибкости ее тела. Наряд, кстати сказать, сильно отличался от платьев прочих женщин высшего света. Он напоминал ритуальное одеяние жрицы. То же касалось и украшений, которые выглядели, скорее, амулетами, нежели простыми безделушками. Приглядевшись, Конан наметанным воровским глазом отметил, что все эти золотые побрякушки — работы старинной и очень редкой. Особенно изящны были подвески в виде дельфинов с изумрудными гла-



зами. «Где я уже мог видеть похожие?» — размышлял варвар, но припомнить не смог.

Самым выразительным отличием незнакомки был ее взгляд, которым она следила за ходом поединков. Взгляд этот, прищуривающийся, полный холодно любопытства, Конан хорошо знал. Так смотрели на гладиаторов знатные шлюхи из первых рядов амфитеатра.

— Кто она? — спросил варвар у Каркаду.

— Ты о красавице, окруженной немыми титанами? — Маркиз пожал плечами. — Прелюбопытная особа, в самом деле. Госпожа Эвника. Приехала не очень давно. Богата. Не замужем. Любит бывать в обществе, но ходят слухи, что она — бывшая куртизанка. Держится вызывающе. Обожает чувствовать себя в центре всеобщего внимания и, добиваясь этого, не слишком церемонится. Ее не очень жалуют, особенно прекрасная половина Ианты. Однако, мне пора на ристалище.

С этим маркиз юрко устремился к отгороженному ширмами уголку, где на него тотчас надели кирасу и защитную маску.

В бою Каркаду был великолепен. Быстрота и ловкость его движений напоминали танец. Противник маркиза, юный ванахеймский барон, казался рядом с ним нескладным увальнем. Он пытался задавить Каркаду грубой силой, пыхтел и злился. Турнирные мечи звенели, сталкиваясь. Скоро маркиз даже перестал парировать удары барона — просто уворачивался в сторону.

А барон разошелся не на шутку. Это и реши-

ло его участь. В очередной раз промахнувшись мимо подвижной цели, он попал в мраморную колонну, отбил от нее порядочный кусок, сломал меч и разрыдался от горечения. Его увезли.

— Проклятие! — воскликнул маркиз, снимая маску. — Если бы я не пригнулся, он проломил бы мне голову! Кстати, князь, не хотите ли вы поразмяться? Следующий боец, рыцарь Маримальт, весьма искусен. Он разделает меня под орех, как уже не раз бывало. Что скажете?

Госпожа Эвника слышала эти слова. Она обернулась, чтобы взглянуть на «князя» и даже поднесла к глазу большой шлифованный изумруд. Внушительная фигура киммерийца произвела на нее известное впечатление — она довольно развязно щокнула языком и подняла бровь, как бы упрашивая Конана выйти на ристалище.

— Кром великий! — негромко прорычал Конан. — Она хочет зрелища? Она его получит!

— Если господин Маримальт не против окказать мне честь, — объявил он зычно, — я вызываю его! Или принимаю вызов... или как угодно! В общем, я с ним дерусь!

С трудом слуги подыскали кирасу, подходящую по размерам. Маску Конан отверг.

— Она мешает смотреть, — пробурчал он.

Увидев это, рыцарь Маримальт тоже снял маску. Оказалось, что у него на удивление мягкое, приятное лицо, улыбчивое, почти детское.

Распорядитель турнира ударил в гонг, и схватка началась. Маримальт бился, сохраняя приветливую улыбку. Он не собирался побеждать лю-



бой ценой — для него турнир был просто развлечением, вроде игры в мяч. При этом он не пропустил ни одного удара.

Конан знал, что может победить, — для этого ему нужно было разозлиться. Вспомнить гладиаторскую арену, гул кровожадной толпы, запах крови и пота...

Внутреннее чутье подсказывало: сейчас не место и не время для этого. Нужно быть добродушным, легкомысленным и улыбаться — как улыбается рыцарь Маримальт.

Долго еще знатные жители Ианты вспоминали этот бой. Ничего красивее, по их словам, они не видели на ристалищах. Но самым эффектным оказалось завершение поединка. Внезапно пронзительный жесский голос вскричал:

— Убей его!

Зрители затаили дыхание. Повинуясь этому голосу, Конан с неожиданной яростью отразил клинок Маримальта и провел сокрушительный прием. В последнюю долю мгновения, опомнившись, он задержал удар. Меч киммерийца остановился у самого виска Маримальта. Еще чуть-чуть — и рыцарь был бы убит на месте.

Маримальт побледнел, хотя и не перестал улыбаться. Отступив на шаг, с учтивым поклоном, он молвил:

— Поздравляю, победа за вами.

Конан пожал его руку и с чувством великого облегчения вернулся к зрителям.

— А? Что я говорил? — возмущался маркиз. — Разве можно кричать под руку? Это она нарочно,

чтобы о ее выходке потом судачили несколько дней.

Госпожа Эвника снова рассматривала киммерийца сквозь изумруд. Конан ожидал, что она будет разочарована, но напротив, теперь в ее взгляде было больше любопытства.

Дальнейшие события этого вечера были шумны, веселы и сопряжены с обильными возлияниями. Далеко за полночь, в таверне на окраине города, новые приятели перешли на «ты».

— Ну, князь, признавайся — хороша жизнь в Ианте? — настойчиво высматривал маркиз, лежа головой на коленях хохочущей девицы.

Конан отвечал, что как будто бы хороша. Притягательное надменное лицо Эвники, ее злые глаза и ядовитая улыбка не входили из мыслей киммерийца.

\* \* \*

— Всегда представлял себе северян холодными, даже чуть заторможенными людьми, — удивлялся маркиз. — А в тебе столько темперамента!

— Ванахеймский юнец, который чуть было тебя не укокошил, тоже северянин, — напомнил Конан.

— Он просто буйнопомешанный, — рассмеялся Каркаду. — Другого вряд ли отправили бы к нам с посольской миссией. Вернемся же к теме нашей беседы! Сдержанность, присущая аристократам, — своеобразное представление, которое каждый из нас разыгрывает сам для себя.



— Зачем? — Конан ухмыльнулся. — Не лучше ли посмотреть на настоящего фигляра?

— Фигляры редко бывают настоящими артистами. Они кривляются, потешая чернь. А у черни низкие вкусы. Грубая пантомима, похабные песенки и шутки вокруг детородных органов — вот и все, что нужно толпе. В то время как среди знати есть великолепные музыканты, изумительные чтецы и танцоры. Они не зарабатывают своими талантами, поэтому им нет нужды поддаваться под чьи-либо вкусы.

— Не понимаю! — варвар развел руками. — Вот, к примеру, от искусства фехтования часто зависит твоя жизнь. Победить врага — это удовольствие!

— Когда совершенствуешься в каком-либо другом, более мирном искусстве, тоже побеждаешь врага, — хмыкнул маркиз и перепрыгнул через большую лужу, пузырящуюся от дождя.

Приятели направлялись в дом госпожи Эвники. Сегодня она демонстрировала избранной публике совершенно особый вид искусства — магию иллюзии.

— Колдовство! — поморщился варвар. — Ты хочешь смотреть на чародейские фокусы?

— Здесь говорится об иллюзиях, — возразил маркиз. — Это действительно фокусы, и ничего кроме. Будет забавно.

Киммериец с сомнением покачал головой. Если бы не загадочность Эвники, он остался бы дома, чтобы потом встретиться с маркизом в каком-нибудь питейном заведении, куда молодые



аристократы обыкновенно захаживали инкогнито. Но образ этой жестокой, таинственной женщины почему-то не давал Конану покоя.

— Помяни мое слово, маркиз, — с этой госпожой не так все просто, — сказал он.

— Вот и проверим заодно, — беспечно молвил Каркаду.

Они облачились в изысканные наряды, натянули поверх бесформенные, вечно сырье и заляпанные грязью одеяния и вышли из дома.

— Какого врага нужно побеждать, занимаясь музыкой? — насмешливо спросил Конан, возвращаясь к прежней теме. — Слушателя?

— Себя самого, конечно, — отвечал Каркаду. — Человек — ленивое создание. Ему приходит в голову, что он постиг все тайны гармонии, и тогда он перестает совершенствоваться. Разве в искусстве владения мечом дело обстоит иначе?

Киммериец вынужден был согласиться. Спор заглох. Маркиз еще какое-то время ворчал и сердился на глупых зодчих, по причуле которых большинство городских улиц чрезвычайно узки. Это обстоятельство не позволяло пользоваться носилками, и жители Ианты, даже самые знатные, не говоря о простых горожанах, были обречены месить грязь своими ногами. Существовали, правда, особые лакеи из силачей — они носили своих господ на плечах. Но их услугами преимущественно пользовались дамы.

— Какой странный особняк выбрала себе госпожа Эвника, — заметил Каркаду, когда добрались по адресу. — Это очень старая постройка.



Ей больше пяти столетий. Тогда и Ианта еще не была построена. Воображаю, как сырьо и холодно внутри!

Варвар промолчал. Его пасмурные предчувствия усиливались.

Особняк и вправду был странен. Собою он представлял круглое строение из камня, окруженное двумя рядами колонн, почерневших от вечной сырости. Резная капитель каждой колонны представляла собою две закругленных раковины, на которых помещалась фигурка дельфина с поднятым хвостом.

— Опять дельфин! — отметил Конан. — Вряд ли это случайно.

Слуга-великан отворил им двери, принял вымокшие хламиды и с поклоном препроводил в залу, где ожидали начала представления гости, числом около тридцати. Большие жаровни на высоких треножниках источали свет багрового оттенка. По потолку скакали тени. Гости слушали арфу — на ней играла миниатюрная девушка в прозрачном хитоне. Голову арфистки венчало странное украшение, напоминающее большую спиралевидную раковину. Вроде тех, что были на колоннах.

— Красотка, — сказал маркиз негромко и тут же добавил: — О, боги! Ты заметил? Эта штука просто растет из ее головы! Честное слово! Кто ее парикмахер?

Инструмент, послушный пальцам арфистки, рассыпал чарующие звуки, то серебристые, то жемчужные... В музыке слышались то журчание

ручья, то ревущие волны штурмящего моря. Потом девушка слегка откинула голову назад и, не прекращая играть, запела. Но песня ее непривычной оказалась для человеческого слуха. Состояла она из мелодичного пощелкивания и переливчатых, чрезвычайно высоких нот.

— Интересно, на каком это языке? — шепотом спросил Каркаду. — Мне кажется, я слыхал что-то подобное, но где? Когда?

— Мне тоже так кажется, — кивнул варвар. — Будь очень внимателен. Все запоминай.

Маркиз удивился, но ни о чем не спросил — на приятелей зашикали из соседнего ряда.

Конан пристально разглядывал каждую деталь убранства залы, каждое лицо, обозначенное тенью в багровом мраке. Все приглашенные были мужчины. Знатные холостяки. Молодые и не слишком. Как правило, с безупречной родословной. Рыцарь Маримальт тоже оказался здесь. Он сидел на одном из лучших мест. Лицо его хранило выражение светской непринужденности, однако в глазах иногда мелькало недоумение.

— Пора бы уж госпоже Эвнике начинать, — проговорил маркиз. — Музыка, конечно, чудесна, однако...

Он не успел договорить. Арфа смолкла. Яркая вспышка света ослепила всех, а когда к присутствующим вернулось зрение, удивительной арфистки и ее инструмента уже не было в зале.

— Дешевый прием! — фыркнул Каркаду. Конан сохранял молчание.

Неожиданно прямой луч света, упавший пря-



мо с потолка, осветил пространство, предназначенное для выступления. В луче этом заблистали мириады разноцветных блесток.

Послышалась негромкая музыка, и все завертели головами в попытке разглядеть, где же спрятаны музыканты.

А блестки кружились все быстрее и быстрее, переливаясь и сталкиваясь в воздухе. Это было похоже на метель и на брызги прибоя, подсвеченные радугой, и на вихри пузырьков в бокале игристого молодого вина.

И прямо из этого вихря возникла высокая женская фигура, едва задрапированная текучей шелковой тканью.

— Приветствую вас в моем доме! — произнесла Эвника (то была она). — Очень рада, что столь высокое общество, искушенное в зрелищах, снизошло до встречи со мной. Но клянусь забытыми богами древности, ни один из вас не будет разочарован!

Итак, вы пришли насладиться иллюзиями. Что же есть иллюзия? То, чего нет? То, что могло бы быть?

— Невероятно! — шепнул маркиз, толкнув Конана локтем. — Сейчас нас угостят заумными рассуждениями!

Варвар с некоторым недоумением покосился на своего спутника. Маркиз Каркаду говорил о госпоже Эвнике много нелестных слов, как и о ее представлении. Он заранее был уверен в том, что представление окажется скверным, он знал цену бывшей куртизанке и неоднократно становился



свидетелем ее скандальных выходок в свете. И все же маркиз пошел сюда. Мало того — он искренне обрадовался, получив приглашение. Неужели ему нравится зубоскалить, сидя в заднем ряду? А может быть, ему нравится сама госпожа Эвника? Чужие пороки часто притягивают.

Между тем Эвника продолжала:

— Но разве самому степенному из вас не кажется иногда, что его собственная жизнь — только мираж? Кто знает? Может быть, в эти мгновения на него находит озарение. Так или иначе, смотрите, восхищайтесь и размышляйте. Сначала мои помощники продемонстрируют вам свои скромные умения. Нибила, чье пение и игру уже слышали, — моя воспитанница. Я нашла ее много лет назад на берегу моря. Она была почти ребенком в ту пору, совсем беспомощным, испуганным... Я приютила сироту и лично занималась ее воспитанием. Она поет песни на языке своего народа...

Многие из зрителей хотели бы спросить, что это за народ, но правила этикета не позволяли прерывать представление. Тем временем появилась и Нибила.

На сей раз она играла на небольшой виоле, резонатор которой был сделан из панциря морской черепахи. Вновь зазвучала песня, состоящая из звуков странных и таинственных. Нибила пританцовывала. Серебряные бубенчики на ее лодыжках отзывались ритмический рисунок. А в световом луче за ее спиной простила отчетливая картина — морской берег, нагромождение



далеких скал, пенные буруны и далекий парус у самого горизонта.

— Мне кажется, я узнаю это место, — пробормотал Каркаду в растерянности.

— А я узнал, на каком языке она поет, — ответил киммериец. — Кром всесильный! Мне следовало сразу догадаться!

— И что же это за язык?

— Это язык китов и дельфинов. Язык жителей моря, — Конан наморщил лоб. — Говорят еще, что разговаривать их научили лемурийцы. А там, где пахнет лемурийцами, там обязательно случаются занятные штуки...

— Но ведь этот народ погиб весь целиком! — поразился маркиз.

— Народ не может погибнуть целиком, поверь мне, — возразил варвар. — Мне уже доводилось сталкиваться кое с кем из них.

Нибила закончила песню на необыкновенно высокой ноте, перевела дыхание и сразу начала вторую. В этой девушке, кроме раковин, росших из головы, была еще одна странность: во время пения она словно впадала в транс. Казалось, окружающее перестает существовать для нее.

Изображение за ее спиной померкло и сменилось другим. Теперь зрители наблюдали чудеса подводного мира. Одна за другой проплывали яркие рыбы с разноцветными плавниками, хищно моргал спрут, затаившийся за коралловой порослью. Зрелище постоянно изменялось.

Вот виден песок на дне, из которого торчит костяк затонувшего корабля. Раскрытый сундук,



полный тусклых золотых слитков и драгоценных камней. У подножия сундука скалится жутко чепр бывшего владельца этих сокровищ. Теперь он спокоен за их сохранность!

Снова меняется картина, будто взгляд поднимается к далекой поверхности — там пустота, зеленая прозрачная вода и ничего больше. Но колеблющийся силуэт появляется перед взором. Это молодая утопленница. Она, похоже, висит в пустоте. Волнуются над головой длинные русые волосы, руки невесомо и плавно движутся в страшном, медленно танце. Лицо отчужденное, спокойное... Что за жизнь была у этой бедняжки на суще? Теперь неважно. Море приняло ее и избавило от земных страданий. Теперь будет только прохладная зелень воды, тишина и хороводы пестрых рыбок вокруг.

— Бр-р! — маркиз стряхнул наваждение. — Мне показалось, что я тоже утопленник, — признался он. — Забавное ощущение.

— Ты полагаешь? — процедил Конан сквозь зубы. — Мне так не кажется.

Происходящее нравилось ему все меньшее и меньшее.

Выступление Нибиллы закончилось. С поклоном она отступила в луч света, который внезапно погас, чтобы через мгновение вспыхнуть вновь. Теперь в нем стояла другая девушка. Совершенно обнаженная, она держала в руках бубен. Ее тело было необычайно соблазнительным, пышным, но в меру. Узкая талия подчеркивалась приятной округлостью бедер, высокая крепкая грудь драз-



нила взгляд. У этой на голове тоже были раковины, еще более причудливой формы.

— Аикея, моя вторая приемная дочь! — проговорила госпожа Эвника, не показываясь перед зрителями. — Ее настоящие родители погибли случайно, во время одной из глупых и ненужных человеческих войн. Может быть, по этой причине Аике нравится играть с холдной сталью. Орудия убийства превращаются ею в декорацию, она попирает их и затмевает блеск мечей красотой своего тела.

С легким скрежетом каменный пол вокруг Аикеи весь ощетинился клинками и лезвиями. Мечи, кинжалы и ножи, устремленные остриями вверх, мерцали в луче. Аикея танцевала между ними, кружась и изгинаясь. Единственным аккомпанементом танцу служили мерные удары бубна.

Все быстрее и быстрее плясала Аикея, ритм бубна учащал сердцебиение зрителей. Казалось, еще немного — и танцовщица оступится, тело ее будет искромсано клинками...

— Вздор, — говорил Каркаду, — мечи наверняка иллюзорные...

При этом маркиз нервничал и терзал пальцами кружева манжет.

Следующим выступал Нагир — невероятно уродливый карлик с лицом грустного, красивого юноши.

Росли ли раковины из его черепа, разглядеть было невозможно из-за парчового пышного тюрбана, усыпанного крупным жемчугом. Свои ко-



роткие, искривленные ручки Нагир держал скрещенными на груди. Между пальцами рук у него были прозрачные перепонки.

— Не думайте, господа, что мой воспитанник обижен судьбой, — произнес из темноты голос Эвники, — не смейтесь над его внешностью. Если бы вы знали, сколько красивых женщин дарили ему свою любовь, вы поняли бы, что облик человека — тоже иллюзия. Причем — самая пустяковая. Нагир одарен природой как никто другой. С самого своего рождения он умеет читать чужие мысли...

— Но позвольте! — не выдержал граф Борко, известный путешественник, повидавший немало. — Какое отношение имеет чтение мыслей к иллюзиям? Скорее, это эмпатика...

— О, вы знаток! — рассмеялась невидимая Эвника. — Дело в том, мой милый граф, что мысль, бесспорно, — тоже иллюзия. Вернее сказать, нам только кажется, что мы о чем-то думаем. Возможно, думают за нас другие существа из других миров, а может быть — сочетание звезд на небе управляет нашим рассудком.

— По-моему, это немного... унизительно, — пожал плечами граф Борко и опустился на свое кресло.

— Подумаешь! — хмыкнул развеселившийся маркиз. — Я иногда вообще не думаю.

— Мне ведомы помыслы любого из вас, — глухим голосом произнес Нагир. — Но приличия не позволяют высказывать мысли вслух без ведома их хозяина. Есть ли желающие?



— Я, к примеру, — поднял руку какой-то вельможа в черном камзоле.

— Мгновение назад вы думали о разорении, которое грозит вам, если ваша супруга не ограничит своих трат, — сказал Нагир бесстрастно.

Вельможа хлопнул себя рукой по колену и стушевался.

— Скажите мои мысли, — попросил юноша с бледным лицом и горящими глазами.

— Только что вы мечтали о герцогской короне. Перебирали родственников, которые должны умереть, чтобы расчистить вам дорогу к титулу. О, не стесняйтесь — мысли не наказуемы. Иногда такое лезет людям в голову...

— Чепуха! — брякнул юноша. Бледность на его щеках сменилась рдеющим румянцем.

— А мой? — послышался голос другого молодого человека.

— Вы мечтаете о Алике. Обратитесь позже к моей госпоже. У вас печально с деньгами, но цена, право, вас устроит.

— Фу! — поморщился Каркаду. — Эмпатический сводник!

— А я о чем думаю? — спросил рыцарь Маримальт, поигрывая нагрудной цепью.

— Вы влюблены, — отвечал Нагир. — Мысли ваши ясны и просты. Примите совет — будьте осмотрительнее.

— В советах не нуждаюсь, — проворчал Маримальт и отвернулся.

— Ставлю десять золотых, что моих мыслей ты не прочтешь! — вдруг воскликнул Конан.



Маркиз вздрогнул от неожиданности. Нагир наклонил слегка голову и исподлобья посмотрел на киммерийца. Вдруг черты его лица искривились. Карлик засучил ногами, взвизгнул и, уронив тюрбан, исчез в темноте.

— Что это было? — спросил маркиз среди общих возгласов удивления. — Ты тоже эмпатик?

— Как бы не так, — ухмыльнулся варвар. — Все проще. Никто не смеет читать мои мысли без моего разрешения.

Такое объяснение ничего маркизу не объяснило, но он решил поверить своему новому другу на слово.

В горящем луче появилась госпожа Эвника.

— Это — недоразумение, — произнесла она ледяным голосом. — Впрочем, любезный князь-северянин может позже зайти ко мне за выигрышем. Это долг чести. Но теперь настало время моего выступления! Оно и завершит сегодняшний вечер.

Эвника хлопнула в ладоши. Под пугающе-торжественную музыку слуги-великаны внесли в залу большой ящик, напоминающий шкаф или гроб, поставленный вертикально. Хозяйка дома открыла дверцу и продемонстрировала зрителям, что ящик пуст.

— Любой желающий может войти сюда, — сказала она. — И перенестись в удивительный мир грез и наслаждений, в котором исполняются все мечты, даже самые смелые. Ну, храбре, господа! Исполнение сокровенных желаний — совсем не страшное событие.



Гости молчали. Большинство из них испытывало неловкость.

— Неужели никто? — деланно изумлялась госпожа Эвника. — Даже странно!

— Я готов, — сказал Маримальт, поднимаясь. Он подошел к ней и заглянул прямо в глаза. — Надеюсь, вы не обманете. Это было бы слишком жестоко.

— В подобных случаях я никого не обманываю, — улыбнулась Эвника. — Пожалуйте сюда, рыцарь.

— Он войдет! — развел руками Каркаду. — Чтоб мие полгода ходить в тесной обуви, он войдет!

Маркиз нисколько не ошибся. Рыцарь Маримальт вошел в ящик и встал неподвижно. Он казался спокойным и безмятежным, только грудь его вздымалась от волнения. Госпожа Эвника закрыла ящик.

— Подождем немного, — молвила она. — Я не буду читать заклинаний и заламывать рук в нелепых пассах. Просто сосчитаю до трех. Раз. Два. Три!

Ящик открылся. Он был пуст.

— Вот и все! — объявила Эвника. — Представление окончено. Не смею никого задерживать.

— Однако! — вновь поднялся граф Борко. — Разве вы не возвратите Маримальта обратно?

Хозяйка дома рассмеялась ему в лицо.

— Во-первых, это не входит в мои планы, — заявила она. — Во-вторых, он и сам был бы против этого. А в-третьих, ваши рожи мне изрядно надоели! Убирайтесь вон, дураки!



С этими словами госпожа Эвника сама запрыгнула в колдовской ящик и закрыла за собой дверь.

Потрясенный граф Борко кинулся за ней, рывком распахнул створку и тут же отступил. Эвника исчезла.

Маркиз Каркаду тоненько прыснула в рукав. Потом, не удержавшись, рассмеялся во весь голос.

— Это... восхитительно... — с трудом проговорил он, утирая слезы на раскрасневшемся лице. — Нас оставили в дураках... Пойдемте, отпразднуем это событие!

— Но где же Маримальт? — не унимался граф.

— Разве вы не поняли? Ох, умора! — Каркаду прямо-таки трялся от смеха. — Полагаю, что рыцарь Маримальт прекрасно проводит время в каком-нибудь укромном алькове. Не один, естественно... Какая женщина!

Великосветские господа в недоумении разошлись. Далеко не все умеют посмеяться над собой, подобно маркизу Каркаду. Вдвоем с киммерийцем они дошли до заболоченной, донельзя грязной площади и размышляли, в какой из трех окрестных трактирков направить свои стопы. Маркиз продолжал посмеиваться.

— А ты чего хмуришься? — спросил он у своего товарища.

— Сдается мне, что дела у Маримальта далеко не так хороши, как ты думаешь, — мрачно произнес Конан.

— Почему? Все же яснее ясного!



— Никогда не доверяй колдуньям! — сказал варвар. — Особенно — лемурийкам!

— Разве лемурийки такие злобные? — удивился Каркаду.

— Они устроены не так, как мы, — пояснил киммериец. — Совсем по-другому. Зло для них — просто слово, понимаешь?

— Нет, — маркиз покачал головой. — Да пускай они все провалятся в преисподнюю! Ты беспокоишься за Маримальта? Он — молодой, сильный мужчина. Рыцарь, бывший на войне... Какнибудь уж он-то позаботиться о себе.

— Лично я предпочел бы иметь в одиночку дело с целой вражеской армией, чем со злой женщиной, — промолвил Конан серьезно. — Слушай меня. Маримальт в беде. Если мы не поможем ему, он погибнет. Сейчас мы пойдем в «Хромого оленя», выпьем горячего вина и подумаем, что следует предпринять.

\* \* \*

Липкая, промозглая сырость охватила друзей, выбравшихся на улицу. Вследствие выпитого грома маркиз Каркаду ощущал раздвоение своей личности. Одна половина маркиза была не прочь позабавиться незаконным проникновением в чужое жилье. Эта половина вообще в любом обстоятельстве подмечала только смешные стороны. Вторая, сомлевшая от трактирного тепла, склонялась к недовольству, брюзжанию и желала во что бы то ни стало очутиться дома, в уютном



кресле, перед пылающим очагом. Но она была ленива, проявляла себя крайне вяло, и первая половина маркиза, более энергичная, одержала над соперницей сокрушительную победу.

Конан откровенно наслаждался, чувствуя знакомое возбуждение. Мишицы его могучего тела играли, предвкушая борьбу.

— Опасность — что может быть прекраснее? — произнес он почти торжественно.

Маркиз рассмеялся и тут же проворчал:

— Ужин и теплая постель — вот что!

Киммериец пропустил эту реплику мимо ушей.

Скоро сообщники очутились возле дверей загадочного особняка Эвники. Двери были мраморные, вытесанные из сплошных глыб, и затворялись так плотно, что в щель между ними нельзя было просунуть и лезвия ножа.

— Здесь нет замочной скважины, отметил Каркаду и фыркнул: — Как же они попадают в дом? По подземному ходу?

— Такие двери запираются особыми механизмами, — сказал варвар. — Где-то здесь есть тайный рычаг.

Он принялся ощупывать стену и кладку дверной ниши.

— Нужно было взять фонарь, — брюзгливо заявил маркиз. — Темно, как в кармане у ростовщика!

— Мне фонарь ни к чему, — отозвался киммериец. Он никуда не спешил, действовал спокойно и уверенно. Рычаг, однако, не отыскивался. Конан еще раз осмотрелся с повышенным внимани-



ем. Взгляд его зацепился за фигурку дельфина, лежащего на брюхе слева от дверей, там, где обычно восседает каменный лев или грифон.

— Сдается мне, — произнес киммериец, — когда мы были здесь в прошлый раз, хвост этого дельфина был поднят.

— Это как? — поинтересовался маркиз.

— Примерно вот так, — Конан ухватил обеими руками металлический хвост фигурки и с небольшим усилием поднял его.

Раздался отчетливый скрежет. Каркаду расмеялся, подумав, что эксцентричный варварский князь сломал бронзовую статую. Но он ошибся.

Мраморные двери вздрогнули и стали открываться. Они не успели распахнуться полностью, когда варвар уже вбежал в дом, втащив за собой растерянного сообщника.

Взломщики юркнули в небольшую нишу, имевшуюся в стене коридора, и затаялись там. Мимо них тяжело протопали слуги-великаны. Их было всего двое, они не успели вооружиться и даже толком одеться, но и при таких обстоятельствах Конан не решился бы напасть на обоих сразу. Они были огромны. Их тела бугрились чудовищными по величине мускулами. Между собой слуги переговаривались на «дельфиньем» языке, правда, в это мгновение отрывистые звуки, клекот и щелканье никому не показалось бы музыкальными.

От нервного напряжения брюзжащая половина маркиза упала в обморок. В связи с этим Кар-



гаду почти прозрел. По крайней мере, к нему явилась ясность соображения.

«Ну и ну! — подумал он. — Перебудили весь дом! Сейчас сбегутся остальные громилы, нас найдут отличнейшим образом — и...»

Но этого не произошло. Прибежавшие на шум великаны застали только открывающиеся мраморные двери. Им не хватило ума сообразить, что непрошенные гости успели проникнуть в узкую щель. Слуги выскочили наружу, немного покричали там сердитыми голосами, затем вернулись, закрыли двери изнутри другим замаскированным рычагом.

Оба были рассержены, но так как врага извне они не обнаружили, то принялись ругаться между собой. Пощелкивания, взвизги и прочие звуки, которыми они обменивались, носили явно оскорбительный характер. Бранясь на сокровенном языке морских глубин, слуги удалились в свои комнаты, которые располагались весьма кстати на первом этаже. Это означало, что на втором взломщики, скорее всего, на великанов не наткнутся.

— Пошли, — уверенно молвил Конан.

Маркиз шествовал за ним следом и только диву давался — не далее, чем нынче вечером его приятель брел по этому коридору с видом скучающего бездельника, пресыщенного жизнью. Теперь же Конан ступал мягко, как барс. Движения его были точны, спокойны, и в то же время делалось ясно — в случае опасности он атакует стремительно и смертоносно.



«Впрочем, — размышлял Каркаду, — у них, на севере, принято воровать друг у друга скот и похищать женщин. Ему, наверное, не впервой забираться в чужой дом. Любопытные обычаи встречаются у некоторых народов».

Растущие из стен каменные цветы с резными лепестками — в прошлый раз маркиз принял их за старомодные архитектурные изыски — оказались светильниками. Они источали приглушенный зеленоватый свет без всякого явного присутствия огня.

— Проклятие! — сказал Каркаду вслух. — Эти штуки светятся, точно светляки, сами по себе!

— Некоторые глубинные твари тоже умеют светиться, — отвечал варвар. — В открытом море, когда вода спокойна и прозрачна, достаточно перегнуться через борт и посмотреть вниз. Не такое увидишь! Ты бывал в море?

— Только в бухте. И то чуть не погиб, — без удовольствия вспомнил Каркаду.

— Пираты? Морские чудовища?

— Хуже, друг мой. Меня укачало.

Киммериец пожал плечами. Его тоже удивляли повадки и особенности здешних аристократов. Не моргнув глазом, они могут ввязываться в опасные приключения, храбро сражаются — и могут упасть в обморок, если кто-нибудь поскребет ножом по тарелке. Эти люди напоминали ему дорогостоящих зингарских скакунов, которые дома в конюшне едят только пшеницу, сваренную в вине, а в походных условиях могут не есть вообще и пьют соленую воду из луж.



Друзья добрались до винтовой лестницы, ведущей на второй этаж, и стали подниматься по ней. Сердце в груди маркиза колотилось яростно и весело. Чтобы облегчить себе подъем, он захотел опереться о перила. Однако рука Каркаду взмахнула в пустоте. Маркиз потерял равновесие и, без сомнения, полетел бы вниз, если бы Конан не поймал его за пояс.

— Что ты делаешь? — прошептал варвар.

— Иллюзорные перила! — маркиз развел руками. — Вот это да!

— Сегодня вечером на этой лестнице вообще не было перил, — сказал Конан. — Разве ты не заметил?

— Заметил ли я перила? Ну, ты даешь... — Каркаду не знал, обидеться ему или рассмеяться.

Конан с неодобрением покачал головой.

Довольно скоро сообщники оказались в уже знакомой зале. Кресла, в которых сидели зрители удивительного представления, исчезли. Только волшебный ящик оставался на месте, тускло поблескивая полированной крышкой-дверью.

— Что дальше? — осведомился Каркаду.

— Мы зайдем в него, — Конан решительно направился к ящику.

— Вместе?

— Конечно, по очереди! — киммериец решил не раздражаться на приятеля, и это, признаться, давалось ему с трудом.

— Какое странное дерево, — проговорил маркиз, погладив пальцами гладкую боковую стенку. — Похоже на мореный дуб...



— Это и есть мореный дуб. Ящик поднят со дна моря, где пролежал не одну сотню лет, — сказал варвар.

— И при этом не сгнил?

— Обычный ящик, может, и сгнил бы. Но от этого просто разит колдовством, — нахмурившись, молвил киммериец. — Вообще-то я предпочитаю не связываться со всеми этими магическими штучками. Вреда от них куда больше, чем пользы. Но этот предмет, похоже, — единственная наша лазейка.

— Куда?

— Сейчас и узнаем, — невозмутимо ответил Конан и уже протянул руку, чтобы открыть ящик...

В это самое мгновение с потолка упал луч света. Маркизу показалось, что этот луч обладает тяжестью, — его ошарашило, будто ударом по голове.

НибILLA и Ликея приближались к ним с двух сторон. Глаза обеих воспитанниц госпожи Эвники мерцали, словно звезды, отраженные в морских волнах.

НибILLA поигрывала длинным хлыстом — он извивался в ее руках, словно хвост живой змеи. А Ликея чертила в воздухе замысловатые узоры клинками двух мечей странной формы — в виде акульих плавников.

Обе были обнажены, но их тела сейчас не показались бы соблазнительными даже самому распутному мужчине. Чешуя покрывала их с головы до пят. А между чешуйками то и дело выско-



вывались тонкие, гибкие отростки, словно ощущающие пространство вокруг.

— С нами дамы? — произнес маркиз. — Как мило!

Он побледнел. Тщательно причесанные и уложенные волосы на его голове встали дыбом от ужаса, но, как и подобает истинному аристократу, Каркаду пересиливал свой страх и издевался над опасностью.

— Лично я ничего не имею против некоторой легкомысленности ваших вечерних туалетов, супарни, но здесь адский сквозняк. Как бы вы не простили, — продолжал он.

— Замолчи, человечишка, — прошипела НибILLA.

— Вы успели выучить наш язык? — притворно изумился Каркаду.

НибILLA взмахнула кнутом. Между ней и маркизом еще оставалось значительное расстояние, но гибкое жало хлыста неожиданно вытянулось и обожгло нежную щеку маркиза.

Тот и глазом не моргнул.

— Сколько темперамента! — высказался он, трогая свою щеку кончиками пальцев. — Не каждому мужчине это нравится, миличка.

Следующий удар был нацелен ему прямо по глазам, но Каркаду уже успел приготовиться и увернулся с необычайной легкостью. Узкий клинок его меча мгновенно покинул ножны и блеснул в луче.

Хлыст намотался на оружие маркиза. Каркаду дернулся. НибILLA завизжала от ярости — хлыст



был вырван из ее руки. Маркиз ловко перехватил его за рукоять в воздухе.

— Некоторые считают, что бить женщин нехорошо, — сказал он. — Но что делать? Иногда приходится. К тому же, милочка, сдается мне, что вы не вполне женщина. Что же вы такое?

Нибила закатила глаза и испустила пронзительный визг, причем он становился все тоньше и тоньше, пока совсем не пропал из слуха. Но в голове Каркаду вспыхнул ослепительный фейерверк боли. Собравшись с силами, он хлестнул Нибиллу кнутом, причем кнут вновь вытянулся и обмотал лемурийку вокруг бедер. И сразу она исчезла.

Каркаду покачнулся, но устоял на ногах.

Тем временем Аликей, продолжая размахивать мечами, приближалась к Конану. Движения ее напоминали танец, который она демонстрировала гостям. Неожиданно внизу что-то заскрежетало, и из пола показались мерцающие клинки. Маркиз, стоявший за спиной варвара, отступил и вскрикнул:

— Проклятье! Это не иллюзия! Они настоящие! Я разорвал себе штаны! Они стоили кучу денег!

При этом из раны на ноге у него обильно текла кровь.

Конан внимательно следил за танцем Аликеи.

В какой-то момент он осознал, что совершает ошибку. Плавность движений лемурийки, прозрачный блеск ее глаз и отсветы на ее клинках погружали его в транс. Он словно впадал в оце-



пенение. Когда Аликей атакует, он не успеет отреагировать.

А она тем временем выбирала удобный момент, проскальзывая мимо клинков и лезвий, торчащих вокруг.

Сделав вид, что он по-прежнему поглощен ее танцем, варвар осторожно разглядывал пол. Он ухитрился рассчитать собственные движения так, чтобы пройти между оружия, и неожиданно для Аликеи атаковал ее сам. Удар его меча был столь стремителен, что, казалось, по залу пронесся ветер.

Аликей должна была упасть от этого удара замертво, разрубленная от плеча до пояса. Но упали, тускло звякнув, только ее мечи. Сама она исчезла бесследно.

Прыгая на одной ноге, маркиз доковылял до своего сообщника и ухватил его за руку, чтобы не упасть.

— Они не убиты, — сказал он. — Они просто сбежали. И могут явиться в любой момент, чтобы напасть на нас снова. Если ты не передумал забираться в этот демонский ящик, то теперь самое время.

— Ты прав, — согласился Конан.

Он вернулся к ящику, а в это самое мгновение мечи и ножи, возникшие из пола, стали прозрачными и спустя миг и вовсе растворились. Каркаду издал возглас удивления, после чего разразился проклятьями.

— Если это все-таки иллюзия, то кто объяснит моему камердинеру, отчего мои панталоны по-



стигла столь плачевная судьба? — воскликнул он. — Разве об иллюзию можно порвать штаны?

— Как видишь, — отозвался Конан. Его рука уже лежала на дверце ящика. Рывком распахнув ее, киммериец громко скрипнул зубами.

Скрестив на груди руки с перепонками между пальцев, внутри ящика стоял Нагир.

— Пришли за выигрышем? — бесстрастно осведомился он.

— Если ты умеешь читать мысли, то без труда узнаешь, для чего мы здесь, — грубо ответил варвар.

— Твоих мыслей, северянин, я читать не могу. Понимаешь ли, это ведь просто фокус. На самом деле я их не читаю, а вчушиаю. Моя хозяйка намекала об этом достаточно прозрачно. Но тебе я ничего не могу внушить. Наверное, потому, что у тебя слишком крепкий лоб.

— А мне — можешь? — спросил Каркаду не-приятным тоном.

Нагир презрительно усмехнулся:

— Тебе — тоже не могу. У тебя мозг как у канарейки...

— Выметайся оттуда, — оборвал его Конан. — Дай дорогу.

Нагир покачал головой.

— Для чего ты лезешь не в свое дело? — произнес он. — Тебе больше нечем заняться? Хозяйке ты не понравился. Сначала она обратила внимание на твою стать, но ты слишком уж норовистый. Сам все испортил. Если бы ты проломил на турнире череп этому мальчишке, был бы сейчас



на его месте. А он хороший! Потерял голову совершенно и будет служить госпоже до конца дней своих. Жаль, что люди так быстро умирают. Никто не может выдержать наслаждений. Люди странно устроены. Способны терпеть голод, холод, пытки, даже унижение... Но неумеренное блаженство их губит.

— Хватит болтать! — Конан начинал сердиться уже не на шутку. — Проваливай, иначе содержимое твоей головы будет очевидно любому желающему!

— Не горячись, — Нагир медленно моргнул. — Ты хоть знаешь, куда собираешься ворваться? Знаешь, что тебя ожидает?

— Тебе лучше бы посторониться, — сказал Каркаду.

Его томили скверные предчувствия. Мгновение назад он подумал: почему слуги-великаны до сих пор не сбежались на шум? И, словно в ответ на его мысли, с первого этажа донеслись низкие, угрожающие голоса.

Предоставив киммерийцу разбираться с не в меру болтливым чтецом чужих мыслей, маркиз доковылял до тяжелых дубовых дверей залы, закрыл их и запер изнутри на засов. Длительного штурма со стороны могучих слуг Эвники эти двери, конечно, не выдержат, но помогут выиграть время.

Тем временем варвар, потеряв остатки терпения, выругался и схватил Нагира за руку. На ощупь нальцы карлика оказались неприятно холодными и податливыми, словно принадлежали



мертвецу. Конан потянул Нагира на себя, но тот, ухмыльнувшись узким ртом, рванулся назад и... пропал. Конан выругался еще громче — его правая рука, по локоть исчезнувшая в черной пустоте, продолжала сжимать холодное, вырывающееся запястье Нагира, но варвар не видел этого.

Голоса слуг отчетливо раздавались уже прямо из-за дверей. Один из них даже попытался войти в залу и рассерженно затрещал на своем дельфинием наречии.

Каркаду поспешил обратно к ящику. Рана на его ноге оказалась неглубокой, и кровотечение уже почти унялось. Опасность — и по всему суждя, нешуточная — освежила его.

Он успел увидеть, как его приятель буквально запрыгнул внутрь ящика. Когда же маркиз подошел совсем близко, то обнаружил, что Конан и противный уродец — оба пропали. Каркаду немного помешкал, наблюдая, как сотрясаются от могучих ударов дубовые двери.

— Теперь-то уж поздно размышлять! — весело произнес маркиз и шагнул в ящик.

Темнота охватила его со всех сторон. Впереди, там, где должно было находиться деревянное дно ящика, шевелилось что-то живое и слышался шум, похожий на приглушенное завывание ветра. Каркаду шагнул вперед и вскрикнул от неожиданности. Под его ногами разверзлась пустота. Быстрый поток воздуха, поднимавшийся снизу, а также ощущение пугающей легкости подсказали ему, что он падает — проваливается на дно чрезвычайно глубокого колодца. «Прокля-



тье! — подумал он. — Меня опять укачивает!» Действительно, голова его закружилась, и он потерял сознание.

Когда Каркаду пришел в себя и открыл глаза, вокруг было светло и тихо. Высоко над ним шевелились ветви какого-то цветущего дерева.

— Чудно, — пробормотал маркиз. — Когда мы заходили в дом Эвники, была холодная дождливая ночь, а теперь — теплый, ясный день... Кажется, пташки поют...

Действительно, где-то неподалеку щебетали птицы.

— Вставай, — послышался ворчливый голос Конана, неприятно перебивая райскую симфонию птичьего пения. — Пропустишь самое интересное.

Слабо постанивая, Каркаду поднялся и принялся отряхивать свою щегольскую одежду.

— Удивительно! — бормотал он при этом. — Я вышел из дома во всем новом! Что я скажу моему камердинеру?

Неизвестно каким образом изящный наряд маркиза, сшитый у лучших портных Ианты, превратился в лохмотья, словно его обладателя волоком протащили через преисподнюю. Одевания варвара выглядели не лучшим образом. Впрочем, киммериец, в отличие от своего новоявленного друга, не склонен был переживать по подобному поводу. Он ждал, пока его товарищ окончательно не придет в себя.

Каркаду огляделся по сторонам.

— Занятное местечко, — молвил он. — Ума не



приложу, где мы теперь находимся! Я не видел ничего похожего поблизости от Ианты.

— Потому что мы сейчас далеко от Ианты, — кивнул Конан. — Очень далеко.

— Стало быть, госпожа Эвника все-таки настоящая колдунья! — Маркиз в восторге хлопнул себя по бедру. — Вот ведь демоница!

— Нет, — варвар покачал головой. — Она лемурийка. Ее волшебные умения сродни возможностям сильных жрецов. Не это сейчас интересно. Места, где мы сейчас находимся, нет ни на одной карте — в этом я убежден. Здесь ее настоящее обиталище, и оно как скрыто от нашего мира. Это и понятно — лемурийцы слишком отличаются от нас, чтобы жить рядом с нами. Неясно другое — для чего Эвника похищает людей?

Рассеянно слушая, Каркаду продолжал вертеть головой.

— Какое странное небо! — удивился он, взглянув наверх. — Посмотри! Оно не плоское, как у нас, а похоже на дно перевернутой чаши. И цвет...

В самом деле, небо напоминало купол, поднимающийся от непривычно близкого горизонта и смыкающийся в зените. Цвет его, поразивший впечатлительного маркиза, не очень подходил небесам.

— Это — море, — сказал Конан. — Над нами действительно перевернутая чаша. Очень большая. А надней и вокруг нее — море.

— Слишком много для одного вечера, — прошептал Каркаду и потер виски.



Конан решил запастись терпением. Он не был до конца уверен в своем спутнике и, конечно, считал его слишком изнеженным для опасных приключений.

Но маркиз Каркаду доблестно защитил достоинство своего аристократического сословия. Внезапно он усмехнулся и произнес легкомысленно-светским тоном:

— Ну что ж, по-моему, прогулка выйдет занимательной. И никто не упрекнет меня в том, что я не выезжаю дальше пригородов. В какую сторону мы идем?

Конан указал перед собой.

— Я вижу дорогу, мощенную камнем, — сказал он. — Она-то уж точно выведет нас куда-нибудь.

— А в какую сторону направимся?

— Бросим монетку, — предложил варвар. — Если упадет гербом, пойдем вправо. У тебя есть деньги?

— Ты хочешь, чтобы маркиз Каркаду носил при себе наличные? — хихикнул его товарищ. — Аристократы так не поступают!

— Кром великий! — проворчал варвар. — У меня тоже ни гроша. Ну и пес с ним. Пойдем направо!

Приятели так и поступили. То, что они видели по обе стороны дороги, напоминало тщательно ухоженный парк при дворце. Деревья экзотических пород почти все были подстрижены необычным образом. Птицы, поразившие своим пением маркиза, превосходили одна другую яркостью оперенья и сладковзвучием голоса. Полураз-



рушенные колонны, увитые цветущим плющом и бело-розовым вьюном, мраморные беседки, окруженные зарослями роз, статуи в виде юных воинов и обнаженных дев — всего этого, как показалось маркизу, было в избытке. Некоторые клумбы были вымощены крупными золотыми слитками, а другие — драгоценными камнями и жемчужинами. На зеленой лужайке, сверкая под лучами таинственного светила, высилась горка, сложенная из алмазов.

— С ума сойти! — сказал маркиз. — Хвастаться своим богатством так навязчиво и безвкусно может только бывшая куртизанка.

— Ничего! — отвечал на это варвар. — Если выпадет случай, мы несколько поубавим это кичливое самодовольство.

— Уж не собираешься ли ты опуститься до грабежа? — недоуменно осведомился Каркаду.

— Грабеж во время боевых действий не только допустим. Это весьма почтенное занятие, — отрезал киммериец. — Не забывай, что прихвости Эвники первыми напали на нас с оружием. Но грабежом мы займемся чуть позже. Нужно разведать, что случилось с Маримальтом. Тихо! — вдруг рявкнул он, перебивая сам себя. — К нам кто-то бежит!

Маркиз весь обратился в слух. Спустя мгновение до него донесся легкий топоток. Послышались восклицания. Судя по голосу, женщина, скрытая от глаз густыми зарослями шиповника, приближалась к путникам. Скоро она показалась.



Это была девушка лет девятнадцати, одетая в голубую прозрачную тунику. Она бежала с легкостью лани, напуганной неожиданным появлением охотников.

Завидев обоих, девушка испустила вскрик и замерла, разглядывая приятелей. Каркаду показалось, что она сейчас испугается и умчится прочь, но случилось иначе. Незнакомка бросилась к ним навстречу.

— Откуда вы? Как попали сюда? — спрашивала она и, не веря своим глазам, ощупывала ново-прибывших. — Ведь вы... из мира, где обычное небо, обычные деревья... Да? Да?

— Ты — тоже, — перебил ее варвар. — Сначала ответь, ты — пленница Эвники?

Слезы выступили на глазах девушки. Она кивнула и всплеснула руками.

— Да, я пленница, — сказала незнакомка. — Сначала я благословляла госпожу Эвнику, видела в ней свою спасительницу...

— Это интересно, — вставил слово маркиз. — Но прежде давайте присядем на травку. Вы запыхались, к тому же что-то вас сильно взволновало. Мы с другом никуда особо не спешили и выслушаем ваш рассказ со всем вниманием.

Произнося эту тираду, Каркаду поклонился вежливо и непринужденно. Его благородные манеры и произношение оказали на девушку успокаивающее действие. Она улыбнулась и взяла се-бя в руки.

Они с маркизом опустились прямо на обочину, поросшую шелковистой травой. Конан остал-



ся стоять. Глубокая заинтересованность проснулась в его синих, ледяных глазах.

— Я — Тана, — представилась девушка, — дочь барона Артегу из Аквилонии. Мой несчастный отец, я думаю, погиб во время этой ужасной бури. Она застала наш корабль в открытом море и превратила его в свою игрушку. Команда корабля много дней сражалась со штормом, который то обманчиво затихал, то вдруг принимался свирепствовать с новой силой. Многие моряки погибли, но с каждым днем, что нам удавалось удержаться на плаву, росла надежда на избавление от неминуемой смерти. Ведь не может же буря продолжаться бесконечно! Капитана смыло волной за борт, матросы растерялись... Кроме того, никто не знал, где мы находимся. Возможно, свирепый ураган унес нас туда, где еще никогда не ходили корабли.

И вот однажды кто-то из моряков закричал, что полоска неба над горизонтом очистилась от туч. Это означало, что буря близится к концу. Мы уже не сомневались в своем спасении, но неожиданно корабль налетел на скалу. Днище его лопнуло, он стал тонуть — стремительно, неудержимо...

Я оказалась в холодной воде. Слабые крики отчаяния раздавались вокруг, но быстро затихали. Меня захватило водоворотом, и скоро я была уже в самом центре ужасной воронки. У меня не оказалось сил, чтобы кричать... Да и зачем? Все равно никто не пришел бы на помощь. Холод пробирал до костей, страх сковал мое тело, и я



решила покориться судьбе. Последнее, что я помню, — как вода сомкнулась над моей головой.

Я стала проваливаться в самую толщу, задерживая дыхание и страдая от удушья. На глубине вода сдавила меня со всех сторон. От боли и страха я закричала, выпустив воздух из груди, и потеряла сознание.

А когда пришла в себя, то увидела, что надо мной склонилась красивая женщина. Она пытливо разглядывала меня. Оказалось, что я лежу на постели, в светлой хорошо убранной комнате, а за окном колышутся ветви дерева и шебечут птицы.

— Ты не умерла, глупышка, — сказала женщина. — Тебе удалось спастиесь. Богиня удачи любит тебя. Если бы поблизости от места крушения не оказалось никого из моих слуг, твое тело постепенно стало бы морской водой...

Ее голос звучал тепло, обволакивающе, но вот глаза... В них дремал холод, колючий и злой. В то мгновение я уговорила себя думать иначе. Мало ли что может показаться в полубреду.

Женщина называлась госпожой Эвникой.

— Где я нахожусь? — спросила я.

— В моем доме, — отвечала она.

— А где находится ваш дом?

— Ты задаешь слишком много вопросов для девушки, которая побывала в объятиях самой смерти, — сказала госпожа Эвника. — Название местности ни о чем тебе не напомнит. Ты никогда раньше не слыхала его, глупышка.

Может, я чересчур горда, но мне не нравится,



когда меня называют «глупышкой». От женщины пожилой я бы вынесла подобное обращение, но Эвника казалась не сильно старше меня.

— Скажите, госпожа, — обратилась я к ней твердо, — могу ли я надеяться когда-нибудь вернуться домой? Я безмерно благодарна вам за спасение, но мне бы не хотелось злоупотреблять вашим гостеприимством.

Госпожа Эвника рассмеялась.

— Во-первых, ты еще слишком слаба, — сказала она сквозь смех. — Во-вторых, у меня нет корабля, чтобы отправить тебя на родину. Так что тебе довольно долго придется жить здесь. А что до злоупотребления гостеприимством — так об этом не беспокойся. Я беру тебя под опеку. Ты не будешь нуждаться в пище и крови, у тебя будет красивая одежда и дорогие украшения. А за это ты будешь служить мне и развлекать меня. Не волнуйся, глупышка, я гораздо знатнее тебя. В должности фрейлины нет ничего зазорного.

«Что ж, — подумала я, — в конце концов, я ведь обязана ей жизнью».

Меня действительно снабдили одеждой и поселили в роскошно убранном помещении, в котором, кроме меня, обитали еще четырнадцать девушек. Все они оказались из разных частей света, и все давно смирились со своей участью. Так же, как и я, они в свое время едва не погибли в море и таинственным образом очутились здесь. Иные еще скучали по дому и просыпались в слезах — ускользающие видения родных мест посещали их во сне.



В чем же стояла наша общая участь? Естественная стыдливость с трудом позволяет мне говорить об этом. Время от времени некоторых из нас приглашают в опочивальню Эвники. Там нам приказывают обнажиться. Точно наложницы из серала, мы должны исполнять все прихоти этой женщины. Иногда она вынуждает нас ласкать ее постыдным образом, иногда же сама ласкает приставшую к ней пленницу. Если несчастная протестует, Эвника зовет своих слуг — безжалостных великанов, послушных ей во всем. Провинившуюся наказывают без пощады. Она может считать, что ей повезло, если ее просто высекут, привязав к колонне. Обычно бедняжку подвергают куда более мучительному истязанию. Бывает, что кого-нибудь из нас секут просто так, без вины. Эвнике нравится наблюдать за этим. Она страшно распаляется, становится просто ненасытной. Мне довелось дважды испытать на себе ее жестокие склонности. Не знаю, как я осталась в живых. Жгучий стыд и унижение ломают гораздо сильнее боли...

Позднее я узнала, что во владениях Эвники есть еще несколько таких же сералей. В одном из них живут несчастные, чья участь целиком сводится к боли. По капризу Эвники их мучают, часто — до смерти. В другом заключены пленницы, ублажающие слуг Эвники. Их судьба также плачевна. Грубая, слишком мощная плоть этих великанов причиняет им невероятные страдания. Они скоро умирают.

Так что мне еще повезло. А есть особый се-



раль — в нем содержатся девушки, предназначенные для гостей Эвники. Несколько раз в году она исчезает, иногда — надолго, и возвращается не одна. Возможно, она околдовывает мужчин. Ее пленники так и не понимают, что они в пленау. Остаток своей жизни они проводят, наслаждаясь яствами, питьем, ласками рабынь и самой госпожи Эвники... Их глаза делаются пустыми, тела истончаются, словно тени. Проходит десять-двенадцать дней — и вот уже из опочивален выносят мертвое тело, укрытое простыней.

— Так быстро? — усмехнулся Конан. — Неужели Эвника выбирает одних только хлюпиков?

— О нет, господин. Избранники Эвники вовсе не таковы. Дело в другом. Она потчует их особым напитком. Я много раз видела его действие... Отведав напитка, который цветом похож на молодое вино, обреченный чувствует в себе прилив мужских сил. Страстное желание охватывает его. Он приходит в исступление. Только в этом состоянии мужчина может доставить наслаждение госпоже Эвнике. Вожделение пленника нарастает с каждым часом. Через два дня он уже не покидает ложа, причем Эвника, отрываясь от его ласк, заменяет себя свежей наложницей из серала на время, потребное ей самой для отдыха... Ненасытная похоть между тем пожирает мужчину изнутри.

— А откуда Эвника берет столь дивный напиток? — поинтересовался маркиз.

Тана побледнела. Его голос задрожал.

— Неподалеку отсюда находится капище, по-

священное демонице по имени Атротида. Там стоит ее изваяние. Вряд ли человек мог изваять эту статую. Она прекрасна, но если долго смотреть на нее, Атротида становится пугающей. Лицо безупречной красоты словно искажается гримасой, слепые глаза статуи делаются злыми и страшными...

Однажды Эвника велела мне сопровождать ее в это капище. Я должна была нести на подносе золоченый сосуд, накрытый куском парчовой ткани. Госпожа приказала мне стоять у входа в капище, а сама принялась один за другим зажигать светильники, окружавшие статую. После этого она разделилась и подготовилась к исполнению какого-то обряда. Я успела разглядеть изваяние как следует. От страха меня трясло.

— Госпожа! — взмолилась я. — Вели наказать меня по своему усмотрению, только позволь уйти отсюда!

— Глупая девчонка! — рассердилась Эвника. — Тебе дадут триста розог, вымоченных в уксусе, раз тебе этого хочется. Но это случится позже. А сейчас ты замолчишь и будешь делать все, что я прикажу. Иначе тобой позабавятся мои слуги, все по очереди. Они будут брать тебя как женщину и как мальчика, пока твоё тело не лопнет. А после этого они же сварят тебя заживо и насытят свои утробы!

От ужаса я едва не лишилась сознания. Пока госпожа Эвника произносila свои страшные угрозы, Атротида изменила выражение лица. Прежде оно было бесстрастным, теперь же стало по-



хоже на лицо самой Эвники, такое же жестокое и сладострастное.

Госпожа Эвники отвернулась от меня и хлопнула в ладоши. Из полумрака выступила Нибилла — одна из ее воспитанниц, не принадлежащих к людскому роду. Это странное существо, как и мерзкие слуги Эвники, во всем послушно ее воле. Если бы не обожающий взгляд, устремленный на хозяйку, Нибиллу можно было принять за куклу, управляемую рычагами.

Нибилла заиграла на арфе. В любое другое время ее музыка показалась бы мне чарующе-прекрасной. Но в стенах капища, перед изваянием Атротиды, она довела меня до судорог.

Эвника затрепетала с головы до ног, словно ее проинтили насеквоздь, и стала танцевать. Она прижималась к статуе грудью, ласкала ее ноги, покрывала холодный камень поцелуями... Продолжалось это долго. Я думала, что никогда не закончится танец обезумевшей Эвники. И вдруг белый мрамор изваяния окрасился кровью. Алая полоса начиналась от уст Атротиды и бежала к ее ногам. Затем появилась другая — от каменно-го лона демоницы. Густая кровь закапала с мраморных сосков... Эвника подхватила сосуд с подносом и принялась собирать в него багряные капли. Когда сосуд заполнился доверху, госпожа запечатала его. Но статуя продолжала сочиться кровью. Тогда Эвника стала слизывать эту кровь языком. Нибилла присоединилась к ней. От этого зрелища меня затошнило, и я не сразу расслышала слова Эвники.

— Глухая дрянь! — рассердилась она. — Немедленно помоги нам. Не должно пропасть ни единой капли! Да не бойся, ничтожная девка, кровь Атротиды действует только на самцов.

Ослушаться Эвники было страшно, но еще страшнее оказалось подойти к изваянию и исполнить этот приказ... Эвника зарычала, как взбешенная тигрица:

— Ты получишь не триста, а шестьсот розог! — крикнула она. — Тысячу двести!

Понимая, что ей ничего не стоит увеличивать число ударов, сломленная страхом, я подчинилась... После этого меня секли три дня кряду, я теряла сознания от невыносимой боли, но слизывать кровь с изваяния оказалось куда ужаснее!..

Тана не выдержала и разрыдалась. Конан ощущал, как гнев заполняет все его существо. Давно он не испытывал подобного чувства. Тем временем Каркаду утешал девушку. Выплакавшись, она продолжала свой рассказ.

— Сегодня я решила бежать. Дело в том, что у Эвники — новый гость. Юноша редкой красоты, бесспорно — благородного происхождения. Сегодня Эвника направится в капище за новой порцией кровавого снадобья. И именно сегодня я должна буду прислуживать ей...

Здесь девушка глубоко вздохнула, собираясь с силами.

— Это превыше моих сил, — молвила она. — Я не смогу... Я совершу проступок, равный самоубийству, только что бы не принимать участия в этом ужасном обряде.



— Ты сказала, что пытались бежать, — перебил ее варвар.

— Да, господин, — отвечала Тана. — Нынче утром. Воспользовавшись временем, отпущенными на прогулку среди этого сада, я потихоньку ускользнула от взглядов наших сторожей и бросилась куда глаза глядели... Я полагала, что набреду на побережье, отыщу там временное пристанище и смогу дождаться проходящего мимо корабля, который бы подобрал меня и доставил поближе к дому. Клянусь, я была готова к самому худшему... Наверняка команда корабля захотела бы видеть меня общей игрушкой, безотказной наложницей...

— Полно вам! — Каркаду, покрасневший от смущения, нежно пожал ее руку. — Проклятая ведьма успела внушить вам неправильное отношение к мужчинам! Мир не состоит из грязных, похотливых самцов. Многие были бы рады помочь вам просто так, без стремления к непременному вознаграждению. Вот, к примеру, мы с моим другом, беремся вызволить вас из этого заколдованного места...

— Если бы это было возможно! — воскликнула Тана. — Но, увы! Я бежала без оглядки, спотыкалась, спешила, торопилась из последних сил... И — вот... — Тана откинула челку со лба и показала небольшую, но довольно заметную ссадину.

— Что это значит? — удивился маркиз.

— Она наткнулась на стену. Правильно? — Варвар усмехнулся.

— Да. Это была стена. Невидимая, твердая,



крепкая стена, в ней, словно в зеркале, отражалась дорога, по которой я пыталась убежать на побережье...

Девушка была потрясена случившимся. Она не верила, что двое незнакомцев, возникших из ниоткуда, помогут ей вырваться из кошмарного сна, в который превратилась ее жизнь.

— Что же мы предпримем? — поинтересовалася Каркаду, успевший, напротив, совершенно успокоиться и довериться судьбе.

— Меня беспокоит этот уродливый гаденыш Нагир, — киммериец брезгливо поморщился. — Я уж было совсем свернул ему шею, но в последний момент он вывернулся и исчез. Конечно, Эвнико давно знает о нашем появлении и где-то впереди нас ожидает засада.

— Хорошо бы ее обойти, — здраво рассудил Каркаду. — Но где бы она могла быть? Эвника, конечно, догадывается, что Тана пыталась бежать. Но может ли лемурийка знать, что мы повстречались с беглянкой? Если да, то, скорее всего, засада ждет нас у капища. Ведь Тана знает туда дорогу.

— Вы думаете, мне велели заманить вас в ловушку? — девушка едва снова не расплакалась. — Клянусь, такого нет в моих мыслях! Я не обманываю вас.

— В этом мы совершенно уверены, — успокоил ее маркиз. Это несчастное, напуганное существо вызвало в беспутном и крайне легкомысленном молодом человеке добрые чувства. Может быть, впервые за свою жизнь Каркаду захотел



взять на себя ответственность за кого-то другого. К тому же, что немаловажно, пленница Эвники была молода и красива чистой, незамутненной красотой.

«С ней Эвника промахнулась, как и с Конаном, — подумалось маркизу. — Какая же она рабыня? Тану можно замучить до смерти, но не сломать. Таких чистых созданий ничто не пачкает...»

Конан прервал его размышления:

— Но мы ведь должны еще и выручить Маримальта. Об этом Эвника догадывается наверняка. Ты знаешь, где его держат? — спросил киммериец у Таны.

— Да, господин, — отвечала она. — Сейчас он должен находиться в купальне. Это недалеко отсюда. — Тана махнула рукой, показывая направление.

— Мы разделимся, — решил варвар. — Я пойду искать рыцаря, а вы вдвоем найдете способ выбраться отсюда. В покоях Эвники должна быть особая комната, через которую она попадает в наш мир. Припомни, Тана, попадалось ли тебе что-либо в таком роде?

— В покоях Эвники много комнат, куда запрещают заглядывать пленницам, — отвечала Тана. — К тому же, они заперты на ключ.

— Тебе придется побывать взломщиком, — хмыкнул Конан, обращаясь к маркизу. — Не возражаешь?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Каркаду. — Никогда ведь не знаешь, какие умения могут пригодиться в высшем обществе.



\* \* \*

Рыцарь Маримальт недоумевал. Госпожа Эвника, подобная ускользающему видению, показалась перед ним всего на несколько мгновений. Она была прекрасна, как ожившая статуя работы древнего скульптора, и даже еще прекраснее.

— Потерпи, — сказала ему Эвника. — Потерпи еще немного. Сегодня — слышишь? — я буду твоей, а ты моим. Никто и ничто нам не помешает. Это случится совсем скоро.

— Что это за райский сад? — спросил Маримальт. — Это — твое обиталище? Кто ты, в таком случае? Гурия запада? Богиня востока? Крылатая дева из поднебесных сфер?

— Я — только лишь одинокая женщина, которая хочет любви, — отвечала Эвника. — Этот сад — уголок моей души, и только ты видишь сон обо мне, а я вижу сон о тебе. Все в мире — только сон...

Сказав так, Эвника удалилась. Служанки избавили рыцаря от одежды, пришедшей в негодность, и отвели в купальню. В бассейне ключом плескала прохладная, чистая вода. Веяло свежестью и негой. Маримальт совершил омовение, переоделся в принесенный хитон из мягкой, шелковистой шерсти. Ему подали вино и фрукты — он никогда не пробовал таких.

«Милые служанки у Эвники, — подумал он, разглядывая девушек, которые ухаживали за ним. — Красивые и хорошо вышколены. Сразу видно, что их хозяйка — женщина. Если бы эти



рабыни принадлежали мужчине, то привыкли бы пользоваться своими прелестями, забывая об обязанностях...»

Мысли Маримальта делались все более и более рассеянными. Он возлежал на мягкой тахте, слушал журчание воды и негромкую, плавную музыку, лившуюся, как казалось, прямо с небес.

— Хочет ли господин уладить свой взор танцем? — спросила одна из служанок. Она смотрела в пол, голос ее был тихим и безжизненным.

— Не бойся меня, — сказал Маримальт, взяв ее за подбородок. — Я — добный господин. Ты очень мне нравишься. И твои подруги хороши.

Служанка отступила на шаг и повторила:

— Не желает ли господин, чтобы мы танцевали для него?

— Что ж, танцуйте, — кивнул рыцарь. — Я посмотрю.

И служанки танцевали под призрачную музыку. Их тела постепенно обнажались, дразня мужское естество. Фигуры были безупречны, движения — легки... но чего-то не хватало Маримальту для полноты удовольствия. В робости и покорной вежливости рабынь сквозило что-то, что настораживало и даже удручало.

Маримальт был воспитан в духе подлинного аристократизма. Он не мог позволить, чтобы из-за его недовольства пострадали слуги, особенно — чужие, и поэтому старательно делал вид, что танец очень его занимает. Но в глубине души он оставался разочарованным.

«Может быть, — думал Маримальт, — я по-



просту привык, что все женщины от меня без ума? И в самом деле, герцогини и камеристки, жены сановных вельмож и простые рабыни в моем присутствии улыбаются и стреляют глазками совершенно одинаковым образом. А эти служанки, похоже, слишком сильно боятся своей хозяйки...»

В общем-то, рыцарь был даже уязвлен этим обстоятельством. Счастливая внешность, знатный род, воинская доблесть и богатство, а самое главное — молодость — все это сделало его дамским любимцем. Немудрено, что он избаловался и чувствовал себя неуютно, если вместо женского обожания встречал холодную отстраненность.

Однако вскорости он перестал думать об этом. Странные вещи происходили с ним. Маримальт словно погружался в сон, все его ощущения обволакивало ленивым покоем, близким к безразличию, в то время как внешне он продолжал бодрствовать. Ему показалось, что вокруг него колышутся зеленоватые морские волны, и далеко вверху пробегают солнечные блики...

Приблизительно в это самое время Конан сражался со слугой-великаном. Киммериец незамеченным прокрался почти к самой купальне и увидел Эвнику. Лемурейка беседовала с Нагиром. Уродец с виноватым видом стоял перед ней. Хозяйка подводного обиталища сердито выговаривала ему на языке глубин. Ее руки нервно теребили золотую цепочку, на которой покачивался шлифованный изумруд — тот самый, сквозь который она наблюдала за турниром.



Нагир, судя по всему, осмелился возразить своей госпоже, вставив в ее гневную речь короткое замечание, состоящее из щелканья и тоненького визга. Эвника пришла в ярость и залепила уродцу звонкую пощечину. Она дважды топнула ногой, а после запустила ему в голову изумрудом и ушла. Нагир, на глазах которого простили слезы, поклонился ей вслед и удалился в другую сторону. Изумруд остался лежать на траве.

Упускать такую возможность варвар не собирался. Конечно, по сравнению с тем, что можно было выкрасть из обиталища Эвники, особой ценности этот изумруд не представлял. Но особое чутье, развившееся у киммерийца за годы странствий и приключений, подсказывало: камень достоин внимания.

Выскользнув из-за колонны, варвар нагнулся, чтобы поднять изумруд, как вдруг... Из ниоткуда возникший слуга-великан обхватил Конана стальными ручищами и сжал, как удав сжимает свою добычу.

Он не спешил поднимать тревогу. Великан был абсолютно уверен, что справится с незваным гостем сам, без посторонней помощи. У него были все основания так полагать. Нечасто киммерийцу выпадала схватка с противником, превосходящим его по силе, — разве что это был какой-нибудь монстр или могущественный колдун.

Великан держал руки Конана так крепко, что у варвара не было возможности дотянуться до собственного меча. Конан напряг мышцы в попытке вырваться. На это его противник искри-



вил усмешкой свое уродливое лицо и только усилил хватку.

Варвару показалось, что он услышал, как затрещали его ребра. Зарычав от ярости, Конан сорвался с силами и воззвал к своему богу, великому Крому.

В то же мгновение на киммерийца снизошло вдохновение. Он использовал короткий миг, когда великан слегка наклонился к нему и со всей моши ударили противника головой в лицо.

Тот пошатнулся и от неожиданности разжал руки. Освободившись от смертельных объятий врага, Конан не мешкая выхватил меч и, подпрыгнув, снес великану голову.

— Как я мог не заметить этого верзилу? — недоумевал варвар, переводя дыхание. — Неужели великосветская жизнь так меня ослабила? Да уж, она явно не для меня!

Конан поднял изумруд и подбросил его на ладони.

— Сотня золотых, не больше, — оценил он. — Безделушка! Но мне приходилось рисковать собой и за меньшую сумму!

Варвар собирался уже спрятать камень за пазуху, но острое любопытство заставило киммерийца поднести изумруд к глазу и глянуть сквозь него на убитого великана.

— Кром! — воскликнул он. — Я и раньше мог догадаться!



\* \* \*

— Опочивальня Эвники вот здесь, — Тана показала на полукруглый грот, вход в который был украшен огромными переливающимися раковинами.

— Не укладывается в голове, — маркиз оглядывался по сторонам. — Здесь так красиво... и происходят такие гнусные вещи! Скажи мне, Тана, почему среди прочих пленниц ты не нашла себе подруги? Почему ты пыталась бежать одна?

Этот вопрос занимал его уже довольно давно, но он все никак не мог подобрать правильного момента, чтобы задать его.

Тана смущалась.

— Я пыталась, господин мой, но другие девушки были либо слишком сильно запуганы, либо вконец отчаялись. Если бы не эта страшная статуя в капище, возможно, и я не решилась бы на побег. Здесь плохое творится с людьми. Разум погружается в грезы, душа цепнеет... Неужели мы никогда не выберемся отсюда?

— Я думаю, мы непременно спасёмся, — сказал ей Каркаду. — Но для этого нам придется кое-что разузнать. Ты готова вторгнуться в покой Эвники?

Девушка колебалась. Пробираться в опочивальню таинственной и всесильной колдуньи — дело нешуточное. Но Тана впервые за много дней была не одинока. Рядом с ней оказался живой человек и к тому же — храбрый и приятный собой. Мысль о том, что маркиз пойдет в грот без нее и



она останется ждать в одиночестве, показалась ей страшнее всего. Без лишних колебаний Тана кивнула и решительно приблизилась к дверям, запертым на ключ.

Маркиз попытался взломать замок, орудуя в скважине острием меча. Усилия его успехом не увенчались.

— Вот что значит отсутствие опыта! — бормотал он. — Интересно, можно ли брать платные уроки воровского мастерства, и если да, — то у кого?

Тана с тревогой наблюдала за ним.

— Не получается! — признался он наконец. — Скверно, что у опочивальни нет окон. А как насчет дымохода? В спальне есть очаг?

— Нет, — уверенно произнесла Тана. — Да и зачем? Здесь ведь всегда тепло. Я не помню ни одного прохладного дня. Ой! — вдруг вскрикнула она шепотом. — Сюда идут! Прячемся, или мы погибли!

Вдвоем они скрылись за густым кустарником, образующим живую зеленую изгородь вокруг грота, и затаялись. Коралловый песок, которым была присыпана тропинка, заскрипел под чьими-то ногами. Скоро Каркаду увидел Нагира. Уродец с лицом прекрасного юноши явно был озабочен чем-то и бормотал про себя на лемурском наречии.

Подойдя к дверям вплотную, Нагир просто прикоснулся к замку скрюченной лягушачьей лапкой. Замок лязгнул, открываясь без посторонней помощи. Двери отворились.



Маркиз не стал терять времени. Бесшумно он выскочил из своего укрытия и на цыпочках вбежал в гrot следом за Нагиром. От неожиданности Тана только и успела, что ахнуть. Послышался звук крепкого удара и шум, произведенный рухнувшим телом. Миг спустя Каркаду показался из дверей. Он приглашающе махнул рукой. Зажмурившись от страха, девушка бросилась к нему.

Опочивальня представляла собой две комнаты, в одной имели место огромная кровать под шелковым балдахином, изящный туалетный столик, инкрустированный перламутром, многочисленные зеркала и хрустальный светильник, выполненный в виде плавающей под потолком медузы. Как и лампы в особняке Эвники, этот светился без огня — излучал голубоватое мерцание, не слишком яркое, как раз для спальни.

Вторая комната была сильно поменьше. Она предваряла собой собственно спальню и играла роль гардеробной или приемной. Там стояли красивая ширма старинной работы, два кресла и бронзовая курильница. Между креслами на полу лежал Нагир.

— Он мертв? — побелев, прошептала Тана.

— Не думаю, — маркиз пожал плечами. — Я только оглушил его рукояткой меча. По-моему, он дышит...

— Я его боюсь, — сказала девушка.

— Я тоже, — улыбнулся Каркаду в ответ. — Он же не человек. Он — лемур или лемуриец, как тебе угодно. Никто толком не знает, что он



может вытворить. Но ближайшее время этот говорящий тритон не сможет нам помешать. Мы должны обыскать комнату... Вот только знать бы еще, как выглядит то, что мы идем! — добавил он про себя.

В спальне Эвники не было ничего, напоминавшего колдовской шкаф, при помощи которого маркиз попал в подводные сады.

— Может быть, дело не в шкафу? — размышлял Каркаду, заглядывая под кровать. — Может быть, это как-то по-другому действует? Невероятно, чем приходится заниматься!

Испуганный вскрик Таны заставил его повернуться. Девушка показывала трясущейся рукой на Нагира, а тот, приядя в себя, сидел на полу и... хихикал.

— Что это значит? — гневно спросил Каркаду. — Ты смеешься над дворянином? Может быть, мне пустить в дело клинок?

— Я смеюсь, когда мне смешно, — молвил Нагир. — Я понял, что вы пытаетесь отыскать, и больше не смог притворяться оглушенным. Неужели все представители вашей расы так глупы?

— Я прекрасно могу обойтись и чужим умом! — маркиз подошел к Нагиру вплотную. — Сейчас я начну кромсать тебя на куски, и ты сам расскажешь, как нам выбраться отсюда!

— Остынь, юноша, — Нагир сохранял надменное спокойствие. — Можно обойтись и без глупых угроз. Я могу в любое мгновение позвать слуг, а ты даже не услышишь этого. В языке лемуров много звуков, недоступных человеческому



слуху. Они сбегутся сюда раньше, чем ты успеешь причинить мне вред.

— Ты лжешь! — усмехнулся Каркаду. — Почему же ты до сих пор этого не сделал? У тебя было время.

— Может быть, я не хочу ваших смертей? Может быть, я заинтересован в том, чтобы вы сами, без лишнего шума, убрались отсюда? — проговорил уродец, повысив голос. В глазах его вспыхнули огоньки, а в нелепой, исковерканной фигурке появилось необыкновенное достоинство.

— Откуда бы такая сердобольность? — язвительно осведомился Каркаду. — То ты вместе со своей хозяйкой похищаете людей и губите их жизни, то вдруг готовы отпустить на все четыре стороны?

— Что ты знаешь о моей хозяйке? Что ты знаешь о моем народе? — с горечью сказал Нагир. — Мы все обречены и в то же время живем здесь, на морском дне, вопреки стихии и всему существу. Вопреки столетиям, которые превращают в пыль человеческие тела. Мудрость великой расы, все прекрасное, что было в ней, воплотилось сейчас в госпоже Эвнике. Она живет не для себя, поверь. На ней тяжкое бремя — ответственность. Ей выпало на долю сохранить себя во что бы то ни стало, сберечь от смерти. Пока жива она — жива и надежда возродить Лемурию из небытия.

— О какой мудрости ты говоришь? — изумился маркиз. — Об умении устраивать кровавые оргии? О сладострастном наблюдении за пытками рабынь?



— Разве в твоем мире, юнец, это не практикуется? — Нагир перешел на крик. — Молчи и слушай, не раздражай меня глупыми речами! Эвника вынуждена похищать мужчин и упиваться их силой — в этом залог ее бессмертия. Неужели ты думаешь, что ради пустого удовольствия она стала...

— Да, как раз так я и думаю, — перебил его маркиз. — Именно. Я понял, почему ты хочешь избавиться от нас. Эвника не знает о нашем присутствии, так? Ты наврал ей, сказал, что убил нас там, в особняке, верно? Она положила глаз не только на Маримальта, но и на моего друга-северянина. Более чем уверен в этом. Однако тебе, верному рабу и тайному обожателю, больно даже думать об этом. Эвнике нужно насладиться Маримальтом? Что ж, это необходимое зло. Это ты вытерпишь. Но Конан надобен ей только как игрушка. Он возбуждает ее желание — в отличие от тебя...

— Замолчи! — Нагир сделался страшен. Еще немного — и он бросился бы на маркиза с голыми руками против меча, так велика была его ярость. — Замолчи! Ни слова больше! Я уже сказал, что выведу вас. Где твой приятель-варвар? Он тоже должен убираться, и чем скорее, тем лучше.

\* \* \*

— Князь? — Маримальт, завидев варвара, так удивился, что сонное оцепенение покинуло его.



Поразился он также и тому обстоятельству, что рабыни ни на мгновение не прервали своего танца. Они продолжали двигаться, как куклы-марионетки, и это вдруг стало раздражать рыцаря.

— О, боги! В каком вы виде, князь! — светским тоном произнес Маримальт, разглядывая неожиданного визитера. — Можно подумать, что вы сражались с десятком разбойников. Вы не ранены?

— Разбойник был всего один, — отозвался киммериец. — Но клянусь ледяной бородой Крома, он стоил сотни других. Я, как видите, прогуливаюсь в этих краях... и хочу спросить: не желаете ли составить мне компанию по пути домой?

— Вы полагаете, мне пора? — рыцарь нахмурился.

— Полагаю, да!

— А я полагаю, что могу решать за себя сам! — Маримальт по-прежнему произносил слова очень вежливым и даже доброжелательным тоном, но смысл этих слов оставался предельно ясен и нелицеприятен.

Конан не выдержал.

— Хватит! — оборвал он учтивую беседу. — Тебе угрожает смерть. Нужно уносить отсюда ноги подобру-поздорову! Ты угодил в ловушку. Тебя используют, как призового жеребца, а то, что от тебя останется, скормят рыбам.

Маримальт недоверчиво покачал головой.

— Почему я должен этому верить? — спросил он. — Если ты, северянин, ревнуешь к Эвнике, то

к чему эти уловки, эта явная ложь? Вызови меня на поединок, как и подобает благородному человеку. Незачем оскорблять женщину столь отвратительными подозрениями...

— Довольно, — Конан протянул рыцарю изумруд на цепочке. — Посмотри на танцовщиц сквозь этот камень. Увиденное убедит тебя лучше любых слов.

Маримальт не был в восторге от того, что какой-то слабоцивилизованный дикарский князек с севера дает ему советы.

Но правила хорошего тона взяли свое. Рыцарь приложил изумруд к правому глазу и нехотя взглянул на служанок, кружащихся в бесконечном танце.

Хриплый стон вырвался из его груди. Маримальт побелел, как полотно, и пошатнулся.

Утопленницы, полуистлевшие, объединенные рыбами, плясали перед ним. Обнаженные кости торчали из разложившейся плоти. Мертвые пустые глазницы сочились морской водой.

— Это колдовство! — простонал Маримальт. — Твой камень врет. Я не могу поверить...

— Посмотри на меня. Посмотри на себя. Если бы это была только уловка, изумрудискажал бы все без разбора. Ну? Взгляни же на меня через него! Что ты видишь?

— Где Эвника? — с болью в голосе спросил рыцарь.

— В капище Атротиды. Собирает ядовитое зелье для тебя, — ответил Конан, яростно щерясь. — Ну? Что ты скажешь теперь?



— Надо избавить мир от этой... гадины, — выговорил Маримальт. — Идем!

Перед тем, как маленький отряд разделился, киммериец подробно расспросил Тану о расположении строений в подводном саду чудес. Благодаря этой предусмотрительности он неплохо ориентировался во владениях Эвники. Вдвоем с рыцарем они передвигались тихо и быстро. До самого капища им никто не попался на глаза.

«Верный признак близкой засады!» — отметил про себя Конан. И он не ошибся.

У самого капища — приземистой округлой постройки, утонувшей в густых зарослях цветущего шиповника, — на них напали. Словно из воздуха материализовались двое слуг-великанов. Оба были вооружены длинными мечами с пилообразными клинками. Конан уже знал секрет их невидимости. Истинная наружность великанов, различимая сквозь изумруд, оказалась далека от человеческого образа. То были глубинные твари, покрытые колючими плавниками, с толстыми щупальцами и острыми тонкими зубами. Как и многие жители моря, эти чудовища умели искусно менять цвет и сливаться с окружающим.

Маримальт, оказавшийся без оружия, не колебался ни мгновения. Он бросился в бой, располагая только бесстрашием. Как ни странно, чудовища растерялись от такого натиска. Но, к несчастью, они быстро пришли в себя. Конан не успел еще вмешаться в битву, как рыцарь получил уже серьезную рану — меч великана пропорол ему бок. В следующее мгновение Конан успел вон-



зить свой клинок в грудь одного из отвратительных созданий. Черная кровь хлынула фонтаном.

Маримальт, зажимая левой рукой рану, другой прихватил меч убитого великана, и миг спустя они уже вдвоем атаковали оставшегося. Тот сражался отчаянно. Сила его ударов нарастила, словно он не ведал усталости. Испустив воинственное рычание, киммериец сделал глубокий выпад, но великан отразил его и сбил варвара с ног. Еще мгновение — и Конан был бы пригвожден к земле. Маримальт, движимый наитием, метнул лемурийский меч, будто копье. Пронзенный насквозь, обитатель черной глубины рухнул наизнечь.

Шатаясь от потери крови, Маримальт вошел под своды капища. Эвника, увидев его, закричала от ужаса и гнева.

— Кто звал тебя сюда, глупец! Ты все испортил! — визжала она.

Нибilla, сжимая арфу, отступила в тень и затаялась.

— Ты права, я глупец! — горько молвил рыцарь. — Как я мог поверить тебе? Меня ослепила твоя красота. Я добровольно расстался бы с жизнью, если бы ты только попросила.

— Что же изменилось? — Эвника высокомерно посмотрела на юношу, истекающего кровью. — Моя красота осталась при мне. Я прошу тебя пожертвовать собой во имя этой красоты. Что же ты? Не хочешь?

— Ты невысокого мнения о людях, лемурийка, — произнес Конан, входя в капище. — В этом



твоя главная ошибка. Люди несовершены, неумны, испорчены всяческими пороками... Но самый слабый из них — сильнее тебя, пока у него осталось желание бороться.

Нибила первой поняла, что задумал киммериец. С воплем она бросилась на него. Упавшая арфа зазвенела лопнувшими струнами. Невесть откуда показались в руках Нибиллы смертоносные бичи. Еще мгновение — и они оплелись вокруг ноги варвара...

Но тот не терял времени. Подскочив к изваянию Атротиды, Конан рывком сбросил его с пьедестала. Статуя обрушилась на Нибиллу, раздавив ее, и лопнула, раскололась на части. Обломки стали сочиться кровью. Эвника пала на колени перед поверженным идолом и принялась жадно, торопливо слизывать эту кровь. На обоих мужчин она даже не смотрела.

\* \* \*

Силы оставили Маримальта, и Конану пришлось нести его на руках. Варвар чувствовал: необходимо торопиться. Что-то нарушилось в подводных владениях Эвники. Почва под ногами то и дело начинала ходить ходуном, а прозрачный купол, заменяющий небо, отчетливо содрогался.

Киммериец не имел ни малейшего представления о том, куда идти и где искать Каркаду с девушкой.

За это время многое могло уже измениться. На всякий случай он со своим раненым спутни-



ком поспешил в сторону хозяйкиной опочивальни. Если Каркаду и ушел оттуда, то вряд ли успел отойти далеко.

К великому счастью, маркиз и Тана быстро их нашли.

— Пора, князь! — заявил маркиз. — В двух шагах отсюда есть беседка, из которой мы перенесемся обратно в особняк.

— Как вы догадались о ее свойствах? — спросил Конан.

— Нам помог Нагир. О, тут целая драма! Я расскажу в подробностях, но не теперь. Вот, кстати, и он.

Уродец отнюдь не пришел в восторг, увидев бесчувственного рыцаря на руках у Конана.

— Этот должен остаться! — объявил он. — Иначе я позову стражу, и вы все погибнете!

— Он больше не нужен твоей хозяйке, — сообщил варвар не без злорадства. — Ей не до него. И тебе скоро, очень скоро, тоже будет не до нас.

— Что все это значит? — Нагир оскалился. — Госпожа жива? Вы ничего ей не сделали?

— Ее никто и пальцем не тронул.

— Пропадите вы пропадом! — Нагир в нетерпении махнул рукой. — Становитесь в беседку, в самый центр, и возьмитесь за руки. Больше ничего делать не нужно. А знаете... если когда-нибудь у меня появится такая возможность, я убью вас. Всех, по очереди. Убирайтесь!

Уродец бросился бежать по направлению к капищу. Подземный толчок едва не сбил его с ног. Прозрачный купол явственно потрескивал, слов-



но устал сдерживать тяжесть невероятной толщи морской воды.

— Пожалуй, он действительно любит свою госпожу, — задумчиво молвил Каркаду, глядя ему вслед. — Ах, какая трогательная и ужасная драма!

— Прежде чем мы вернемся обратно, нужно рассеять последние сомнения, — тяжко уронил Конан, поглядывая на Тану.

Девушка, не понимая ничего, смущенно улыбалась.

— Ты о чем? — не понял маркиз.

— Тана нравится тебе? Ты ведь увлечен ею как женщиной? — прямо спросил варвар.

— Ну, у нас не принято обсуждать подобные вопросы столь откровенно, однако признаюсь — ты прав, — ответил Каркаду и взял девушку за руку. — Если бы она согласилась, я женился бы на ней. Тана красива, отважна, умна, аристократична и будет благодарна мне — своему изысканному спасителю. Ведь правда, Тана?

— Значит, ты и должен это сделать, — оборвал его Конан.

— Что именно?

— Посмотри на нее сквозь этот камень. Быстро. Что ты видишь?

— Красивую, отважную, аристократичную... э... умную девушку, — ответил Каркаду. — Можешь посмотреть сам. Эта девушка, честное слово, просто очаровательна. Но зеленое ей не слишком идет. Думаю, мой портной в Ианте смог бы...

— Вот и прекрасно, — оборвал Конан и вздохнул с нескрываемым облегчением.



\* \* \*

После того, как все четверо исчезли из беседки, тяжкий удар сотряс подводные сады госпожи Эвники и прокатился по всему дворцу наслаждений. Купол покрылся сетью извилистых трещин, и соленая морская вода хлынула со всех сторон, уничтожая призрачное великолепие. Все погибло без следа. Что стало с Эвникой, Нагиром, с бесчетными сокровищами Лемурии — об этом знают только зеленые морские волны и глубоководные рыбы. Но рыбы молчаливы, а язык волн понимают только менестрели. Кто станет прислушиваться к ним, кто примет всерьез их поэтические рассказни? Они вечно все приукрашают.

Маримальт оправился от раны. Он по-прежнему самый красивый рыцарь в Ианте, но после случившегося уже не злоупотребляет вниманием со стороны дам. Теперь он тих, задумчив и, поговаривают, дал обет целомудрия. Каркаду никаких обетов не давал. Он и вправду женился на Тане и теперь редко по вечерам выходит из дома, предпочтая развлечениям семейный очаг и трех маленьких, чрезвычайно шумных и бойких Каркаду.

А Конан? Конан-варвар покинул Ианту и устремился навстречу новым приключениям. Придет время — и вы узнаете о них.

\* \* \*

— Изумруд, который показывает истинную природу людей и предметов? — недоверчиво про-



говорила Зонара, вертя в быстрых загорелых пальцах добычу Конана. — И это все? Боги, как же ты глуп, киммериец!

И уставилась на него сквозь камень большим, любопытным, ярко-зеленым глазом.



## Корни радуги



Город Шадизар, Замора.  
Начало зимы 1264 года  
по основанию Аквилонии.



езжаешь, значит?  
С утра Ши Шелам повторил эту не-  
мудрящую фразу уже в сотый или  
тысячный раз. Звучала она не во-  
просом, а утверждением, и ответа не  
требовала. Кроме того, на прощаль-  
ной вечеринке, завершившейся на рассвете, во-  
ришка изрядно перебрал и теперь видел жизнь  
исключительно в черных красках.

— Все разбежались, — заплетающимся языком  
твердил он всю дорогу от таверны «Пещера де-  
мона» до Изразцовых Ворот славного города Ша-  
дизара. — Поразъехались кто куда, бросили меня  
совсем одного... Мерзавцы вы и предатели, вот  
кто!



Высказавшись, Ши ненадолго замолчал. Догадался, что приятеля не переубедить. Поступок Конана, впрочем, был не лишен эдакого варварского здравомыслия. Город Воров в последнее время подрастирал часть исконной гостеприимности, за что следовало благодарить исключительно месьора Верховного Дознавателя вкупе с его подчиненными. Сам Ши предполагал исчезнуть с недремлющих глаз Сыскной Когорты хотя бы до наступления весны. Он уже и подходящее местечко присмотрел, и с владельцем дома договорился.

Скучноватая выдастся зима, но зачем искушать судьбу?

Даже Малыш смекнул, что к чему, однако решил действовать по-иному. В его варварской душе, видите ли, завелась — подобно тараканам в неприбранном доме — неодолимая тяга к странствиям.

Осуществить задуманное оказалось довольно просто. Сунуть помощнику содержателя большого постоянного двора мешочек с серебряными талерами, тот за кружкой «Старой винодельни» пыхлопочет за одного своего дальнего знакомого перед нужными людьми...

Через седмицу дело сладилось. Хозяин большого каравана, шедшего из Керкиры, столицы соседней Коринфии, в богатый Хоарезм на побережье Вилайета, как раз подыскивал желающих подзаработать охраной перевозимых товаров. Караванщик рассуждал здраво: на пути к границе Турана еще встретится Аренджун и с десяток го-

родков поменьше, кто-нибудь из охранников непременно удерет или валинет в историю, так не лучше ли заранее нанять десяток лишних стражников? Расходы невелики, выгода очевидна.

Должно быть, Конан произвел на будущего работодателя двоякое впечатление. На первый взгляд — юнец юнцом, наверняка с трудом усвоил, с какой стороны у меча рукоять, а с какой лезвие. С другой стороны, если верить байкам про жителей Полуночи, не сбежит на первой же стоянке и будет честно отрабатывать полученное жалование...

Второе соображение победило. Теперь Конаншел к назначенному месту сбора, с любопытством загадывая — что ожидает его в ближайшем будущем? Ши изображал плакальщика на похоронах и громогласно рассуждал о множестве подстерегающих караван опасностей.

— Да уймись ты, в конце концов! — не выдержал киммериец. — Через две, от силы через три луны я вернусь. Иначе ты пропадешь без присмотра. Будешь путаться с кем надо и не надо, проигрываешься варызг, с горя напьешься, начнешь буйнить и загремишь в Алронг, верно?

Ответом на подобную заботливость послужил неприличный жест.

— Сам не валини, — огрызнулся воришка. — А коли валинешь, постарайся хотя бы сохранить голову на плечах и остальное, что к ней прилагается. Я ведь с самого начала предупреждал — это плохая затея!

«Ты как раз вовсю твердил — поезжай, поез-



жай, и даже не раздумывай», — мысленно возразил Конан, но препираться не захотел. Настроение не то.

Молодые люди свернули налево и оказались на площади перед Изразцовыми Вратами, переполненной озабоченно суетящимися погонщиками верблюдов, блюстителями из Таможенной управы, вездесущими уличными торговцами, пронзительно нахваливающими свой залежалый товар, и собственно верблюдами, меланхолично взиравшими сверху вниз на людское копошение и размеренно пережевывающими нескончаемую жвачку. Казалось, население целого шадизарского квартала вдруг решило тронуться в путь, прихватив домочадцев, отпрысков, знакомых и друзей.

Конан и Ши Шелам постояли немного, взирая на пеструю круговерть. Варвар искал в толпе старшину караванной стражи, дабы известить того о своем появлении, воришко соображал, чего бы сказать на прощание. Ничего толкового Ши не придумал, потому что отвлекся, заметив быстро промелькнувшее полузнакомое лицо и крайне им заинтересовавшись.

— Смотри-ка, кто с вами поедет, — он настойчиво подергал приятеля за рукав новехонькой, на днях купленной куртки. — Да не туда, налево от крыльца Таможенной управы! Бишаринские верблюды под синими попонами, и большая крытая повозка с гербом, запряженная воловьей четверкой.

Повозку, украшенную изображением силуэта



некоей хищной птицы на зеленом щите, варвар углядел безошибочно, а в верблюжьих породах не слишком разбирался. Ясно только, что владелец животных и возка — человек богатый.

— Вечно забываю, что ты еще не запомнил лиц тех, кого во всей Заморе безошибочно узнают за два десятка шагов, — хмыкнул Ши и, не дожидаясь расспросов, объяснил: — Это Гельге Кофиец. Кто он такой?.. Счастливчик и любимчик удачи. Тот, кто умудряется всегда находить корни радуги и выкапывает оттуда ба-альшой горшок с золотом. Человек, у которого нюх на выгодные сделки и который знает о торговле в наших краях все. Гельге заправляет Торговой Гильдией Заморы и отчего-то не стремится к большему, хотя давно бы мог плонуть на нас, перебраться в блестательный Агралур и занимать там не последнее место при дворе правителя. Хочешь добрый совет? — воришко прищурился. — Пока будете ехать, постарайся вовремя попасться ему на глаза или оказать какую полезную услугу.

— Делать мне больше нечего, — небрежно отмахнулся киммериец, наконец-то заприметивший главу охранников. — Ладно, Ши. Счастливо оставаться.

— Знакомство с подобными людьми еще никому не повредило, — стоял на своем Ши, но быстро понял, что его не слушают. Приятель, увлеченный начинающимся путешествием, уже выкинул из головы любые наставления и предостережения. Не имело никакого смысла и дальше болтаться у него под ногами.



Поэтому Ши Шелам незаметно удалился, перемахнул ближайший забор и вскарабкался на покатую крышу приземистого сарайчика. Он просидел там, немелодично посвистывая, почти колокол, и своими глазами убедился, что караван благополучно покинул веселый Шадизар.

Вместе с ним уехал и Малыш.

Впрочем, какой он теперь, к демонам, Малыш? Кто теперь вспомнит замученного, опасливо косящегося по сторонам подростка, нынешней весной притаившегося в Столицу Воров? Мальчишка стал чрезмерно самоуверен, особенно когда к нему в руки угодила довольно кругленькая сумма золотых монет. Треть ее немедля растратили на дружеские вечеринки, веселых девиц, игру в кости, раздачу долгов и новое жилье, остальное пошло на снаряжение варвара в дальнюю дорогу. Добротная одежда, теплый, подбитый волчьим мехом плащ — будет далеко не лишним на ночевке в степи, учитывая, что зима не за горами. Сапоги, оружие... Новый меч киммериец выбирал сам, раз пять обойдя Оружейные ряды и доведя половину торговцев до тихого помешательства. В конце концов выбор пал на очень неплохой полуторный клинок нордхеймской ковки. Хвостиком таскавшийся следом Ши торговался до хрипоты, но купчина, подметив, как азартно заблестели глаза у долговязого варвара, был неумолим — разве что удалось получить за полцены удобные ножны из красного дерева, приспособленные для ношения за спиной.

По совету почтеннейшего Шетаси уль-Айяза,



бывшего письмоводителя и Наставника в Сыскной Когорте, и невзирая на громкие возражения Конана, с некоторых пор недолюбливавшего лошадей, приобрели даже коня — гнедого бритунийской породы, спокойного и выносливого.

— С него и ребенок не упадет, — заверил прядавец, и недоуменно покосился на подавившегося смешком Ши.

\* \* \*

Жеребец носил чуть легкомысленное прозвание Бьюри, то есть Вереск, и, как доподлинно выяснилось, не скрывал под напускным равнодушием ни злобности нрава, ни пристрастия к пакостным выходкам. Рысил, деловито пофыркивая, по песчаной обочине, не возражал против пробежек вдоль растянувшегося на три или четыре перестрела каравана, и с удовольствием галопировал по степи, когда приходила очередь Конана проверить дорогу впереди.

Путешественники благополучно добрались до Аренджуна, отдаленного от Шадизара двадцатью лигами пути, пробыли там день, обзаведясь новыми попутчиками, и неспешно двинулись дальше, на Полуночный Восход. Спустя еще пару дней обоз миновал захолустный пограничный городок Дэлирам, и вокруг потянулись к выцветшему голубому небу невысокие холмы — отроги Кезанкийских гор.

Проводники утверждали: теперь до самой переправы через реку Хелиль будут только непри-



ветливые скалы, которые потом сменятся засушливой туранской полупустыней с редкими поселениями. За Хелилем земля более плодородна, и, если не обращать внимания на чрезмерную жадность сборщиков налогов, ехать через тамошние края — одно удовольствие. Два дневных перегона, и на горизонте покажутся стены Акита, конца пути.

Там господин ир'Аледаш, представитель торгового дома «Тагдиле и Наследники», рассчитается с наемными работниками — охраной, погонщиками животных, проводниками.

Конан предполагал ненадолго задержаться в Аките: оглядеться по сторонам, узнать, на что похож этот город и чем отличается от Шадизара, а после вернуться обратно...

Небо затянула серая хмарь, слишком тонкая для того, чтобы пролиться нечастым в здешних краях дождем, однако полдень немедленно превратился в некое подобие ранних сумерек. Зимнее солнце просвечивало в разрывах облаков тусклой серебряной монеткой. Тишина, нарушаемая лишь редкими окриками погонщиков да глухим перестуком конских копыт, и однообразность пейзажа действовали на людей подобно солнечному снадобью.

Ир'Аледаша, клевавшего носом в седле в середине растянувшегося каравана, нагнал всадник на мощном вороном жеребце — грузный, средних лет мужчина с пышной раздвоенной бородой и пронзительным взглядом маслянисто-черных глаз, одетый по огирской моде в просторную тем-

но-фиолетовую тунику и бархатный плащ того же цвета с богатым золотым шитьем.

— Да продлятся бесконечно твои дни, почтеннейший, — негромко сказал чернобородый, поправившись с караванщиком. — И приумножатся богатства в твоих сундуках.

— О... благодарю, досточтимый Гельге, — спросонья чуть нервно ответствовал купец. — Чего желаешь мне, пусть тебе воздастся вдвое.

— Мы с тобой не впервые едем этой дорогой, — продолжал бородач. — Ну и унылые края, а? Всякий раз проклятые пески нагоняют на меня ужасную тоску. К тому же, болтают, последние несколько седмиц здесь небезопасно.

— Пески как пески, — равнодушно пожал плечами ир'Аледаш. — Когда полжизни проведешь в повозке или покачиваясь меж верблюжьих горбов, начнешь скучать и посреди базара в Аренджуне. Что же до опасности... Полагаю, ты имеешь в виду Мерцающее Облако?

— Его самого, — Гельге задумчиво оглядел свою ухоженную бороду. — Две луны тому Каххан Длиннорукий со своими конниками прижал его шайку на перевале Арреат и изрядно потрепал, вот он с горя и подался в Пустопии. Но мерзавец все еще силен. По слухам, у него полсотни сабель или около того. Тебе ведь доводилось встречаться с Облаком, не так ли?

Туранец покачал головой в знак согласия.

— И не раз, — сказал он. — Еще там, на Арреате, где он сидел, сытый и довольный, как насосавшийся клещ, взимая с караванщиков мзду.



Мерцающее Облако умен, его шакалы не вырезали караваны начисто, как поступают иные банды. Обычно они просто появляются из-за поворота, загораживают путь и требуют дани — треть стоимости груза. Отдашь добром — не тронут. С теми, кто пытается вступить в спор, а наихаче — в драку, Облако расправляет самым жестоким образом.

— Ты до сих пор жив. Значит, платил ему, — усмехнулся Гельге.

— А что делать? На Арреате Мерцающее Облако держал две сотни конников! Кстати, наглость его и сгубила. Государь Илдиз, да не заходит в его владениях солнце, обеспокоился слухами о некоем благородном разбойнике, который, мол, честным купцам дает вести торговлю, бедным раздает деньги, а кровопийц и сквалыг наказывает со всей суворостью. Вдобавок Мерцающее Облако заимел скверную привычку разъезжать с десятком телохранителей по окрестным селам и разбрасывать горстями серебро, тем самым развращая умы простецов и сея смуту...

— Но если судьбе вздумается свести вас снова? — напирал Гельге. — Ты, я знаю, нанял хорошую охрану, а людей у него, наоборот, поубавилось. Хватит ли у тебя смелости отомстить Облаку за прошлые страхи?

— Хватит, — без малейшего колебания отрезал караванщик.

Гельге откинулся в своем вышитом, с высокой спинкой седле и заурчал, как сытый кот. Масляные глазки его при этом превратились в блестя-

щие щелочки. Ир'Аледаш взглянул на купца с недоумением, которое вмиг сменилось раздражением, как только караванщик понял, что Гельге смеется.

— Что забавного открылось тебе в моих словах, почтеннейший? — холодно осведомился турланец.

Вместо ответа Гельге резко оборвал смех и вытянул руку с пухлыми, унизанными перстнями пальцами, указывая куда-то в сторону.

— Такой скучный день! — воскликнул он. — Давай немного развлечемся. Посмотри-ка, видишь длинного нордхеймца, который выглядит так, будто впервые забрался верхом на коня? Кажется, он присоединился к вам в Шадизаре? Прoverим, у кого из нас лучшее чутье на людей! Что ты можешь сказать по его виду?

— Ты прав, — неохотно признался ир'Аледаш, — я о нем почти ничего не знаю, его нанимал Септах, старшина воинов... Намекаешь, что среди моих людей могут оказаться предатели?

— О нет, что ты! — замахал руками Гельге. — Я просто предлагаю... небольшое состязание. Так можешь ли ты, опытный торговец, проведший полжизни в седле, поведать что-нибудь любопытное о сем молодом человеке?

— Родом с Полуночи, — начал караванщик довольно уверенно, — вряд ли старше двадцати лет от роду... В караване не впервые, но охраняет груз самое большее второй раз, если вообще не первый — слишком часто оглядывается на тех, кто поопытнее. Снаряжение с одеждой — новые,



добротные. Значит, недавно заработал приличные деньги, но не торговлей и не ремеслом, это точно. Украл или выиграл в кости. С виду неотесан, но верен и храбр, да и силушки на двоих...

Паузы в речи караванщика становились все продолжительнее. Гельге внимательно слушал, прикрыв глаза, а даже не подозревающий, что стал предметом самого дотошного рассмотрения Конан спокойно восседал в седле, оглядываясь по сторонам. В эти края он и впрямь попал впервые, оттого желтоватые, источенные ветром нагромождения каменных глыб, серые морщины песчаных наносов и бегающие по ним маленькие смерчики, «пыльные демоны», вызывали у него живейший интерес.

— Вот, пожалуй, и все, — закончил ир'Аледаш. — Теперь твоя очередь.

— Ты выиграл, — печально признал Гельге. — Мне нечего добавить,уважаемый. Вот, выпей прекрасного вина с моих виноградников — лучшего не отведаешь и в самых богатых домах Офира, клянусь сладкими бедрами Дэркето Неутомимой!

— Но в нашей игре ведь крылся некий смысл? — настаивал турец, принимая из рук чернобородого небольшую флягу.

— Я лишний раз убедился, что ты проницателен, как сфинкс, и глаз твой острее ястребиного, — разглагольствовал Кофиец, в зрачках коего зажегся странный упорный огонек. — Как иначе ты мог бы всякий раз проходить Арреат, не платя ни сикля Мерцающему Облаку?



Ир'Аледаш поперхнулся глотком вина и едва не уронил флягу, которую Гельге ловко подхватил.

— Во имя неба, о чём ты?

— Тише, вокруг много чужих ушей, — медовыем голосом предупредил Гельге. — Ты прекрасно рассыпал, о чём я говорю. Или мне, ничтожному, придется тратить твое драгоценное время, рассказывая, как ты снабжал бандитов провизией, а взамен увозил награбленное добро, дабы сбыть потом в лавках шадизарской Ночной Пустотши? А заодно предупреждал Мерцающее Облако о готовящихся облавах? И щедро угощал его дурманным порошком, до которого мерзавец весьма охоч? Или как сдал его шайку сотнику Каххану, поскольку возомнивший о себе Облако сделался бесполезен и назойлив?

Караванщик усилием воли сдержал бившую его дрожь. Гельге, заметив крупную испарину, пропустившую на лбу торговца, утробно рассмеялся и ободряюще хлопнул турца по спине — всякий, не слышавший разговора, подумал бы, что видит мирную беседу двух друзей.

— Сколько ты хочешь? — прошептал ир'Аледаш.

— Ну-ну, что ты, о чём ты говоришь, досточтимый! Я, Гельге Кофиец, Нашедший Корни Радуги, стану вымогать у тебя какое-то презренное золотишко? Опомнись!

Гельге наклонился поближе к ир'Аледашу:

— Кстати, как поживает Стаким Книжник? Правда, хорошо, что у него достало мудрости от-



дать просимое? Бедняга не пережил бы, если бы подонки, которых ты прислал, изуродовали его красавицу-дочь...

— ... как ты узнал?

— Но Стахим остался при своей ненаглядной дочурке, и та вскоре благополучно выйдет замуж, а я получу книгу, бесценный древний фолиант, вырванный тобой у бедняги Книжника. Ведь так?

— Всадники! — донесся вопль из головы карavana. Гнусаво взвыли сигнальные рога, и хриплый голос старшины воинов проревел:

— Разбойники! К бою, стоять насмерть!

\* \* \*

Главарь шайки промышлял на торговых путях давно и дело свое знал тую. Место для нападения он выбрал исключительно грамотно — караван, растянувшийся едва не на три перелета стрелы, только подходил к выходу из ложбины меж двумя длинными каменистыми грядами. Теперь лучники нападающих, по счастью немногочисленные, могли сверху осыпать смертоносной сталью тех, кто укрылся за телегами; а с головы каравана волящей лавиной хлынули всадники на низкорослых и вертких хауранских конях, одетые, подобно кочевникам-степнякам, в разевающиеся халаты и мохнатые шапки из лисьих хвостов. Проносясь по обочинам дороги мимо неподвижно застывших подвод, они на скаку срубали тех, кто пытался оказывать сопротивление.



Однако охрана оказалась на высоте, и Септах доказал, что ест свой хлеб не зря. Еще на первой стоянке после выхода из Изразцовых Врат каждый, способный держать оружие, получил надлежащие указания и четко представлял свое место и свои действия как раз на случай такого вот внезапного налета. Некоторые воины заранее надели легкие кольчуги, теперь сослужившие им добрую службу. Та часть охранников, что чувствовали себя в седле увереннее, чем на твердой земле, вступила с налетчиками в стремительный встречный бой. Не успели отзнучать первые команды, как уже захлопали арбалеты, извлеченные возницами из-под попон — теперь и вражеские стрелки начали нести потери.

Продвинувшись не далее середины «эмей», состоящей из повозок и крытых фургонов, разбойничья лавина стала распадаться на водовороты отдельных поединков, как конных, так и в пешем строю.

Конан, ввиду явной своей неспособности драться в седле — даже меч его, прямой и тяжелый, никак не предназначался для конной сечи — едва закипел бой, соскользнул со своего жеребца и укрылся за ближайшей телегой. Как раз вовремя: сразу три стрелы с узкими гранеными жалами воткнулись над его головой в дощатый борт, и сверху, видимо, из пропоротого мешка, потекла тонкая струйка зерна. Нордхеймский клинок сам прыгнул в руку молодому варвару, и Конан, издав его самого удививший боевой клич, мощным скачком взлетел на верх подводы. Рядом с ним



возница, бросив поводья, целился из самострела куда-то вверх, лицо стрелка перекосилось от напряжения, а свесившийся из седла бандит в лисьей шапке уже заносил для удара хищно изогнутую симитарру.

Все это отпечаталось в памяти Конана странно застывшей картиной: летящие во весь опор кони еле перебирают копытами, стрела страшно медленно срывается с тетивы — и единственным быстро движущимся предметом оставался его собственный меч, с быстротой молнии хлестнувший всадника поперек груди. Только когда бандит, потеряв свою шапку и выронив саблю, тяжело грязнулся оземь, мир вокруг киммерийца пришел в движение, а заодно обрел голос.

— Аий-й-я! — пронзительно завопил тот, что скакал следом за только что зарубленным, и замахнулся узкой альфангой.

Варвар успел лишь подставить свой тяжелый меч. Два клинка с размаху столкнулись, послышался жалобный хруст, — и разгоряченный конь унес нападающего, сжимающего в руке рукоять с куцым обломком лезвия, а на мече Конана появилась изрядная зарубка.

— Аий-й-я!

От следующих двоих, пластавших налево и направо, киммериец уклонился, ощущив, как свистящее лезвие обдало ветерком его макушку.

Бандиты тут же сшиблись грудь в грудь с двумя мрачными великанами-тургаудами из охраны Гельге Кофийца. Спустя мгновение один тургауд и один степняк рухнули под копыта несущихся

коней, оставшиеся в живых рубились так, что искры сыпались из-под сабель.

Возница, которого Конан прикрыл три удара сердца тому, лежал поперек мешков со стрелой в горле.

Киммериец, обеими руками стиснув рукоять меча, метнулся между телег, рассчитывая пересечь линию повозок. Вокруг орали, стонали, богохульствовали и просто молча умирали защитники и нападающие — последних, впрочем, гибло больше. Прямо под ноги Конану, соскользнув с верхушки камня, рухнул подстреленный степняк, за спиной у него еще болтался пустой колчан. Киммериец на миг опустил глаза, а когда снова поднял взгляд, увидел в десятке шагов широкую конскую грудь, сливающуюся в бешеной скачке копыта, всадника в великолепном парчовом халате, прильнувшего к самой конской шее в попытке избежать разящих стрел — все это разом, летящее на него по усеянной трупами пыльной обочине.

Времени на раздумья не оставалось. Конан прынул в сторону, присел, нордхеймский меч, загудев в воздухе, рубанул по широкой плоской дуге и подсек коню передние ноги. Всадник и конь — оба покатились кубарем, конь забился, пытаясь встать и визжа от боли, всадник же, хоть и оглушенный падением, мгновенно перекувырнулся, как кот, вскочил и выставил перед собой полумесяц туранской сабли-симитарры. Шапку он потерял при падении, длинные черные, давно не мытые волосы рассыпались по плечам, а рас-



косые черные глаза уставились на противника с лютой ненавистью. Разбойник был невысок ростом, однако коренаст и жилист до чрезвычайности, а то, как он держал оружие, чутко прощупывая воздух тонким острием, подсказало киммерийцу, что перед ним опытный боец.

Конан со своим тяжелым мечом не выдержал бы состязания в быстроте атаки с подобным противником. Единственное преимущество варвара состояло в длине клинка, да еще, может быть, в физической силе.

Поэтому, когда без всякого предупреждения степняк напал, его встретила шипящая, сверкающая стальная мельница. Дважды разбойник делал быстрый, как удар змеи, выпад. Дважды его сабля со звоном отлетала, и он с трудом удерживал рукоять в пальцах. Такой защите Конана выучил человек, коего иногда полагали лучшим мечом Шадизара.

— Долго не протянешь! — яростно выкрикнул разбойник и ударил снова. Острейшее лезвие чиркнуло по левому предплечью киммерийца, и Конан едва успел отразить удар.

«Он прав», — подумал Конан, но тут что-то изменилось. Его противник внезапно захрипел, выронил саблю и повалился ничком прямо в белую дорожную пыль. Киммериец увидел два коротких арбалетных болта, пробивших тканый золотом халат под левой лопаткой.

Варвар остановил уже порядком замедлившуюся «мельницу» и осторожно положил на дорогу иззубренный и покрытый пятнами крови



меч. В нем все равно не было более нужды: остатки банды, не выдержав боя и даже почти не прихватив какой-либо добычи, уходили в пустыню. Караванщики недосчитываются многих, но о шайке Мерцающего Облака, отныне можно говорить в прошедшем времени: всего десятка полтора всадников в лисьих шапках избежало расправы, из них только половина нахлестывали лошадей, торопясь скрыться, прочие же, очевидно раненые или обессиленные, едва держались в седлах.

\* \* \*

— Конечно-конечно, никакой ты не герой. Тебе просто повезло. Сперва Мерцающее Облако чуть не стоптал тебя конем, а ты, ну по чистой случайности, вышиб его из седла — громы небесные, вот это был удар! Потом ты едва не четверть колокола выстоял против одного из лучших бойцов в Пустошах... Совершенно никакого геройства! Любой бы мог! — Дагоберт, рослый, светлоглазый и светловолосый, как все уроженцы Гандерланда, оглушительно захохотал и шутейно пихнул Конана в плечо свободной левой рукой — в правой гандер сжимал пивную кружку устрашающих размеров. Сидящие кругом костра воины поддержали шутку дружным смехом. — Да хватит тебе скромничать! Септак сказал — герой, значит, будешь героем!

— Эй, варвар, давай, выпей с нами!

— А с двумя мечами «мельницу» крутить сможешь?



— Вот и конец банде, да-а... Сколько мы их положили? А они наших?..

— Сабля у меня переломилась, а это степное чудище летит прямо на меня — ну, думаю, все, смахнет башку. Хватаю, что под руку подвернулось, и...

Вдоль крутого берега полноводного Хелиля, несущего свои вечно мутные воды к морю Вилайет, горели в ночи костры, то и дело слышались взрывы смеха и обрывки пьяных песен. Всякий новый кувшин вина или бочонок пива встречался ревом всеобщего одобрения. Торговцы, побывав на волосок от верной смерти, не скучились на добре угощении собственной охране. Правда, владелец большого постоянного двора, непременной приметы любого крупного перекрестка караванных путей, мог только многословно извиняться и разводить руками — мол, пусть почтенные купцы простят недостойного, но вот уж третий караван нынешним вечером, мест нет, люди во дворе и так спят прямо на мешках... Ир'Аледаш плонул и приказал ставить шатры. Ночь выдалась на удивление теплая, и лучше провести ее под ясным небом, чем в душной вонючей комнатушке придорожного кабака. Вдобавок совсем близко, под защитой небольшого приземистого форта с надежным туранским гарнизоном, протянулся над водой мост через Хелиль. Значит, Аkit невдалеке, а остаток пути будет недолг и безопасен.

Скоротечный бой унес жизни двух с небольшим десятков караванщиков, нападающих же



полегло самое малое вдвое. Впрочем, мертвых разбойников никто не пересчитывал, и хоронить их тоже не стали. Просто оттащили тела подальше в пески на поживу шакалам и воронью. Первая же песчаная буря занесет останки пустынных грабителей так, что ищи хоть нарочно — не отыщешь.

Внимания удостоился лишь труп их былого предводителя. Отрубленную голову Мерцающего Облака старшина воинов собственоручно залил крепким уксусом в небольшом бочонке (за нее власти Турана назначали немалую награду) и предложил сперва Конану как добытый в честном бою трофей. Киммериец с омерзением отказался. Септах недоуменно пожал плечами, и теперь жутковатый «трофей» покоился среди прочих ящиков и бочек в повозке ир'Аледаша, дабы по прибытии в Аkit быть с триумфом переданным в городскую Управу.

Среди погибших возниц, приказчиков, писарей и воинов охраны имелись и туранцы, и шемиты, и кофийцы, и даже рыжебородый асир, давно уже ходивший с ир'Аледашем и встретивший смерть от разбойничьей стрелы. В Туране предпочитали огненное погребение, кофийцы хоронили своих мертвцев в богатых саркофагах, шемиты — зарывали в землю... Ни один из этих ритуалов не удалось бы совершить посреди бесплодного моря песчаных дюн и нагромождения голых скал. Поэтому караван двинулся дальше, оставив обочь дороги большой каменный курган — керн, скрывающий мертвые тела.



По крайней мере воин из далекого Асгарда таким последним пристанищем остался бы доволен.

Убытка имуществу купцов не воспоследовало, почитай, никакого — несколько убитых лошадей да пара вспоротых в спешке тюков не в счет. Гельге Кофиец, хоть и потерявший в схватке двух охранников из десяти, что шли с ним, сиял, как новенький империал, чего нельзя сказать об ир'Аледаше. Весь путь до переправы через Хелиль туранец проделал словно бы в глубокой задумчивости. Сейчас он в одиночестве курил кальян в собственном просторном шатре: силует, подсвеченный пламенем близкого костра, ясно выделялся на тонкой полотняной стенке.

Что же до Конана, то вокруг него в эту минуту было чрезвычайно шумно. Прибившиеся к костру воинов возчики-хауранцы — нынешним вечером сословные различия забылись — наладились сплясать *хеттаи*, хауранский национальный танец, и Дагоберт безуспешно пытался аккомпанировать им на неведомо откуда вытащенной лютне. Молодой, не старше самого Конана, крепко сбитый туранец по имени Хали, без устали подливая варвару вина, подбивал его побороться на поясах, с другой стороны вино киммерийцу подливал Самдик из Аграпура, вдохновенно расписывая прелести туранских танцовщиц. Кто-то рассказывал в третий или четвертый раз про свою доблесть в недавней стычке, другой хвастался добытой в бою симитаррой из узорчатой вендиjsкой стали. У соседнего костра веселились



тургауды Гельге Кофийца — оттуда доносился грохот сталкивающихся кружек и похабные песни, исполняемые кто во что горазд, но с большим воодушевлением.

— ... В самом деле, Конан, что тебе делать в этом Аките? Скажу я тебе, дыра дырой! Пойдем до Хоарезма, я тебе покажу такое, чего ты в жизни не видал! Вот представь, в прошлом году мы с Ишмиком...

— Да погоди ты со своим Ишмиком! — воскликнул Хали, воздевая к черному небу руки в жесте возмущения. — Ставлю на кон этот вот кинжал из самой Зингары против твоего дырявого плаща, что побью тебя на поясах, киммериец! Я был лучшим в квартале кулачным бойцом, клянусь рукой Эрлика, мне случалось стоять против троих разом и выйти победителем! Ну, разомнемся?

— Идет, — согласился варвар, поднимаясь. Он не любил хвастунов, к тому же, сколько ни старался добросовестно напиться, в этот вечер чувствовал себя трезвеем трезвого. Туранец же, вставая, покачнулся и едва не сверзился в костер.

Немного доблести будет, если я его повалю, подумал Конан, стягивая через голову рубаху. Туранец уже швырнул свою рубаху наземь, рядом вонзил упомянутый кинжал и выпрямился, играя внушительными мускулами. Его кожа влажно блестела в свете костра.

— Эй, там! — зычно крикнул Самдик, вскакивая. — Дайте места! В круг, в круг! Потеха воинов!



— Хур-р! — раздались одобрительные выкрики со всех сторон. — В круг! Потеха воинов!

Самдик, добровольно взявший на себя обязанности судьи, спросил:

— Готовы? — и, получив утвердительный ответ, взмахнул рукой промеж поединщиками, приглашая к схватке.

Конан не знал правил, но не раз участвовал в кулачных поединках в своем родном клане, еще будучи мальчишкой, и подозревал, что различие невелико. Кроме того, он полагался на свою силу и пару-тройку хитрых уловок, показанных ему приятелями по развеселой и не всегда безопасной шадизарской жизни. Едва Самдик подал сигнал, туранец бросился, пригнувшись, вперед, сграбастал варвара за шею и попытался свалить самой обычной подножкой. Конан без особого труда вывернулся и попробовал в ответ провести захват противника за шею сзади.

Круг расширялся — привлеченные азартными воплями, подходили новые зрители.

Дважды полетев спиной вперед на землю, Конан стал осторожнее. Хали с самого начала провел его, показав, будто едва держится на ногах, тогда как на самом деле был не так уж пьян. К тому же он и впрямь отлично владел приемами туранской борьбы, которых киммериец, естественно, не знал.

Когда варвар, лихо прокатившись по траве во второй раз, в ярости попытался использовать свой излюбленный прием «кулаком под ложечку», зрители возмущенно засвистели, а «судья»



развел поединщиков в стороны и укоризненно поклокал языком.

Впрочем, и Хали, испытав киммерийца, держался настороже.

Они снова сошлись, и на сей раз Хали поднырнул под расставленные руки Конана, пытаясь схватить его под коленями и опрокинуть на спину. К этому моменту варвар уже уяснил из раздающихся вокруг азартных воплей, что для победы в поединке туранец должен приложить его к земле одной или двумя лопатками либо удерживать в захвате не меньше десяти ударов сердца. Значит, нужно обязательно устоять и не позволить Хали завладеть положением. Поэтому, лишь только заметив атакующее движение туранца, Конан чуть отпрянул в сторону и сам подался навстречу противнику. Земля стремительно пронеслась перед его глазами, потом мелькнул частокол ног, обступивших тесный круг. Киммериец почувствовал, как мощные мускулы Хали окаменели в попытке разорвать захват, удвоил нажим, перекинул руку...

— ... Восемь! Девять!! Десять!!!

— Киммериец выиграл!

— Варвар победил!

Конан обнаружил, что прижимает туранца к земле захватом, при котором продетые под мышки противника руки сплетены в замок на его затылке. Он расслабил пальцы, встал и помог подняться Хали. Парень тяжело дышал и потирал шею, но улыбнулся Конану без малейшей обиды.

— Кинжал твой, — просто сказал туранец. —



Хорошо дерешься. Кто тебя научил «железному замку»?

Конана хлопали по спине, кто-то сунул ему в руку кубок с вином, который варвар осушил одним глотком. Круг не расходился — по примеру первых поединников на спор вышли Дагоберт и один из тургаудов. Конан, натянув рубаху, хотел было присоединиться к зрителям, но тут чьи-то железные пальцы крепко взяли его за плечо.

— Иди за мной, — сказал Септах. — Тебя хочет видеть хозяин.

Киммериец невольно бросил взгляд на просторный шатер ир'Аледаша и отметил, что на полотняной стенке появилась еще одна тень.

\* \* \*

Септах проводил киммерийца до самого шатра, откинул перед ним полог, но сам остался снаружи. Конан вошел, гадая, что может означать эдакое приглашение. За время короткого пути до хозяйствской палатки он обдумал возможные подвохи и рассудил, что повода для немилости он ир'Аледашу вроде не давал. Стало быть, разговор предстоит вполне приятный и для него, Конана из клана Канах, возможно, небесполезный. Внутренность шатра освещали несколько вычурных масляных фонариков вендинской работы. Как видно, в масле, питавшем фитили лампад, содержались благовония, и от их сладкого, густого аромата у варвара на миг закружилась голова.

Ир'Аледаш восседал на вышитых подушках.



На Конана он даже не посмотрел. Только зерна четок из темно-алого граната ритмично пощелкивали в пальцах караванщика. У его ног стоял странный длинный сосуд с множеством тонких трубок и низенький столик, уставленный пиалами со следами вина и плоскими чашами с фруктами и сластиями. Над узким горлышком сосуда вился еле различимый дымок.

В шатре присутствовал еще один гость — дородный, роскошно одетый бородач с толстой золотой цепью на груди, выпущенной поверх просторной фиолетовой туники. Этот, в отличие от хозяина,глянул на киммерийца с явным интересом.

«Помнится, Ши настойчиво советовал мне почаще попадаться на глаза Гельге Кофийцу, — припомнил Конан наставления приятеля. — Вот случай и выдался».

Не совсем представляя, как себя вести и что говорить, Конан счел, что сообразнее дождаться первого слова хозяина и лишь слегка поклонился, остановившись как раз на границе пушистого иранистанского ковра, устилавшего пол в палатке.

Кофиец хмыкнул — скорее благосклонно, нежели презрительно.

— Сей юноша либо отменно воспитан, что большая редкость для полуночных варваров, либо страдает немотой, — промурлыкал он. При звуках этого голоса киммериец немедля подумал о толстом степном коте-мануле, домашнем, раскормленном и... безобидном? Ну уж нет. Несмот-



ря на добродушную внешность и вальяжные манеры, Конан, научившийся немного разбираться в людях, чуял в дородном кофийце умелого и беспощадного бойца. Лицо у Гельге было умное и жесткое, а сложенные на груди руки, хоть и напоминали окорока, при желании могли, наверное, с легкостью гнуть подковы. — Надеюсь на первое. Ведь ты умеешь говорить, юноша? У тебя есть имя?

— Назовись, — буркнул ир'Аледаш, решив, что настало время ему поучаствовать в беседе, но по-прежнему не поднимая глаз.

— Конан.. из клана Канах.

Последнее Конан добавил лишь после крохотной, но, увы, не упущеной Кофийцем заминки, что послужило поводом для приступа утробного смеха.

— Наслышен, наслышен, — отсмеявшись, проговорил купец, выбирая виноградину со стоящего на ковре плоского подноса. — Премного наслышан о привязанности воинов Полуночи к древним традициям и всякого рода диковинным обычаям. Скажи мне, доблестный Конан из клана... э-э... Канах, в который раз ты сопровождаешь торговый караван?

Киммериец бросил вопросительный взгляд на ир'Аледаша. Тот кивнул — можно, мол.

— Первый, — честно признался варвар.

— Первый, — задумчиво повторил кофийский торговец. — И что заставило тебя бросить привычное ремесло... Кстати, чем ты занимался прежде?

Ир'Аледаш снова дал Конану знак отвечать, однако варвар медлил вовсе не за его разрешением. Как объяснить Кофийцу род занятий юного выходца из полуночной страны в славном Шадизаре, именуемом Столицей Воров?

Притом неизвестно, что хуже — сказать, что воровал или что служил в Сыскной Когорте, пусть и недолго?

— Когда я впервые появился в Заморе, мне было всего шестнадцать, — издалека начал Конан. — Я был болен, и из имущества со мной оставился только меч. Помогли добрые люди, выходили...

Нашедший Корни Радуги нетерпеливо взмахнул пухлой кистью.

— Словом, воровал, — непреклонно заключил он. Конан не стал спорить. — Хотя постой-ка... Ты пришел в Шадизар в шестнадцать лет, один... имея с собой меч — довольно дорогую вещь, оружие воителя? И тебя не убили по дороге, не отобрали клинок, ты не продал его ради пропитания? Откуда же ты явился?

Конан покачал плечами:

— Чтобы это объяснить, мне придется отнять у почтенных господ торговцев слишком много времени, а оно чересчур драгоценно, чтобы тратить его на подобные пустяки.

— Поразительно вежливый юноша, что за чудо! — восхитился Гельге. — Н-ну, хорошо. Поведай нам, о бриллиант среди варваров — в каком возрасте ты убил своего первого врага?

На такой вопрос Конан ответил уверенно:



— Позапрошлой зимой. Мне как раз исполнилось четырнадцать.

Гельге переглянулся с ир'Аледашем и произнес наставительно:

— Четырнадцать, господин. Когда обращаешься ко мне, всегда добавляй «господин».

— Меня нанимал господин ир'Аледаш, — хмуро ответствовал Конан, — и от него я получаю вознаграждение. И подчиняюсь только ему, не в обиду будь сказано досточтимому Гельге.

Кофиец и не подумал обижаться на возомнившего о себе неотесанного охранника. Казалось, его целиком и полностью занимает дегустация спелой грозди мускатного винограда.

— Неплохо, неплохо, — пробурчал он, отправив в рот с десяток громадных розовых, покрытых сизым восковым налетом ягод, — но с моим ни в какое сравнение... А ты еще и гордый к тому же, — последнее замечание адресовалось киммерийцу. — Гордый, храбрый, похоже, неглуп, честен до неприличия и дивно хороши в любой драке — редкое сочетание качеств, которые мне требуются. Так слушай внимательно, гордое, но пока не слишком разумное дитя Полуночи! Шакалы Мерцающего Облака, да сгрызут демоны его вонючую печень, убили двух моих тургаудов. Не то чтобы мне настолько необходимы охранники, но я часто путешествую и привык, что вокруг возка с моим гербом трясутся в седлах ровно десять человек, знающих, с какой стороны бегутся за меч. Десяток — ни меньше, ни больше. В отличие от почтенного ир'Аледаша, людей в этот

десяток я отбираю сам. Чтобы стать телохранителем Гельге Кофийца, мало выказать доблесть в бою. Скажем, Тхиммас из Стигии — один из охранников каравана — сойдясь с тобой на саблях, накромсал бы тебя тончайшими ломтиками меньше чем за сто ударов сердца, однако вороват. Хали, с которым ты недавно боролся в кругу, тоже неплохой боец, но тщеславнее аграрпурского вельможи. Имей в виду — он смертельно оскорблён своим поражением и затевает сделать так, чтобы почью к тебе под плащ заполз черный скорпион. За тобой же я наблюдаю уже давно... и то, что вижу, меня радует.

Гельге затрясся в очередном приступе своего странного нутряного хохота.

Конан терпеливо дождался, пока купец отсмеется, и сказал:

— Ты спрашивал, отчего я покинул Шадизар. Досточтимый Гельге, я ушел с караваном, чтобы набраться опыта, посмотреть мир...

— Заработать денег, — понимающе бросил Кофиец.

— И это тоже. Просто я хочу сказать, что не гожусь на роль няньки при гареме или домашнего телохранителя, — пояснил Конан.

Глаза Гельге метнули молнии:

— Ты слишком много себе позволяешь, варвар! Смотри, как бы я не разочаровался в твоих достоинствах! Разве я говорил, что тебе предстоит стеречь мой сон под дверью или развлекать моих скучающих жен, пока я веду торговлю? Сет Чревоходящий, да я побывал в таких местах, ко-



торые твоему нынешнему господину даже не снились! Я доходил до стран, где люди ходят обнаженными и почитают саранчу редким лакомством, иставил свой шатер там, где Земли Обитаемые обрываются в Последний Океан! В моем саду...

Купец осекся и сердито взмахнул рукой.

— Словом, ты не засидишься на месте, это я обещаю. Что еще?

— Согласен ли досточтимый ир'Аледаш... — начал киммериец.

— Согласен, — отрезал Гельге.

Туранец молча кивнул и приложился к кальяну — тому самому подозрительному сооружению с трубками — крепко потянув сладковатый дым из ближайшего мундштука. Кальян испустил сипение, похожее на предсмертный хрип.

Кофиец бросил на ир'Аледаша раздраженный взгляд.

— Еще?

— Досточтимый ир'Аледаш платит мне тридцать ауреев за седмицу пути, если же воин проявил храбрость и не щадил себя, защищая купца и его имущество... — зачастил Конан, уже твердо решив, что жребий ему выпал счастливый и он, конечно, согласится — но нужно же сперва по торговаться!

«Ши меня бы отлично понял», — думал киммериец, перечисляя такие немаловажные для воина вещи, как кормежка за счет нанимателя, приобретение на казенный концт нового оружия, буде поломается старое, или коня, ежели имею-

щийся напьется из отравленного колодца и издохнет...

Гельге Кофиец слушал варвара, склонив голову на плечо и изобразив на лице нечто среднее между брезгливостью и скучой. В конце концов он приподнял обширное седалище, бормоча: «где-то тут, по-моему, завалялось...», чем-то погремел, позвенел под собой и, выпрямившись, швырнул Конану пузатый воловьей кожи мешок.

Киммериец сбился и замолк на полуслове. Судя по весу и если считать на ауреи, в мешке лежало сотни три монет. «Кром и Мигра, — восторженно подумал Конан. — Кого убить?!

— Это задаток, — скучающе сообщил Гельге, словно речь шла о чем-то крайне обыденном. Для купца, видимо, так оно и было. — Далее десять ауреев в день. О прочем спрашивайся у моего начальника стражи, его зовут Фидхельм. Получишь у него новую одежду — мои воины, как ты наверняка заметил, носят цвета дома Гельге — и новое оружие. Мясницкий секач, которым ты чуть не прикончил Мерцающее Облако, подаришь кому-нибудь на долгую память. Коня возьмешь своего. С почтенным ир'Аледашем мы распрощаемся завтра. Караван отправится в Акит, ну, а мы... Мы поедем в другую сторону. Можешь идти.

— Слушаюсь, господин Гельге, — ответил Конан, поклонился и покинул шатер, столкнувшись на выходе с недоумевающим Дагобертом в сопровождении все того же Септаха.

В мешке, полученном от Гельге, оказались ту-



ранские империалы, числом двести пятьдесят. Отойдя в сторонку, подальше от любопытных глаз, Конан долго жмурился и шевелил губами, пытаясь сосчитать, сколько же это будет на ауреи. Если он не ошибался, получалось примерно вдвое.

«Ши был дважды прав, — киммериец прикинул, куда бы спрятать тяжеленький мешок. — Во-первых, стоило вовремя попасться на глаза Кофийцу. Во-вторых, раскормленный котяра впрямь умеет отыскивать корни радуги. Но разрази меня гром, как этот сладкоголосый змей вызнал, что Тхиммас — вор, а Хали заимел на меня зуб?!»

\* \* \*

С большим караваном расстались, как и обещал Кофиец, на рассвете. Вереница подвод и тяжело навьюченных верблюдов потянулась к переправе, а вдоль берега Хелиля отправился на Закат караван гораздо меньший. Удивительно, но весь обоз баснословно богатого Гельге состоял из единственного крытого фургона, того самого, с изображением летящего орла, и трех телег с походным снаряжением и припасами. Фургон был тяжеловат — четверка волов тянула его с трудом. Рядом с телегами неспешно брели шесть прекрасных верблюдов бишаринской породы, каждый нагружен двумя объемистыми выюками.

Малое количество груза подсказывало Конану единственно правильное толкование — Кофиец возвращается домой после краткой, но удачной

торговли где-то в закатных городах: Нумалий или самом Бельверусе, гордой столице Немедии. Общительный Дагоберт еще до обеда, переговорив с новыми спутниками, подтвердил его предположение, а начальник стражи, наставляя новичков перед отправкой, настрого предупредил: что бы ни стряслось, в первую голову беречь фургон. Сам он, кстати, в нем и ночевал, а в пути неотрывно рысил рядом на своем породистом хауранском жеребце.

Ближе к закату караван свернул, мутная лента Хелиля скрылась из виду. Места пошли более обжитые. Заночевали на постоялом дворе в какой-то деревушке, где появление Гельге вызвало, пожалуй, больший переполох, чем визит коронованной особы. Испуг местных жителей Конан приписал извечному страху селян перед любой властью — а Кофиец, несомненно, являлся в этих краях чуть ли не всесильным повелителем. И все же киммериец, привыкший за годы не самой беззаботной жизни все замечать и ничему не удивляться, подметил одну странность. Кое-кто из местных, низко кланяясь торговцу, украдкой делал жест, предохраняющий от дурного глаза.

На следующий день маленький караван все так же продвигался на Закат. Часто встречались крестьянские подводы, возницы, едва завидев всадников в черно-зеленых одеждах, поспешно сворачивали на обочину. Потом по обе стороны дороги потянулись ухоженные виноградники. К этому времени Конан уже знал, что виноторговля приносит дому Гельге основной и немалый до-



ход и что до усадьбы достопочтенного купца осталось не более одного дневного перехода. Тургауды заметно повеселились. Дагоберт, взглядом испросив у Фидхельма разрешения, достал из чехла лютню и затянул песню, немедленно подхваченную прочими телохранителями.

По лесам зелено-синим,  
Ясным, как стекло,  
Я иду, куда случайным  
Ветром занесло.  
Долг путь через коренья,  
Что же мне не петь?  
До ближайшего селенья  
К ночи не успеть.  
Впереди огонь мерцает, позади вода,  
На воде две утицы оставили следы.  
Хороша моя дорога, гладка и тверда,  
Не сверну с нее к огню, не наберу воды...<sup>1</sup>

Подобным образом гандер развлекал спутников на каждом биваке и своим искусством снижал некоторое уважение среди тургаудов. Даже суровый начальник стражи не имел ничего против — как выяснилось в эти дни, Дагоберт вполне сносно управлялся с лютней, да и голос у него был неплох. Слов теперешней песни Конан не знал, о своих музыкальных талантах был невысокого мнения и потому в хоровом пении не участвовал. Но положительно, служба у Гельге Кофийца начинала ему нравиться. «Кром Заступник, —

думал он с радостным недоумением, — я сыт, одет, оружен, вроде как при деньгах и в неплохой компании. Мир посмотрю, если Кофиец не врет — а не похоже, чтоб врал... Может, наконец повезло? Если б еще одно обстоятельство... »

«Обстоятельство» по имени Фидхельм ехало сзади на кауром жеребце и хмуро поглядывало по сторонам.

... Это случилось в первое же утро после дистопамятного разговора в палатке ир'Аледаша. И вновь повторилось на второе. На третье тоже.

Последние клочья ночного тумана еще стелились над жесткой травой...

— Подъем! Оружие — к бою!!!

— Чтоб тебя вспучило, — пробормотал Конан, поспешил выскакивая из-под теплого плаща и выхватывая свой новый клинок из лежащих рядом ножен. Рядом точно так же взметнулся Дагоберт — по пояс голый гандер сжимал в правой руке меч, левой протирал глаза, бормоча что-то нелестное на неведомом наречии. Что удивительнее всего, прочие тургауды к тому времени не только оказались на ногах, но и успели натянуть сапоги, а кое-кто, похоже, даже наскоро размялся перед неизбежным учебным боем. — Как они только успевают, порази меня короста... Да разве это в человеческих силах?!

Впрочем, киммериец начинал крепко подозревать, что более опытные и хорошо изучившие повадки месьора Фидхельма спутники попросту встают чуть раньше, еще до того, как рык упомянутого месьора и его крепкий пинок выдернут

<sup>1</sup> Здесь и далее стихи в пер. Т. Шельен



их из походных постелей. Сам Конан по первой рассветной тревоге вскочил как угорелый, запутавшись в плаще, удостоившись дружного хохота остальных воинов и на целый день сделавшись мишенью для ехидных вопросов — дескать, не укусила ли варвара в седалище земляная оса и не приснилась ли ему, упаси Митра, его варварская невеста. На следующее утро киммериец, от подобного к себе отношения впавший в меланхолию, нарочно не спешил покидать теплое ложе и незамедлительно о том пожалел. Месьор Фидхельм, «Орел Шестого легиона», как его шепотом и с оглядкой именовали подчиненные, был скор на расправу и весьма тяжел на руку.

В «войске» Гельге несли охранную службу по большей части выходцы из Кофа и Турана — как на подбор, рослые, опытные воины и умелые наездники. По сравнению с большинством из них Конан выглядел просто подростком, недавно вступившим в пору настоящей мужской зрелости, более старший Дагоберт — лишь немногим солиднее. Неудивительно, что лишенные развлечений тургауды подтрунивали над обоими. Шутки носили по большей части безобидный характер, но и они мгновенно прекращались, едва в поле зрения появлялась коренастая фигура начальника стражи.

Родом Фидхельм был из Немедии (поговаривали, чуть ли не из благородного семейства), дослужился в упомянутом легионе до звания сотника, но, будучи разжалован за неизвестную провинность, подался на вольные хлеба. Чем занимался



бывший легионер перед тем, как судьба свела его с Гельге, никто не знал. Все, однако, сходились на том, что Фидхельм — правая рука хозяина и что лучше выйти на разъяренного быка с палкой от метлы, чем с Фидхельмом Легионером на мечах. «Орел Шестого легиона» обладал приметной внешностью: кряжистый, длиннорукий, с кривыми ногами кавалериста и круглой красной физиономией любителя горячительных напитков. На левом бедре Фидхельм носил короткий широкий меч, на поясе с правой стороны — длинный кинжал. Голос Легионера, пронзительный и тонкий, раз и навсегда сорванный строевыми командами, являлся собой разительное несоответствие с воинственным обликом начальника стражи, но всякий, кто хоть раз заглядывал в яростные желтые глаза немедийца, мигом терял охоту шутить на этот счет.

Будучи прирожденным воякой, месьор Фидхельм впитал в себя все лучшее и все худшее от порядков легионерских казарм, а потому шуток, за исключением собственных, не понимал.

— Хатадир — с Мугдашем! Кайелан — с Дагобертом! — начальник стражи быстро прошел вдоль неровного строя, разбивая воинов на пары для учебного поединка. Ритуал неуклонно повторялся каждое утро, и, как заметил Конан, всякий раз сходились новые противники. Ему самому уже довелось на славу порубиться с сильным, но медлительным Хатаддиром и наставить синяков Дагоберту. — Соджир и Хатлави, ир'Габали и Нуксад! Приготовьтесь!



Имени Конана не прозвучало.

— А я? — спросил киммериец, заранее догадываясь об ответе, который ему совершенно не нравился — ведь из десятка воинов оставался только сам Легионер. Кайелан, противостоявший Фидхельму вчерашним утром, до сих пор кривился от боли в боку.

Фидхельм одарил новичка взглядом, каким обычно удостаивают зловонную лужу, зевнул и демонстративно почесал живот.

— Начали! — рявкнул он. Четыре пары клинков — не учебных, тупых и безопасных, а старательно заточенных боевых — слитно лязгнули друг о друга. Начальник стражи постоял, уперев руки в бока и задумчиво взирая на только-только начавшее розоветь небо, и наконец обратил внимание на недоумевающего Конана:

— Ба, ты еще здесь?! Послал же Митра орясну! Брось-ка свою железку да сбегай к костру прислуги. Проверь, готово ли мясо, да живо тащи сюда, коли готово! Ну, пошевеливайся!

Его, воина, низвести до уровня поваренка! Такого поношения Конан снести не мог. В глазах у киммерийца помутилось, и лишь когда меч Фидхельма играющи отвел первый яростный удар, а сам Легионер довольно захохотал, Конан понял, что его вновь разыграли — на сей раз в лучших традициях немедийских казарм. «Хорошо же, — подумал варвар, вкладывая в последующие выпады всю свою силу и умение, — я тебе покажу!..»

Что и каким образом он собирался показать



Фидхельму, Конан додумать не успел — становилось жарковато.

В свое время, едва покинув шатер ир'Аледаша, варвар навестил начальника стражи и вкупе с прочим надлежащим барахлом обзавелся великолепным мечом взамен прежнего, куда более прочным, легким и удобным, с простой прямой крестовиной и рукоятью на полторы ладони, обтянутой шершавой акульей кожей. По сравнению с ним былой нордхеймский клинок и впрямь казался мясницким тесаком. В фургоне, куда Конан полез выбирать оружие, хранились и другие мечи, украшенные гораздо роскошнее, но, как выразился Фидхельм, «эти — для парада, не для боя». Варвар был без ума от нового и явно дорогого приобретения. Он даже подумывал дать своему любимцу какое-нибудь благородно звучащее наименование — носили же собственные имена легендарные клинки древних героев! И сейчас, с замечательным новым мечом, Конан чувствовал, что сражается просто великолепно... вот только короткий и ничем не примечательный гладиус начальника стражи почему-то все время оказывался чуточку быстрее. И точнее.

Сперва Легионер просто отражал атаки Конана, почти не двигаясь с места — так, самое большее на пару шагов. Потом перешел в атаку. Несколько раз его меч мог коснуться киммерийца — бедро, грудь, левый бок — оставив при этом неглубокий порез, и тогда бой завершился бы символической победой Фидхельма, однако немедиец не торопился, видимо, продлевая удоволь-



ствие. Конан попробовал применить «мельницу», столь удачно отразившую легкую саблю Мерцающего Облака. Фидхельм сделал что-то, чего глаз киммерийца не уловил, и грозное жужжение «мельницы» немедленно сбылось, а острие варварского меча самым постыдным образом воизилось в землю, так что Конан чуть не выпустил рукоять.

Фидхельм отступил немного, давая противнику возможность вновь приготовиться, и отпустил ядовитую остроту касательно бревен, камней и волосатых уроженцев Полуночи.

Конан мог бы сдаться без особого урона для воинской чести, ведь превосходство противника было слишком явным. Тот же Кайелан, куда как опытный боец, и все же... Но при одной только мысли о том, чтобы положить меч и признать себя побежденным, киммерийца охватила странная мгновенная слабость, почти сразу сменившаяся холодной боевой ненавистью.

Он поднял меч. В эту минуту Конан из клана Канах перестал существовать, слившись на время со сверкающей полосой клинка, став его продолжением, молниеносным и нерассуждающим. Время замедлило свой бег, как тогда, в Пустошах, во время нападения бандитов Мерцающего Облака на караван. Со спокойной отстраненностью киммериец наблюдал, как его меч останавливает очередную атаку Фидхельма. Контрвыпад. Отменно острое лезвие проскальзывает в опасной близости от груди Легионера, еще чуть-чуть и...

Чуда не произошло. Фидхельм отскочил, тя-

жело дыша и утирая — небывалое дело! — внезапно взмокшее лицо ладонью, а на плече киммерийца появилась узкая алая полоска. Только тут Конан понял, что, кроме них двоих, уже никто не звенит мечами, а на грубоватых лицах тургаудов застыло одинаковое выражение удивления. На пороге своего шатра, приподняв полог, стоял Гельге и наблюдал за схваткой — вероятно, давно и с большим интересом.

Фидхельм Легионер бросил свой меч в ножны. Взгляд, брошенный им на юного варвара, также был удивленным, однако сквозило в нем и немалое беспокойство. Впрочем, как настоящий командир, «Орел Шестого легиона» умел извлекать выгоду даже из невыгодной для него ситуации.

— Все видели? — рявкнул он. — Если бы каждый из вас, белоручек, умел драться как этот варвар, те двое не гнили бы сейчас под камнями, ясно? Соджир, Хатлави, чего стоите разинув рты? Идите, наподайте под зад поварам! Умерли они там, пожри их Сет?! Остальным начинать сворачивать лагерь. Доброго утречка, господин Гельге. Хорошо ли спалось?..

Пока руки киммерийца были заняты нехитрой утренней работой, самого Конана неотступно преследовала одна мысль.

Как бы отыскать укромное местечко и разучить на досуге тот удар, которым Легионер достал его под конец поединка? Конан отлично разглядел и сохранил в памяти каждое движение противника, чemu, кстати, сам поражался, ибо немедиц двигался с быстрой атакующей коб-



ры. Странное умение молодого варвара, похоже, вынудило начальника стражи применить некий прием из секретного арсенала, один из тех, от которых нет защиты.

И что-то подсказывало Конану, что подобное знание может оказаться нeliшним.

...На закате солнца караван въехал в ворота усадьбы «Рубиновая лоза».

\* \* \*

К высокой, увитой плющом арке ворот, по обеим сторонам которой стояли потемневшие от времени мраморные вазоны в рост человека, дорога вела сквозь двойной ряд стройных красавцев-кипарисов. Чтобы вырастить эти деревья в засушливых хауранских землях, требовалось не-дюжинное искусство садовника и великолепно продуманная система подводки воды. То и другое наверняка стоило больших денег. Впрочем, в поместье Кофийца все так и получилось достатком.

Приземистый двухэтажный дом с мощными стенами, сложенными из огромных глыб розового туфа, со множеством пристроек, виден был издалека. Его окружала полукольцом каменная стена не менее шести локтей высотой, и подняв глаза, Конан заметил на гребне этой почти крепостной стены часто насаженные железные пики с выгнутыми наружу остриями. Для уединенно живущего богача — вполне разумная мера предосторожности. Задняя часть дома врезалась в нависший над небольшой лощиной склон холма.



Сам по себе дом не выглядел новым. Камень стен заметно выцвел под палящими солнечными лучами, скрепляющий плиты раствор местами выкрошился — но черепичную крышу явно перекрывали совсем недавно, ступени широкой пологой лестницы, ведущей к центральному входу, сверкали мраморной белизной. Некоторые пристройки (в коих, судя по виду, размещались склады, мастерские и стойла для скота) даже на неискрушенный взгляд Конана были гораздо моложе центрального строения. Впрочем, все, что относилось к прозаической стороне земного бытия и могло хоть как-то омрачить отдых досточтимого владельца усадьбы, искусно пряталось за зелеными насаждениями либо лепилось на задах поместья, у самого склона холма.

Новоприбывших встречали...

Тroe оружных стражников, в таких же одеждах, что и сопровождавшие купца тургауды, согнулись перед Гельге в почтительном поклоне. Ворота, как отметил наметанный взгляд киммерийца, были более чем прочные — из переплетенных особым образом железных полос, сваренных меж собой, — при том, однако, производя впечатление ажуности и изящества. За воротами виднелся прекрасно ухоженный сад. Слышалось журчание воды в фонтанах и пение невидимых птиц. Надвратную арку украшала затейливая кофийская вязь, складывающаяся в название поместья.

Если кое-кто из тургаудов и посматривал украдкой на новичка из далекой горной Киммерии,



предвкушая неумеренные восторги неотесанного варвара при виде роскошного поместья и готовя по такому случаю соленую солдатскую шуточку, то насмешника ожидало полное разочарование. Конану доводилось бывать в домах шадизарской знати (как правило, без приглашения), и он давно разучился робеть при виде чужого богатства. Зато Дагоберт не сдержал восхищенного возгласа:

— Иштар Всеблагая, какая красота! Трижды мудр решивший поселиться в столь дивном месте!

— И счастлив способный оценить красоту творения, — ответил мелодичный женский голос за воротами. Гельге на своем вороном первым выехал под арку, воинам пришлось задержаться и спешиться, пропуская громоздкий фургон. — Наконец-то ты вернулся, любимый! Как же я скучала!

Дагоберт, похоже, отнес приветственные слова прекрасной незнакомки на свой счет. По его физиономии расплзлось столь блаженное выражение, что тургауды совершенно невместно разразились громовым хохотом, незамедлительно пресеченным окриком их командира:

— Молчать, сыны свиньи! — Фидхельм выбросил вперед жилистую лапу и огrel незадачливого гандера промеж лопаток, да так, что бедняга с трудом устоял на ногах, вцепившись в поводья своего коня. — Ты, белобрысый, и варвар, оба имейте в виду: замечу чью-то рожу ближе пяти шагов от госпожи Вивии — уши отрежу и сжевать заставлю!

— Госпожа Вивия — это... — начал Конан, но в

этот миг задок фургона с летящим орлом на зеленом фоне, хрустя колесами по гравию, пересек наконец линию ворот, и вопрос киммерийца отпал сам собой. Конан увидел госпожу Вивию Ханаран, супругу Гельге Кофийца.

Вивия Ханаран по всем канонам являлась красавицей. Прежде всего, страсть Гельге к всяческого рода редкостям отразилась и на выборе спутницы жизни.

Вивия, несомненно, происходила откуда-то из Закатных или даже Полunoчных стран, о чем свидетельствовала ее молочно-белая кожа, огромные изумрудные глаза и волосы цвета червонного золота. Среди черноволосых, черноглазых и смуглых женщин Полудня она выделялась бы подобно белому голубку в стае ворон. Узкое темно-зеленое платье со скромной вышивкой и тонким серебряным поясом подчеркивало великолепную фигуру молодой женщины. Вообще зеленый цвет ей поразительно щел, хотя Конан подозревал, что и любой иной смотрелся бы не хуже в сочетании с почти безупречной красотой госпожи Вивии.

Едва только увидев и осознав сие редкостное совершенство (а также поймав свирепый взгляд Гельге Кофийца, коим он, прежде чем заключить жену в объятия, ожег обоих новичков), Конан сделал на удивление зрелый вывод о необходимости держаться от Вивии Ханаран как можно дальше. Смешно даже и думать, решил он, что сия девица заинтересуется простым воином, разве из одной скучки или по случайной прихоти, а



вот неприятностей из подобного интереса может пройстечь ой как много.

«Жизнь скучнее, зато уши целее», — рассудил варвар и глянул на Дагоберта, желая увериться, что приятель полагает так же.

И убедился, к своему ужасу, что белобрый гандер не сводит с красавицы влюбленных глаз.

\* \* \*

—...Она из Аквилонии, можешь себе представить? — восторженно заливался Дагоберт спустя два дня. — Правда, не из самой Тарантии, ну что с того? Ее отец — аристократ, аквилонский дворянин. У ее семьи небольшое поместье недалеко от городка... как его... забыл. Вот откуда эти царственные манеры! Эта вольность мыслей! Изящество во всем! Эта осанка...

— Под ноги смотри, — буркнул киммериец. Стояла глухая ночь, тонкий серп молодой луны то появлялся в просвете облаков, то снова исчезал, предоставляя стражникам пробираться по саду Гельге в кромешной тьме. Нынешней ночью обходить дозором границы усадьбы вышло им двоим. — Наступиши в цветник — Фидхельм тебя вчетверо сложит. Как ты прознал, откуда она родом? Неужто у самой Бивии спросил?

— Ну-у... — неопределенно протянула гандер. — Это только ты у нас нелюбопытный. Кое-что Кайелан рассказал. И Соджир, он давно уже у Гельге служит. Но больше всех знает Кетлик. Он — один из того десятка, что оставался сторо-

жить поместье, пока хозяин был в отъезде. Так вот он говорит...

Кетлик, красивого белозубого шемита родом из достославного Шадизара, почти все тургауды любили за веселый и покладистый нрав, а хозяева ценили за кое-какие редкостные умения. Никто лучше его не управлялся с кинжалом, кроме того, парень видел в темноте, как кошка, и умел прекрасно ладить с жуткими сторожевыми псовами, которых содержали в вольере в дальнем углу сада и которых побаивался даже сам Фидхельм. Конан довольно близко сошелся с шемитом, когда выяснилось, что они имеют некоторых общих знакомых в Сахиле и Нарикано и единодушны в восторженной оценке определенных веселых заповедей Ак-Сорельяны. Парень любил прихвастинуть своими успехами на любовном поприще и, похоже, не врал. Во всяком случае, молодые смазливые служаночки, коих Гельге держал при кухне и на всяческой уборке в огромном доме, при встречах с Кетликом становились как-то особенно рассеянны и начинали стрелять бойкими глазками. Поэтому упоминание имени Кетлика в нынешней беседе встревожило Конана.

При всех своих достоинствах шемит, увы, не относился к умеющим крепко держать язык за зубами. Если скучающая Бивия в отсутствие супруга позволяла себе какие-либо вольности... и учитывая непонятный талант Кофийца знать все обо всех... Кетлик, а следом за ним и влюбчивый Дагоберт, могли оказаться в большой беде.

—...ты слушаешь?



— А? — вздрогнул Конан, и очень кстати — еще миг, и витающий в своих любовных грезах гандер наступил бы на большой стеклянный колпак, прикрывающий нечто маленькое, зеленое, колючее и уродливое, то есть наверняка крайне редкое и невообразимо ценное. Поспешно выброшенная рука Конана удержала его от подобной оплошности. — Нет, не слушаю. Я глухой. Зато ты — кривой на оба глаза.

— Эй, варвар!..

— Вон там беседка. Пойдем-ка присядем.

Они направились туда, где в сплетении ветвей притаилась небольшая деревянная постройка в туранском духе — одно из местечек на достаточно длинном пути вдоль высокой, почти крепостной стены, где разрешалось остановиться и перехватнуть. Из беседки можно было видеть достаточно далеко вокруг, оставаясь при том незаметным для чужих глаз. Другое дело, что холодной бессонной ночью двум приятелям не помешала бы фляжка чего-нибудь согревающего кровь, но вот согревающее в дозоре запрещалось самым строгим образом. На глазах Конана начальник стражи однажды расправился с Хатлави, учув исходящий от того перегар — одними кулаками, не прибегнув к дубинке или мечу, однако туранец после экзекуции двое суток валялся пластом. Беседка — крохотный, выкрашенный зеленою краской домик — еле проступала на фоне огромного старого куста шиповника. Подходя к ней, оба хранили молчание, и киммериец горячо возблагодарил Митру Наставника за своевременную



сдержанность их греческих языков. Ибо, едва нога Дагоберта коснулась первой ступеньки в беседку, из тени раздался негромкий, но такой знакомый чарующий голос:

— О, доблестные стражи. Нет-нет, не смущайтесь. Зайдите.

Госпожа Вивия сидела на укрепленной у стены скамеечке, подложив под себя пухловую вышитую подушечку и закутавшись, по случаю прохладной ночи, в теплую пелерину из тончайшей верблюжьей шерсти. Густая тень не позволяла разглядеть надетое на ней платье — Конан мельком заметил нечто мерцающее и облегающее, от чего у него мигом перехватило дыхание. Дагоберт кашлянул:

— Драгоценная госпожа Вивия... Но разве вы...

— Да, конечно, я должна бы почивать сейчас в своей постели под розовым балдахином, — нимало не смущаясь, проговорила Вивия своим чудным серебристым голоском. — Но мне не спалось, и я вышла в сад подышать свежим воздухом. Полагаю, это не преступление? Что предписывал вам делать наш храбрый Легионер на такой случай? А, Конан?

Киммериец призвал на помощь все свое красноречие.

— Ну... э-э... Благородная госпожа знает мое имя?

Вивия негромко рассмеялась:

— О да. Разумеется, мне неведомы имена всех наших охранников, но я запомнила странное имя храбреца с Полуночи, зарубившего Мерцающее



Облако. Мой муж много рассказывал мне о своей поездке.

— Он был не совсем точен, — когда речь зашла о предметах, хорошо ему знакомых, Конан несколько ожиился. — Я схватился с бандитом, это верно, но скорее всего Мерцающее Облако зарубил бы меня. Кто-то из возниц ир'Аледаша подстрелил его из...

— Я предпочитаю думать, — непреклонно прервал его женский голос, — что герой, победивший разбойника, теперь охраняет мое спокойствие. Не нужно меня разочаровывать.

Из-под пелерины показалась узкая девичья кисть, украшенная змейкой браслета, и Конан ощутил на щеке мимолетное прикосновение теплых пальцев. Только что обретенный дар речи вновь его покинул. Дагоберт, не зная, что говорить, взирал на киммерийца с неприкрытоей ревностью и с вожделением — на Вивию.

От внимания юной аквилонки эти взгляды явно не укрылись. Вновь послышался ее негромкий смех.

— И я помню, — игриво сказала она, — что муж говорил мне о двух новых жемчужинах в своей коллекции. Одна, как он сказал, — варвар, могучий в битве и разумный в суждениях, другая же — воин, искусный с мечом и с луком, вдохновенный певец, скрасивший им дорогу и напомнивший о красоте мира.

— Право, это чересчур, — пробормотал гандер, горячо благодаря темноту, не позволяющую увидеть его густой румянец. — Я вовсе не...



— Ты хочешь сказать, что мой муж лжет? — спросила женщина с напускной суровостью.

— Разумеется, нет, я липь...

— Разумеется, он прав, — снова прервала аквилонка с мягкой непреклонностью, — и разумеется, чтобы загладить свои поспешные слова, ты споешь мне несколько своих песен. Если они понравятся мне... о, ты останешься доволен.

— А... о чём госпожа хотела бы услышать? — не веря своему счастью, робко спросил Дагоберт. Настал черед Конана злобно поглядеть на приятеля. Разумное недавнее решение держаться по дальше от юной аквилонки с ее чарами теперь казалось глупым и смешным.

Вивия задумалась, склонив голову на плечо.

— Вот что, — решительно начала она, — я слышала, ты поешь всем известные песни, но вдобавок иногда сочиняешь сам. Это так?

— Верно, — кивнул Дагоберт.

— Тогда сложи балладу для своей госпожи. Совсем новую, — потребовала аквилонка. В сумраке беседки ее огромные зеленые глаза искарились загадочно и лукаво. — Дом Гельге Ханарана держится на трех столпах. В сущности, на них покоится весь мир, и потому твоя песня должна говорить о вине и о золоте.

— А третий столп — это что? — зачем-то поинтересовался киммериец.

Госпожа Ханаран помолчала. Конан не мог разглядеть ее лица.

— Кровь, — наконец нехотя сказала она. — Только я не желаю слушать о чем-либо подоб-



ном... Мне пора, пожалуй. Теперь уходите... Нет, стойте!

Последнее было произнесено шепотом, но так, что Конан, уже приподнявшись со скамьи, обратился в каменную статую. Дагоберт, как сидел, так и замер на месте.

— Что... — начал киммериец вполголоса.

— Молчите! — еле слышно прошипела Вивия. Варвару показалось, что между прутьями беседки мерцает слабый свет.

Троица, не сговариваясь, приникла к щелям.

Негромко переговариваясь, по ступеням, ведущим из дома в сад, спускались какие-то люди.

В первом, массивном и невысоком, варвар безошибочно признал Кофийца. Вторым оказался Фидхельм, настороженно вертевший головой, словно бы обнюхивая ночной воздух. Легионер нес фонарь, прикрытый тряпицей для менее яркого света, и левой рукой непроизвольно оглаживал рукоять меча. Третьим шел человек весьма странного облика, хотя вполне знакомый обоим охранникам — когда челядь Гельге высыпала встречать караван, этот человек, дворецкий по имени Тхим Хут, отдавал распоряжения. Про кхитайцев, живущих далеко на Восходе, Конан прежде только слышал и вот впервые в доме купца увидел воочию. Тхим Хут был ростом с тринадцатилетнего ребенка, хрупкий, большеголовый, с черными, как смоль, волосами и непроницаемым выражением узких глаз, блестящих на безбородом смуглом лице. Перед собой дворецкий тащил сверток, сжимая его обеими руками. Сверток вы-



глядел нетяжелым, хотя довольно объемистым. В движениях кхитайца Конану почудилась какая-то непонятная торжественность.

Обогнув дом, Гельге и Фидхельм вошли в одну из пристроек — чуть слышно скрипнули дверные петли — оставив дворецкого снаружи. Тот положил свою загадочную ношу на землю, присел и стал терпеливо ждать, похожий на каменную горгулью вроде тех, какими иногда украшают крыши храмов и богатых домов.

Выжидали и трое в беседке, хотя их любопытство в равной мере мешалось со страхом. Конан понимал, что, если их присутствие обнаружат, дело может обернуться крайне скверно, и догадывался — остальные двое тоже об этом прекрасно знают.

Вскоре из дверей показался Фидхельм. Пятаясь задом и отдуваясь, он волок здоровенный сундук из тикового дерева. Схожий ящик Конан прежде видел в фургоне, когда лазил туда за оружием. С другой стороны груз поддерживал сам Гельге, чье лицо перекосилось от напряжения.

«С какой радости достопочтенный Кофиец развлекается по ночам тасканием тяжестей?!» — пронеслось в голове у Конана. Словно бы услышав его мысли, Гельге пробормотал ругательство, четко слышное в ночной тишине, и выпустил ношу. Фидхельм, зашипев, бросил свой край.

Ящик с глухим стуком ударился о твердую землю.

Волосы у киммерийца, да и у Дагоберта с Вивией, встали дыбом.



Из ящика, похожего на гроб, в каких хоронят своих мертвцев уроженцы Шема, Офира и прочих стран к полуночному закату от Стикса, донесся громкий хриплый стон — стон умирающего человека.

\* \* \*

— Много чести этому дохляку — тащить его в сундуке через весь дом! — рявкнул Гельге, не слишком сдерживая голос.

То ли благодаря тому, что ни единого звука более не нарушало тишину ночи, то ли вследствие выгодного расположения беседки и каких-то особенностей места каждое слово из последовавшего засим разговора совершенно ясно долетало до троих невольных наблюдателей.

— Хорошо, хорошо, только не ори так громко, — очень спокойно и совсем не так подобострастно, как днем и при свидетелях, ответил Фидхельм. Кхитаец даже не пошевелился и вообще, казалось, задремал. — Неподалеку могут болтаться мои охранники, совершающие ночной обход. Ты ведь не хочешь, чтобы тот долговязый киммериец вылез из кустов и предложил нам свою помощь, а, почтенный?

На какое-то время купец онемел, уставившись на Легионера с выражением крайнего негодования.

— Совсем рехнулся? — прошипел он наконец. — Не мог назначить на сегодня кого-нибудь из прежних? Или вообще отменить обход?



— Да мне плевать... — начал немедиц. Но-вый, более громкий стон, раздавшийся из загадочного ящика, прервал его на полуслове.

Тхим Хут негромко кашлянул.

— Да простят мне благородные господа, — еле слышно прошелестел он со своим непередаваемым кхитайским произношением. — Не надо ссориться. Не надо кричать. Мне кажется, сундук все равно бы не прошел, в доме очень узко... кое-где. Я предупреждал. Лучше вынуть... э-э... тело.

— Но он же пешком двух шагов не сделает! — взорвался Гельге. — Он лежит там, не двигаясь, от самой Нуналли!

— Проклятье, Гельге, — Фидхельм, похоже, также начинал терять терпение. — Как мы приводили остальных? Возьмем его под руки. Где своими ногами, где волоком... Завяжем рот тряпичкой, чтоб не стонал. Ящик бросим обратно в сарай, и дело с концом.

— Не узнаю вас, господин, — сокрушенno сказал кхитаец. — Вы словно в первый раз. Что случилось?

Все трое посмотрели на массивный ящик, будто надеясь прочитать на его крышке некий ответ. Гельге достал вышитый платок и нетерпеливым жестом вытер мокре лицо.

— Ничего не случилось. Этот, — купец ткнул пальцем в сундук, похожий на гроб, — он очень важный... очень сильный посредник. Ловец Душ особо просил о нем, помнишь?

— Еще бы он не помнил, — пробормотал Фидхельм, озираясь.



— Мы ведь никогда раньше не привозили... издалека, — продолжал Гельге. — Ну... Волнуюсь я просто.

— Время уходит, — деликатно напомнил дворецкий. Отложив в сторону свой сверток — Конан только сейчас сообразил, что формой и размерами эта штука как раз напоминает большую книгу — кхитаец неуловимым движением перетек из сидячего положения в стоячее. — Простите, господин.

Трое в беседке молча наблюдали, как Тхим Хут и начальник стражи снимают с ящика довольно тяжелую крышку. Что в этот момент думали прекрасная госпожа Ханаран и белобрюхий гандер, неизвестно. Конан же напряженно решал: как быть? Что делать прямо сейчас? В сундуке, понятно, человек. Похоже, тайно вывезенный из Немедии. Вот он: Фидхельм и Кофиец совместными усилиями выволакивают из недр тикового ящика худую полуобнаженную фигуру, слабо шевелящуюся и издающую невнятные звуки. Выпрыгивать из кустов с клинком наголо и с воплем: «Отпустить немедленно»? Поднять тревогу? Спускать собак, отправить Дагоберта в казарму стражи за помощью?

Нет, все не то... Кого хватать? Хозяина дома с начальником стражи? А дальше что? Если купец с Легионером и впрямь затевают некое черное дело, то Фидхельм попросту зарубит обоих незадачливых спасителей еще до того, как поднимется шум. Что-что, а мечом немедиец владеет превзрядно... А коли дело вовсе не черное? Может,



все обстоит совсем иначе? Скажем, вывез Гельге из Немедии бедолагу, какого-нибудь своего неудачливого компаньона по торговле, провел через три границы и тем самым спас от преследования властей и неминуемой гибели? Сейчас отведет в дом, подлечит, накормит... Если так, то Конан, вмешавшись не в свои заботы, выставит себя круглым дураком и потеряет во всех отношениях прибыльное место. Это в лучшем случае, а в худшем, если хозяин сочтет варвара нежелательным свидетелем, где-то в укромном месте опять-таки будет поджидать Фидхельм со своим быстрым мечом...

Да, и Вивия! Что делать с ней?! Как объяснить мужу, чем занималась его возлюбленная супруга посреди ночи в беседке с двумя стражниками?

Проклятье! Все змеи Сета!

Покуда Конан терзался раздумьями, разыгрываемое перед ним таинственное действие успело закончиться.

Незнакомец, прибывший в усадьбу «Рубиновая лоза» столь диковинным образом, скрылся в недрах старого дома, обвиснув между Фидхельмом и Кофицем и скорее бессильно волоча ноги, нежели самостоятельно их передвигая. Последним вошел Тхим Хут, зажав свою книгу под мышкой и высоко неся фонарь, — оглядел напоследок сад и закрыл тяжелую дверь.

Какое-то время после того, как погас последний лучик света в саду, троица сидела неподвижно и не издавая ни малейшего звука. Первым молчание нарушил Дагоберт, и неудивительно,



что с вопросом он обратился к Вивии Ханаран. Кому, как не хозяйке дома, знать обо всем, что происходит в ее владениях?

— Досточтимая госпожа объяснит нам, что тут происходит? — воскликнул гандер, от волнения наплевав на правила куртуазии. — Хорошие дела! Это что же, выходит, ваш муженек людей похищает?

Вивия отшатнулась и поднесла руку к губам, словно бы в жесте отчаяния, однако голос ее прозвучал ровно и холодно как раз настолько, чтобы отрезвить зарвавшегося стража.

— Ты что, требуешь у меня отчета, наемник? Я, Вивия Ханаран, должна объясняться перед тобой?! Мой муж — честный и благородный человек, и я не сомневаюсь, что...

Она вскочила, яростно сверкнув глазами, хотя Конану, по-прежнему молча взиравшему на все происходящее, показалось, что за напускным гневом молодой аквилонки скрывается нешуточный страх.

— Могу твердо обещать только одно, — продолжала госпожа Ханаран тем же ледяным тоном. — Если мой супруг узнает, что вы что-то видели... если вы разболтаете или посмеете хотя бы заикнуться... Боюсь, нам придется подыскивать двух новых стражников! Молчите, слышите?

Женщина решительно направилась к выходу. Конан негромко произнес ей вслед:

— Двух новых стражников найти легче, чем одну новую жену, госпожа. Как неудачно, что вы тоже... все видели.



Узкие плечи аквилонки дернулись, будто от удара плетью. Еще мгновение, и госпожа Вивия скрылась за поворотом дорожки, ведущей к женской половине.

Дагоберт посмотрел на напарника круглыми от недоумения и гнева глазами.

— Тебе не кажется, что для одной ночи многоувато? — наконец справившись с волнением, осведомился гандер. — Сперва эта красотка любезничает с нами так, словно готова назавтра отиться. Потом оказывается, что ее благоверный из самой Немедии неведомо зачем притащил полуторуп. А под конец девица прикидывается разъяренной гарпией и грозит двум отличным парням страшными караими, хотя только слепой не заметит, что она сама чуть жива от ужаса! Что за дерньмо тут творится, хотел бы я знать! Как думаешь, расскажет она Гельге?

— Вряд ли, — задумчиво сказал варвар. — Если, конечно, не полная дура — а вроде не похожа на таковую. Знаешь, есть у меня впечатление, что теперь мы с госпожой Вивией вроде как погрязли в одной веревочкой. Не станет она нас сдавать, побоится. Пойдем-ка, посмотрим кое-что.

Впрочем, осмотр саarya, из коего вынесли ящик с секретом, так же как и самого ящика, ровным счетом ничего не прояснил — разве только при скучном свете масляной лампы Дагоберт отыскал искусно замаскированный ряд дырочек для дыхания на нижней части сундука, а потом, брезгливо отстранясь, вытянул со дна гроба какую-то невообразимо вонючую рванину.



Тряпье при более внимательном рассмотрении оказалось нижней рубахой из тончайшего батиста. Конан пошарил еще и нашел остатки камзола.

— Будь я проклят, — изумленно пробормотал Дагоберт, помяв в пальцах лоскутъя. — Зингарский муар, сорок империалов за штуку! Уж я-то знаю, мой дядя держал в Галпаране лавку. А шитье, ты только глянь! Кого он привез, а? Королевского постельничего? Что ты обо всем этом думаешь, Конан?

— Думаю, пока нам обоим следует помалкивать и держать ухо востро. Вивио обходи за десяток шагов, ясно? — Дагоберт истово кивал в ответ на каждое слово, и подобное внимание со стороны более старшего гандера Конану несказанно льстило. Он вдруг ощущил себя умным, сильным и хитрым, а охотничий азарт близкого опасного приключения заставлял кровь быстрее струиться в жилах. — Да и Гельге старайся без лишней нужды на глаза не соваться. Мы еще выведем этот змеиный садок на чистую воду...

Приятели вышли на свежий воздух и оглянулись, лишь отойдя от сарая на изрядное расстояние. Вокруг, как и прежде, простирался знакомый мирный пейзаж, верещали сверчки, все дышало сонным спокойствием. Однако на сей раз, словно некая пелена спала с глаз киммерийца, он по-новому увидел воздвигшуюся над садом громаду роскошного особняка из розового туфа.

Дом, в зыбком свете молодой луны кажущийся черным, представился ему вместилищем поро-

ков и зловещих тайн, источающим непонятную угрозу.

\* \* \*

...Благоразумия Дагоберта хватило ровно на три дня, до первой встречи с красавицей-аквилонкой, вышедшей погулять по саду в сопровождении двух молоденьких служанок.

С этого дня он сделался задумчив, неизменно отклонял заманчивые предложения выпить вместе или скротать приятный вечерок за игрой в кости и старался уединиться где-нибудь под благовидным предлогом. Уединяясь, он обычно прихватывал с собой свою потрепанную лютню, и тогда, случалось, в неподвижном воздухе слышался откуда-то негромкий и неуверенный струнный перебор.

Стражники помоложе понимающе усмехались, те, что постарше, неодобрительно качали головами. Конан, как мог, пытался вразумить приятеля, но добился в конце концов только ссоры, едва не закончившейся дракой. Влюбленный Дагоберт упрямко не желал прислушиваться к голосу здравого смысла. Оставалась призрачная надежда, что с упрямцем побеседует Легионер и вобьет пинками то, что не доходит словами, однако Фидхельм вскоре спешно собрался и покинул поместье, взяв с собой троих наиболее доверенных тургаудов. Вместо него на воеводстве остался ир'Габали, пожилой вислоусый туранец, служивший некогда в дворцовой гвардии государя Ил-



диза Туранского. А с голубятни при доме, где держали почтовых птиц, выпорхнули подюжинны быстрокрылых гонцов, унося привязанные к лапкам депеши.

Гельге на глаза не показывался, будто скрываясь в недрах огромного дома — лишь кухонные девчонки исправно носили еду в господские покои. Вивия при случайных встречах делала вид, будто ничего не произошло, и упорно не замечала ни Конана, ни измученного безответным чувством гандера. Тхим Хут, напротив, был вездесущ, его голос звучал, казалось, во всех уголках обширного поместья, и там, где появлялся хрупкий хитаец, люди начинали работать с удвоенным рвением.

Один только Кетлик ничего не имел ни за, ни против пылкой страсти Дагоберта. Молодой шеф исчез из имения начисто, исчезли также его вещи, оружие и тщательно скопленное жалованье. Это случилось через день после таинственной сцены в саду. Конан попробовал осторожно выяснить, куда мог подеваться тургауд, но точного ответа так и не получил. Даже караульщики у ворот недоуменно пожимали плечами: нет, не выезжал... конь по-прежнему в стойле... сбежать, конечно, мог, хотя это и непросто, но — зачем? Да и далеко ли уйдет незамеченным пеший беглец по землям, где каждый крестьянин знает всех своих соседей и где в каждом дворе злющие сторожевые псы? Фидхельм, получив известие о загадочной пропаже, скривился, но махнул рукой. Удрал, мол, и удрал, Сет ему в попутчики.

Человек — не иголка, попадется где-нибудь. А и не попадется, плевать.

Все это казалось киммерийцу донельзя подозрительным. Воспользовавшись временным послаблением, покуда тургаудами командовал ирТабали, он стал искать способа тайно проникнуть в дом, разумно предполагая, что разгадка обязана таиться где-то в глубине огромного строения. Его попытки увенчались успехом, причем довольно неожиданным: одной из горничных, разбитной рыжеволосой Ардис из Ванахейма, приглянулся молодой воин, цвет глаз коего напоминал о голубых льдах далекого Эйглофиата. Несколько жарких ночей были наполнены страстными объятиями и взаимными клятвами в вечной верности — в каковые, впрочем, ни тот, ни другая всерьез не верили — а в промежутках между поцелуями Конан получил ключ от задней двери в господский дом и выслушал уйму рассказов, показавшихся ему, в свете определенных событий, весьма интересными.

— Дом этот, — рассказывала Ардис, — построен еще прадедом господина Гельге лет сто назад, а может, и больше. Семейство Ханаран живет в этих краях очень давно. Другое дело, что Ханаран не всегда были такими богатыми. Раньше им принадлежал только небольшой участок земли под виноградниками, не очень хороший, — только то, что вокруг нынешнего поместья, самое большое, на поллиги. Дед господина Гельге дальше Хоршемиша, где у них какая-то родня, никогда не выезжал. Отец держал там скромную ви-



ноторговлю и постоянный двор. Это уже Гельге Кофиец отстроил сад и скопил всю округу, с самой Тарантией торгует, да ниспошают ему боги долгой жизни и отменного здоровья.

— И как же ему удалось? — хмыкнул киммериец. — Умер дядя в Хоршемише и оставил полный сфинкс в наследство?

— Этого я не знаю, врать не стану, — Ардис, прижимавшаяся к боку варвара своим горячим телом, внезапно посерезнела. — Я ведь служу в доме не очень долго. Вот старая Эйхнун здесь почти всю жизнь, она еще прежнего господина застала. Так она рассказывала, что, когда Кофийцу исполнилось два десятка зим, он одолжил у отца немного денег и уехал с караваном, уходящим на Восход. Когда он вернулся спустя два года, у него был уже свой собственный караван. Он приглашал отца с собой, убеждал, что сидя в захудалой винной лавке, состояния не нажить, но тот отказался, и господин Гельге опять уехал. Так он уезжал несколько раз, всегда надолго, и возвращался всякий раз все богаче и богаче. В последний раз у них с отцом даже вышлассора, потому что старый господин говорил, что такие деньги не к добру и что честным трудом столько не заработкаешь. Эйхнун говорила, они очень друг на друга кричали, а потом молодой Ханаран выбежал весь красный, в страшной ярости, и тем же вечером уехал, а спустя две луны старый господин умер, и дом отошел к Гельге. Это лет пятнадцать тому случилось... Ой, только я тебе этого не говорила, ясно?

— Ясно, — великодушно пообещал Конан, подавляя понятное желание обнять девицу покрепче. — А когда дом отстроили заново, не знаешь?

— А его два раза перестраивали, — сообщила ванирка, устраиваясь поудобнее и подперев щеку ладонью. — Один раз совсем недавно, при мне, но — так, по мелочи: крышу перекрыли, сделали новое крыльце, по-другому разбили сад... А в первый раз — это когда господин Гельге привез свою первую жену. Мне девочки рассказывали...

— Постой-постой, — перебил киммериец. — Так Вивия у него не первая жена?

— Да что ты, конечно, нет! Ой, это же такая история! Рассказать?

Конан молча кивнул, и Ардис начала свой рассказ, время от времени прерываясь, чтобы обменяться поцелуем с киммерийцем или игриво куснуть его за мочку уха.

— Меня тогда в поместье не было, и я тебе расскажу то, что сама знаю со слов старожилов. После смерти отца Гельге вернулся в «Рубиновую лозу» и осел здесь надолго. Уже тогда золота у него было — пропасть, большей частью лежало оно в казначействах Офира и Кофа, сколько-то Кофиец возил с собой для торговли. Пока старый господин был жив, Гельге оставлял часть своих доходов ему. Он надеялся, что отец употребит эти деньги с пользой, но потом выяснилось, что старший Ханаран даже не притронулся к полученному золоту, оно так и лежало в сундуках. Первым делом Кофиец взялся скучать окрестные виноградники. Не все землевладельцы соглаша-



лись продать свои наделы, но в конце концов Гельге всех переупрямил. Там, где не получалось добром, в ход шла хитрость, лесть, угрозы, а то и сила — как раз тогда в «Рубиновой лозе» впервые появились тургауды, наемная гвардия. Не прошло и года, как молодой Ханаан стал полновластным хозяином всех земель вокруг поместья, где только может плодоносить лоза. А добившись своего, в один прекрасный день Кофиец вновь собрал караван и отправился на Восход.

Странный это был караван, скажу я тебе. Странная Эйхнун вспоминала, что пузатых винных бочек на продажу не было вовсе, а было лишь несколько маленьких бочонков самого лучшего вина. Зато охапками носили драгоценные ткани, в одной из повозок двойное дно набили изделиями лучших ювелиров Заката в плоских ящичках, а вокруг гарцевали на горячих конях все воины, сколько было их в поместье. Кое-кто говорил, что молодому господину опротивел отцовский дом, и он собирается поселиться в блистательном Аграпуре; другие шептали, что после смерти отца Гельге хочет распродать все и зажить в свое удовольствие, как богатый бездельник. Итак, он уехал, и прошло целых два года, прежде чем...

Ардис и сама увлеклась повествованием. Ее голос обрел силу и мечтательную напевность, и варвар, прикрыв глаза, на зыбкой грани между явью и сном в какой-то миг ощутил удивительную раздвоенность. Он оставался воином с Полуночи, бездумно ласкающим женщину на любовном ложе; и он же, прищурив глаза от красного



закатного солнца, смотрел из-под руки на уходящую вдаль пыльную ленту дороги. Он был Конаном из клана Канах — и молодым стражником у ворот поместья в те времена, которые теперь помнит разве что старая Эйхнун. Словно наяву, увидел он вдалеке сквозь черные прутья ворот — не нынешних, ажурных и легких, а тяжелых и грубых, вышедших из-под молота деревенского кузнеца — медленно ползущую черную точку. И понял, что хозяин наконец вернулся, и это понимание наполнило его странным, смешанным чувством облегчения, радости и смутного страха.

Черная точка приближалась, окутанная пыльным облаком.

Сигнал уже дан, усадьба наполнилась людьми, движением, голосами... а он все всматривался до рези в глазах, пытаясь понять: где же три подводы с драгоценностями? Где два десятка до зубов вооруженных всадников? Где породистые кони, где верблюды, нагруженные припасами для долгого и трудного пути, где, наконец, сам молодой господин, веселый и молодцеватый Гельге Кофиец, Нашедший Корни Радуги?

Фургон близко... один фургон, накрытый пыльным синим тентом. Всего один. Заморенными лошадьми правит кто-то в истрепанной черно-зеленой тунике тургауда. И всадник на вороном жеребце, торопящийся первым успеть к открывающимся воротам... вот он спешивается, проходит под аркой, ведя в поводу взмыленного коня, обворачивается навстречу подъезжающему фургону... Могучие боги, неужели дородный Кофиец ко-



гда-то был таким?! Трудно представить: всадник статен и широкоплеч, в его фигуре нет ни малейшего намека на обширное чрево в будущем, черная борода подрезана коротко и аккуратно, кривой туранский ятаган у бедра — скорее воин, чем купец... Но это он, все сомнения отпадают, достаточно увидеть его лицо — оно почти не изменилось с течением лет.

Умное, жесткое, волевое лицо сильного человека.

И все же это лицо не понравилось Конану — ни той части его разума, что загадочным образом заглянула в далекое прошлое, ни настоящему киммерийцу, рассеянно внимавшему повести рыжеволосой Ардис.

Варвару уже не раз доводилось видеть и этот мрачный упорный огонек в глазах, и слишком крепко сжатые челюсти, и нахмуренные брови. Так выглядит игрок, поставивший на кон все свое состояние, фанатик Эрлика Кровавого, идущий на смерть во славу своего божества, или алхимик, посвятивший жизнь поискам вечной молодости. Так выглядит воззвавший к Силам, которые лучше не тревожить. Какая-то темная, тайная страсть бушевала под мужественным обличьем молодого Гельге. С годами этот отпечаток сотрется, сделавшись менее явным, — но вот отпустит ли Кофийца его странная одержимость?

Между тем фургон останавливается, и возница, чья внешность Конану также знакома, спрыгивает с козел... отдергивает запыленный полог...

— ... Тогда-то и стало понятно, отчего караван



в восходные страны был таким странным — ведь собирали его не для торговли. Кофиц ехал за невестой, и он вез с собой дорогой выкуп, ибо невеста была высокого рода. Что там у них произошло — никто не знает, кроме тех троих, что вернулись, а они не рассказывают никому. Два десятка отборных воинов и все драгоценности Кофийца остались в далекой стране на Восходе, но главное сокровище все же досталось Гельге — недаром говорят, что Кофиц всегда добивается своего. Ее звали Льен Во. Она была кхитаянка, дочь верховного жреца, и она была красавица — так говорят. А спустя одну или две луны... Эй! Ты что, спиши? Да еще и бормочешь что-то во сне... — вздрогнув, Конан очнулся от своей странной полудремы — его нетерпеливо теребила Ардис. — Ну понятно, какая из меня рассказчица! А я-то стараюсь...

— Ты очень хорошая рассказчица, — совершенно искренне уверил киммериец. — Я словно наяву все увидел. Так значит, из той поездки вернулись только Гельге и Фидхельм? И именно тогда в поместье появился кхитаец...

Ванирка скрчала капризную гримаску, но Конан привлек недовольно надувшуюся девицу к себе и крепко поцеловал в полные губы. Ардис ответила на поцелуй с не меньшим пылом, и прервались они нескоро. Когда же объятия наконец разомкнулись и сердца забились ровнее, Ардис с блаженным вздохом вновь откинулась на подушки, смеясь:

— С каждым разом у тебя получается все луч-



ше и лучше, Конан! Это что, мои сказки так на тебя действуют?

— А вот расскажи еще, и проверим! — хмыкнул варвар. — Так что же было дальше?

Но этой ночью рассказов более не было. Словно почуяв что-то, Ардис упорно обходила стороной скользкую тему, отшучивалась, а потом прямо заявила, что расспросы приятеля ей надоели. Сколь бы ни был настойчив Конан, почувствовал и он, что большего от взбалмошной подружки не добиться. Впрочем, пока довольно и этого.

Незаметной тенью он выскользнул из задней двери уже крепко под утро. Ардис оказалась неутомима в любви, это было и прекрасно и утомительно разом — еще не добравшись до своего лежака в доме стражи и предвкушая желанный, хоть и недолгий отдых, Конан уже начал мечтать о следующей встрече. Что же до загадок и тайн, то, с одной стороны, их прибавилось, с другой — варвар чувствовал, что находится на верном пути. Не этой ночью, так следующей или седмицу спустя он услышит окончание истории. Возможно, тогда какие-нибудь части головоломки встанут на место. Еще он положил себе непременным поговорить с Эйхнун, той самой старой служанкой, что помнила еще отца Гельге Кофийца. Уж она-то точно должна знать обо всем, что творится под сводами богатого купеческого дома.

Этой ночью дозор несли Хатлави и Мугдаш. Неуклюжая скрытность Конана, спешившего до рассвета вернуться в казарму с ложа любовницы, конечно же, не ускользнула от их бдительного



ока, а киммериец, в свою очередь, заметил их. Впрочем, ни дозорных, ни Конана эта встреча ничуть не встревожила, скорее напротив — повеселила. Любовные подвиги среди тургаудов почитались делом достойным, излишнее воздержание проходило по ведомству самых гнусных извращений, а учитывая, что в усадьбе работала прорва смазливых девиц, грешки подобного рода водились за каждым из воинов.

Вернувшись в дом стражи и прокравшись между хралящих на лежаках собратьев по оружию, Конан с легким сердцем нырнул под свое одеяло из верблюжьей шерсти и вскоре уже крепко спал. Он не обратил внимания, что на дощатых нарах пустует еще одно место — а если бы обратил, то встревожился бы не на шутку. Постель Дагоберта оставалась нетронутой, и можно было прозакладывать сотню империалов против медного шемского сикля, что влюбленный гандер коротает ночь отнюдь не в объятиях служанки.

\* \* \*

...Я сложил балладу, госпожа, как вы и просили — она совсем новая, и в ней говорится о любви и вине. Мне кажется, она хороша... не соблаговолите ли выслушать... хотя я не знаю, можно ли сейчас...

Дагоберт мучительно краснел и запинался, тиская лютню так, что дерево в его сильных руках вот-вот грозило треснуть. И немудрено — тяжело сохранять спокойствие духа и особенно



плоти, когда сидишь на шелковых подушках, а на расстоянии вытянутой руки от тебя возложит самая желанная женщина на свете. Вивия Ханаран, наблюдая за мучениями новоявленного скальда, понимающе улыбалась. В этой улыбке таилась и насмешка, и обещание, и призыв. Сама юная аквилонка, делая вид, что выбирает на позолоченном блюде самую спелую виноградную гроздь, как нарочно, принимала такие позы, от которых у Дагоберта перехватывало дыхание.

— Можешь спеть, если сдержишь свой голос, — разрешила Вивия. Они находились на женской половине господского дома, в личных покоях госпожи Ханаран, а пути, коими гандер проник в опочивальню аквилонки, ведомы были лишь им двоим да особо доверенной служанке, вовремя приоткравшей некое окно и оставившей в укромном месте некий ключ. — Стены дома очень толстые, да еще эти огирские ковры на них приглушают звуки, но все же постарайся петь негромко. Да сядь ближе ко мне, воин, чтобы я расслышала все как следует и вознаградила певца по достоинству, если баллада и впрямь окажется хороша. Но берегись, если она мне не понравится!

Аквилонка говорила вроде бы игриво, но взгляд ее изумрудных глаз оставался холодным, оценивающим и пристальным. Окажись на месте влюбленного гандера кто-нибудь более здравомыслящий, непременно понял бы, что госпожа Ханаран затеяла некую игру, в которой простаку с лютней отведена незавидная роль жертвы. Но



ослепленный страстью Дагоберт не замечал подвоха — он вообще не замечал ничего, кроме роскошного тела Вивии, столь близкого и пока что недоступного, ее чарующего голоса и серебристого смеха.

Дагоберт послушно придвигнулся ближе, и вдавшая виды лютня отозвалась на прикосновение его пальцев чистым струнным перебором.

Нет у вина адресата...  
Кому оно посвящено —  
Знает лишь мастер, создавший вино,  
И та, что пригубит вино...  
Черные терпкие капли  
С губ пезаметно сотрет —  
Не говори ничего, винодел,  
Она и без слов все поймет...  
  
Глядя в рубиловый сумрак,  
Тонко смакуя питье —  
Что нам за дело, как звали его  
И как называли ее!  
Но, коль неведомой тайны  
В пурпур не заключено,  
Не претворится вино никогда,  
И в кровь не вольется вино  
Никогда...  
  
Встань, и протяни бокал, и  
Стань адентом на пороге  
Тайн, и в матовом бокале  
Отразятся боги; и бесстрастье —  
Слово не для вин, а  
Страсть — не слово для веселья.  
Мастер винограда солнце растворит во тьме:  
Так родится Вино...



Песня в самом деле удалась на славу — никогда прежде Дагоберту не удавалось сложить ничего подобного. Впрочем, женщин, подобных Вивии Ханаран, на его пути доселе тоже не встречалось.

Золотоволосой аквилонке явно понравилось услышанное. Она забыла о своем винограде, в глубине зеленых зрачков мелькнуло странное выражение: грусть, смешанная с растерянностью. Вивия боролась с уже принятым ею решением — но первоначальный замысел одержал верх.

— Я ошиблась, — произнесла госпожа Ханаран, сядясь на постели. — И впредь буду осмотрительнее, иначе мое сердце окажется безвозвратно разбитым. Откуда же мне было знать, что простой наемник способен превзойти придворных менестрелей? Ты заслужил свою награду, Дагоберт... правда, ты не сказал ничего о золоте, но все равно...

Гандер, опешивший от столь высокой оценки его талантов, не успел ничего ответить. Женщина подалась вперед, узкие кисти скользнули по плечам Дагоберта, лицо Вивии с приоткрытыми, маляющими губами вдруг оказалось так близко от его лица... Многострадальная лютня упала, глухо тренькнув — от повреждений инструмент спас только толстый ковер — ибо обе руки ее владельца вдруг оказались заняты куда более привлекательным на ощупь предметом, нежели бесстрастное дерево.

Поцелуй длился... и длился... и длился. Пальцы Дагоберта запутались в многочисленных склад-



ках просторного одеяния Вивии, но все же он сумел прикоснуться к дразнящим воображение изгибам и округлостям ее тела. От густых шелковистых волос женщины пахло дурманящим, кружащим голову ароматом каких-то цветов. Ее губы были нежными и требовательными, а ладони — такими ласковыми... Но стоило гандеру перейти к более решительным действиям, как он ощутил сопротивление. Тонкие руки, только что лежавшие на его плечах, уперлись ему в грудь. С изумлением и обидой певец понял, что его отталкивают — мягко, но непреклонно.

Госпожа Ханаран высвободилась, переводя дыхание, ставшее быстрым и прерывистым, но не пытаясь устраниТЬ беспорядок в одежде. Дагоберт таращился на нее снизу вверх, искренне недоумевая — все вроде шло так замечательно, он уже почти добился благосклонности Вивии, так в чем же дело?

— Нет-нет, воин, — аквилонка упрямо замотала головой, уложенные в узел светлые волосы рассыпались. — Я обещала вознаградить тебя за песню, и только. Не стану отрицать, ты мне нравишься... Очень нравишься, даже слишком. Но я аквилонская дворянка и замужняя женщина. Узы брака и чести не так-то легко отбросить, понимаешь? Одной песни недостаточно, чтобы...

Внезапно Дагоберт понял, что ощущает человека, под которым рушится мост и разверзается пропасть глубиной эдак в четверть лиги. Ну конечно, а чего он еще ожидал? Что благородная супруга Гельге Кофийца с готовностью уляжется



под какого-то наемника? Вивия поиграла с ним, как кошка с мышью, соизволила одарить парочкой страстных поцелуев, разрешила дотронуться до себя — и указала на дверь. Появилась на миг и скользнула пакостная мыслишка о том, что добиться желаемого можно и силой. Госпожа сама упомянула, что стены в доме толстые, на дворе глубоко заполночь, ее крики вряд ли кто услышит... Да, но что будет потом? И вообще, у него не хватит сил поднять руку на прекрасную женщину, которую он обожает... Наверное, Конан был трижды прав, твердя, что стоит держаться подальше от Вивии Ханаран.

И тут гандер ощутил иное чувство — снедавшие его только что обида и удивление пропали, уступив место яростной решимости, той самой, которая с речного обрыва толкает в глубокий омут.

— Я понял, госпожа, — поднявшись с мягких подушек, он поклонился коротко и подхватил за одно позабытую на полу лютню. — Я был глуп, полагая, что сердце красавицы можно завоевать одной лишь хорошей песней. Герои древних саг во имя любви шли на смерть и возвращались с края света — неужели же они любили сильнее, чем люблю я? Чем желаннее сокровище, тем выше цена... что я должен сделать?

Белые зубки Вивии прикусили пухлую нижнюю губку. Аквилонка размышляла, накручивая золотые локоны на палец и не торопясь прогонять своего воздыхателя, а Дагоберт чувствовал лишь, как изумрудный огонь прекрасных глаз



лишает его остатков разума, наполняя взамен безрассудной храбростью. Наконец прозвучал серебристый голос:

— Ты сказал красиво... Твое чувство столь сильно?

Дагоберт молча и яростно закивал в ответ.

— Я не в силах отказать тебе во взаимности, это было бы слишком жестоко, — протянула госпожа Ханаран. — Но любовь для меня — слишком громкое и веское слово, чтобы бросаться им, как разменной монетой. К тому же есть препятствие, и серьезное. Мой муж...

Повисла долгая пауза. Аквилонка словно размышляла, стоит ли продолжать. Дагоберт не перебивал, уже начиная догадываться, что услышит дальше.

— Он богат и знатен, — наконец вновь заговорила Вивия, — он спас мой род от нищенского прозябания... но он чудовище. Окрестные виноградари ненавидят и боятся его, как злого духа, но вынуждены исправно гнуть спину, пополняя его мошну. Я не люблю его, но вынуждена притворяться верной женой и страстной любовницей, когда ему придет фантазия навестить мою опочивальню. Что же до его чувства ко мне... нет, это не любовь, но гораздо хуже: я такая же его собственность, как этот дом или золото в сундуках, красивая игрушка, которой можно кичиться перед компаниями... и еще патент на графский титул. Ах да, ты не знал... Мой отец — граф Рамил диа Лаурин, аквилонский дворянин. К сожалению, далеко не все дворяне богаты...



— Я понял, — враз севшим голосом сказал Дагоберт. — Но если Гельге такое чудовище...

—...то почему никто не добрался до него раньше? Буду с тобой честна: пытались, и не раз. Но все, кто пытался, мертвые, — от этих слов на гандера повеяло могильным холодом, он вздрогнул. — О нет, я тут ни при чем! Много раз на его жизнь покушались те, чьи семьи он разорил, чьи наделы отобрал обманом или силой, чьих детей сделал батраками. Но всякий раз по невероятному стечению обстоятельств Гельге удавалось спастись, а тургауды вершили расправу над мстителем. Думаешь, зачем этой усадьбе крепостные стены, для чего клетки со злющими псами и бдительная стража в саду? Впрочем, дело даже и не в охране. Говорят, мой муж нашел Корни Радуги. Похоже, это и впрямь так. Во всяком случае, есть некая Сила, которой он овладел и которая хранит его, направляет, предупреждает и придает ему просто невероятную удачу. Пытаться прикончить Гельге, пока он под защитой этой Силы, бесполезно, но вот если нанести удар по самим Корням Радуги... тогда, может быть...

— О чём ты? — хрипло спросил Гандер. — Как нанести удар? Куда?

— Слушай: в самом сердце этого дома, — прошептала Вивия, подавшись к нему, — есть железная дверь с хитроумным замком. Ключ от нее хранится у Гельге. Никто не знает, что находится внутри. Но у меня было довольно времени, чтобы обойти весь дом и убедиться, пока муж был в отъезде, что за дверью еще довольно большое

пространство — потайной зал, внутренний дворик или, возможно, зимний сад. Может быть, скопище. Или Гельге хранит там разные удивительные вещи, привезенные из дальних стран — я не знаю, но уверена, что Корни Радуги спрятаны там. Я лишь слабая женщина, мне не добраться до них, а муж запретил даже думать об этом... Но в доме сотня служанок, у каждой из них есть зоркие глаза, чуткие уши и душа, жадная до легкой наживы. Они знают многое, что творится в доме моего мужа, а мне известно все, что известно им.

Проберись туда, Дагоберт. Как ты это сделаешь — твоя забота, но уж постараися не попасться Фидхельму и кхитайцу. Особенно кхитайцу. Если там и впрямь нечто... особенное... уничтожь это. Лиши Гельге его удачи. И тогда... — она на миг прикрыла мерцающие глаза длинными ресницами, — тогда я подарю тебе то, о чем ты грезишь ночами. Не единственное краткое объятие, но любое твое желание, обещаю.

— То же самое ты обещала Кетлику? — эти слова вырвались у Дагоберта сами собой, против воли, и гандера на миг обуял дикий испуг — что, если только что он окончательно и бесповоротно разрушил намечающуюся меж ними связь, оскорбил предмет своей страсти? Тогда хоть в петлю... Однако прекрасная аквилонка лишь удивленно вскинула бровы:

— Кому? Кто это? Тот смазливый шемит, что бежал на днях? При чем здесь он?

— Прости! — облегчение, обрушившееся на



гандера, было столь велико, что он единственным усилием воли удержался, чтобы не пасть на колени перед возлюбленной. — Мой проклятый язык... Парни болтают всякое...

— Я не обижена. Ничуть.

Она замолчала, откинувшись на ложе и испытующе глядя на гандера. Молчал и Дагоберт.

Однако в конце концов именно он нарушил молчание:

— Пробраться в сокровищницу Кофийца... в его святая святых... Если меня поймают...

— Хочешь сказать, награда не стоит риска? Тогда уходи. И не попадайся мне больше на глаза.

— Нет! — воскликнул гандер едва не в голос — так что Вивия испуганно встрепенулась и приложила палец к губам. — Нет... хорошо, я сделаю это. Клянусь, что сделаю.

Еле слышное поскребывание в дверь разрушило повисшую в комнате тишину. Украшенная мозаикой створка чуть приотворилась, внутрь сунулась наглухо замотанная цветастым платком голова, прошипевшая с характерным кофским прищепыванием:

— Госпожа, пора. Он должен уйти, иначе будет поздно. Слуги скоро проснутся.

— Знаю, — отмахнулась Вивия. — Выведи его из дома, чтобы никто не заметил... Ступай, мой герой — и поскорее возвращайся с победой, — она стремительно взвилась с развороченной кровати, повиснув на шее у гандера и на миг крепко прижавшись к нему гибким, вздрагивающим от нетерпения телом.



В коридор Дагоберт вышел, слегка пошатываясь. Всю дорогу до казарм стражи поместья его не оставлял сладкий привкус прощального поцелуя Вивии Ханаран — явственного обещания того, что ждет его в ближайшем будущем.

Аквилонка проводила его задумчивым взглядом. На какое-то мгновение ей стало почти жаль незадачливого гандера, слагавшего такие хорошие баллады — помоги Иштар тому, кто задумает пробраться в зимний сад Гельге Кофийца, в особенности тому, кто в этом преуспеет... Но потом она вспомнила веселого красавца Кетлика, и сердце ее вновь ожесточилось.

\* \* \*

—...Зачем тебе знать это, мальчик с Полуночи? — старая, седая женщина, чьи руки навсегда изуродовала тяжелая черная работа, подозрительно взглянула на Конана. Возрастом она была старше всех слуг, встреченных Конаном в доме купца, жила при кухне, выполняя какую-то пустяшную приборку и присматривая за готовкой. Когда-то, наверное, она была красива и сильна, но теперь даже передвигалась с трудом — и, хотя служанки ловили каждое слово Эйхнун, Конан понимал, что купец содержит старуху только из милости, за какие-то прошлые ее заслуги.

— Мне очень нужно, почтенная Эйхнун, — по здравом размышлении киммериец не стал искать окольных путей в разговоре. Он понимал, что никакой выдуманный повод, никакая отговорка



не обманут проницательную женщину, повидавшую довольно на своем веку, чтобы безошибочно отличить правду от лжи. — Возможно, я гоняюсь за призраками, но мне кажется, в этом доме что-то нечисто... я хочу знать, кому служит мой меч. Хочу докопаться до правды. Почему жители этих мест боятся Гельге? В чем он черпает свое странное знание всего обо всех? Что стало с его первой женой, Льен Во?

— Мудрые говорят: от многих знаний многие печали, — покачала головой почтенная Эйхнун. — Чужие тайны бывают опасны, а ты, судя по твоим вопросам, уже успел к ним прикоснуться. Берегись, пока твои поиски не завели тебя чрезсур далеко! Почему бы тебе не взять пример с товарищей по оружию? Просто служить верно и прожить в достатке, не задавая лишних вопросов? Может быть, ты и сумеешь найти корни радуги... но что ты будешь делать потом?

— Сперва я должен знать, — упрямо повторил Конан. — Если рядом есть какая-то опасность, то мне всегда спокойнее, если я о ней знаю. А если я увижу, что у корней радуги зарыто зло, то никакая сила в мире и никакое золото не заставит меня ему служить.

— Хорошие слова, — хмыкнула старуха, — и идут от сердца... но не от ума. Что есть зло, юноша? Наемник, убивающий за деньги, купец, прощающий голодному хлеб в тридорога, вор, срезающий чужие кошельки — творят они зло или нет? Только не говори мне, что сам вел праведную жизнь!



— А я и не собирался, — пожал плечами варвар. — Не мне спорить с тобой, почтенная, о сущности добра и зла. Что ж, не хочешь — не говори ничего. Тогда, наверное, мне следует извиниться, что побеспокоил тебя своими расспросами, и спросить прямо у господина Гельге или у его кхитайца: что стало с вельможей, которого они тайно привезли в «Рубиновую лозу»?

Эйхнун, помешивавшая в котле аппетитно пахнущее варево, от этих слов киммерийца вздрогнула и выпрямилась.

— В усадьбе сейчас нет чужаков, — пробормотала она. — Я бы знала — ведь мои девочки готовят еду для господского стола и прибирают в покоях, лиший рот не скроешь, если только они опять не... С чего ты взял, что господин привез кого-то тайно?

— Видел, — Конан кратко пересказал таинственные события, случайным свидетелем коих он стал, умолчав, правда, о роли Вивии Ханаран. Старая Эйхнун лишь горестно качала головой, слушая его рассказ.

— Вот оно что... — сказала она, когда варвар закончил. — Значит, снова... Нет, мальчик, ты не ищешь неприятностей — ты уже их нашел, сам того не ведая. Лишь благоволением богов я объясняю то, что ты еще жив и беседуешь со мной. Хочешь хороший совет, Конан из Киммерии? Забирай свои пожитки, выведи из стойла своего коня и исчезни из «Рубиновой лозы» — прямо сейчас, пока нет Фидхельма, а господин отлеживается после... неважно. И твой друг пусть сделает то



же самое. Когда Гельге Ханаран узнает, что вы видели — а он узнает, можешь не сомневаться — я не дам за ваши жизни и медного сикля.

— Так я был прав, и в этом доме действительно творятся черные дела! — воскликнул киммериец. — Но если, по твоим словам, я теперь все равно что обречен — на смерть или на бегство — то почему бы тебе не поведать мне истинную причину? Ведь она известна тебе...

Эйхнун прервала его резким жестом.

— Давно прошло то время, когда чужие тайны жгли мне язык, — сказала она, прожигая юношу странным взглядом — неприязненным и сочувственным одновременно. — Я была кормилицей Гельге. Играла с ним, когда он был ребенком, знала его восторженным юношей — он вырос на моих руках, я заменила ему мать, потому что его собственная не пережила рождения наследника. Да, теперь он сильно изменился, и не в лучшую сторону, но все равно я не могу причинить ему зла, делом или неосторожным словом. Ничего я тебе не скажу. И так уж наговорила довольно. Послушайся моего совета, мальчик, беги отсюда. Забудь тайны семейства Ханаран, они не про тебя...

... Вечером того же дня в «Рубиновую лозу» вернулся из своей семидневной отлучки Фидхельм Легионер с тургаудами. Кони выглядели заморенными и тяжело поводили боками, пока конюхи вываживали их шагом после долгой скачки. Фидхельм, с дороги еще более злой, чем обычно, для порядка наорал на ир'Габали и



скрылся в дом — докладываться хозяину, а тургауды устроили в доме стражи шумное застолье по случаю возвращения. Как решил Конан из их рассказов, поездка представляла собой сущий карательный набег. Некоторые злостные должники заплатили по счетам, пара нерадивых управляющих лишились должности, а некий шемский компаньон Кофийца, вздумавший утаить от партнера изрядную часть прибыли, расстался не только с золотом, но и с головой.

Была, по их словам, и другая часть работы, менее понятная — той занимался Фидхельм. К примеру, знатный иуважаемый купец от одного упоминания какого-то имени начинал трястись от ужаса и покорно выносил шкатулку с драгоценностями. А однажды убитые горем родственники сообщили Фидхельму, что глава семьи, получив голубиной почтой некую депешу, принял яд — но угадайте, на чье имя был отписан дом с имуществом... Легионер унес в дом пухлый мешок, набитый векселями, долговыми расписками и прочими ценными бумагами на кругленьюкую сумму, а ездившие с ним Соджир, Нуксад и Ар-Рахмани довольно потирали ладони, подсчитывая личный барыш.

Насколько понял варвар, то был обычный шантаж, однако вызывала изумление невероятная осведомленность Гельге. Похоже, купчине откуда-то становились известны даже те грязные тайны, что никогда не выходят за пределы семьи, и Гельге безо всякого стеснения использовал свое знание в целях быстрой наживы. Конан по-



думал: не эта ли осведомленность и составляет главную силу купца? Но, в таком случае, что или кто дает ему такую силу?

Когда воинов сморил сон, и на «Рубиновую лозу» опустилась ночная темнота, Конан заснуть не мог — долго ворочался на своем лежаке, терзаемый раздумьями. Если все настолько серьезно, как сказала Эйхнун — а в весомости слов старухи сомневаться не приходилось — то лучшим выходом и в самом деле будет немедленное бегство из поместья.

Может, воспользоваться ее советом? И пропади пропадом толстый торгаш с его темными делишками. Полученные от Кофийца, да так до сих пор и нерастраченные империалы звенят в кошельке, золота хватит надолго. Прямо сейчас встать, отпереть втихаря ворота, оседлать жеребца по имени Бьюри и скакать на восход, пока впереди не замаячат красные стены Акита... Возможно, именно так поступил Кетлик. Что, если некий Конан из Киммерии последует его примеру?

Правда, есть еще Дагоберт. Гандеру тоже грозит опасность, а бросать друга в беде Конан не привык. Ладно, допустим, Дагоберту можно все растолковать и уговорить уехать вместе, хотя неизвестно еще, согласится ли сгорающий от неразделенной любви воин оставить предмет своей страсти. Ну, а прелестница-аквилонка? Той ночью Вивия Ханаран была в злополучной беседке вместе с воинами. Грозит ли ей что-нибудь, если узнает муж?..

И тут киммериец, лежавший в темноте с от-



крытыми глазами, заметил, что не ему одному не спится этой ночью. В нескольких шагах от него один из воинов осторожно откинулся от огнива.

Стараясь не шуметь, Дагоберт соскользнул с постели и принял быстрое одевание.

\* \* \*

Конан наблюдал, как гандер вдевает ноги в сапоги, как осторожно, чтобы не звякнул металл, снимает с крюка перевязь с ножами и прилагивает за спиной меч. Когда Дагоберт, крадучись, стал пробираться между сонными тургаудами к выходу, зашевелился и Конан. Варвар намеренно не стал раздеваться перед сном, всерьез подумывая о побеге, ну а натянуть сапоги и перекинуть через плечо ремень с ножами было делом пары мгновений. Гандер выскользнул в сад. Конан без колебаний последовал за ним, ставя ногу особым образом, мягким перекатом с пятки на носок. Рассохшиеся доски крыльца не скрипнули и ни одна соломинка не затрещала под его шагами, а кусты и неверныеочные тени в свете стареющей луны надежно скрывали киммерийца от посторонних взглядов.

Дагоберт, впрочем, передвигался столь же скрытно и на удивление легко для своего высокого роста и массивного сложения. Каждые пятнадцать-двадцать шагов он замирал и подолгу осматривался кругом, чтобы не нарваться на Кайелана с Мугдашем, этой ночью обходивших дозором усадьбу. Примерно на полпути Конан



понял, куда держит путь его приятель. Покуда гандер осматривался в очередной раз, варвар обогнал его — так что, когда Дагоберт проскользнул в приотворенную дверь конюшни, киммериец уже поджидал его там, спрятавшись в пустующем стойле.

Некоторые кони, в том числе злобный хауренский жеребец Фидхельма, на появление людей отзывались тревожным фырканьем. Дагоберт пошел к стойлу, где стоял его конь, серый в яблоках красавец бритунийских кровей, но, против ожидания варвара, седлать его не стал. Вместо этого он развернулся груду старой конской упряжи, сваленную в угол, и достал оттуда — не тую набитую мошну, как можно было ожидать, а моток прочной пеньковой веревки с равномерно вывязанными по всей длине узлами и трехлапым стальным крюком на конце.

Тогда киммериец вышел из своего укрытия и вполголоса произнес:

— Похоже, мы с тобой думаем одинаково, а, приятель?

Гандер выронил «кошку» и схватился за меч — но, узнав Конана, так и застыл, держась за рукоять:

— Конан?! Какого демона ты здесь делаешь?

— Признаюсь честно — следил за тобой, — усмехнулся варвар. — Теперь твоя очередь отвечать. Далеко собрался?

— А тебе что за дело? — вскипал Дагоберт. — Ты что, сторожем ко мне приставлен?! Вот, понимаешь, подружку навестить хочу!



— Угу, — кивнул киммериец. — А подружка твоя живет на крыше, и без меча к ней в гости не ходи. Я так сразу и подумал, честно!

Он присел и похлопал рукой по стопке попон рядом с собой:

— Тебе не кажется, что пришло время поговорить начистоту?..

... Когда все слова с обоих сторон были сказаны и выводы сделаны — что не заняло много времени, ибо обстановка не слишком располагала к долгим беседам — киммериец, словно ставя точку в разговоре, впечатал кулак в раскрытую ладонь:

— Так! Говоря по правде, я собирался предложить тебе плонуть на здешних хозяев с их секретами и убраться отсюда куда подальше. Но теперь, вижу, одно к одному... думаю, нынешней ночью мы узнаем много нового о радуге и ее корнях!

... Большой господский дом изнутри представлял собой путаный лабиринт коридоров, комнат, дверей и лестниц высотой в два этажа. Будь киммериец и гандер обычными грабителями, пользуясь ими на дорогие украшения или массивную столовую посуду из позолоченного серебра, их задача выглядела бы несравненно проще. Достаточно пошарить в покоях Гельге или его супруги, дабы обеспечить себя на пару месяцев привольной жизни. Опасность случайно натолкнуться на какого-нибудь из припозднившихся слуг, конечно же, не остановила бы двоих сильных и ловких мужчин, каждому из которых в прежней



вольной и не всегда законной жизни уже доводилось бывать в жилищах богачей без ведома их хозяев.

Однако сейчас им предстояло проникнуть в помещение с единственным входом, наверняка надежно спрятанным и охраняемым — во всяком случае, сколько ни пытался Дагоберт после беседы с Вивией отыскать ту самую «железную дверь с хитроумным замком», поиски его успехом не увенчались. Поэтому гандер избрал обходной путь в сердце дома Ханаран — через крышу. Он был убежден, что заветная дверь ведет в маленький патио, внутренний двор, открытый сверху. Такие дворики были почти непременной принадлежностью богатых домов на Полудне. Лето в этих краях жаркое и засушливое, да и зима не приносит сильных холодов, и хозяева поместий обыкновенно устраивали во дворике-патио цветник с фонтаном, чтобы в знойный летний день отдохнуть в прохладной тени.

Правда, если предположение гандера было верным, Гельге Кофиец использовал свой потаенный сад для совсем иных целей.

...Трехлапая «кошка», пущенная сильной и уверенной рукой, негромко звякнула о камень. Дагоберт несколько раз крепко потянул шнур, дабы удостовериться, что стальные крючья зацепились надежно, и проворно полез наверх, сноровисто перехватывая вывязанные на веревке узлы. Место было выбрано с умом — в дальнем углу сада, скрытое за дровяным сараем и подальше от вольеров со сторожевыми псаами. Перед тем двум



лазутчикам пришлось еще долго выжидать, укрывшись в кустах, пока удалятся двое несущих службу тургаудов и покуда скроется за набежавшим облачком щербатая половинка луны.

Наконец гандер оказался на крыше, а спустя недолгое время к нему присоединился Конан. Здесь, на крутом черепичном скате, они были бы как на ладони — две черных тени в серебристом лунном свете, и варвар мысленно воззвал к Покровителю Воинов, чтобы спасительное облачко задержалось на своем месте подольше. Дагоберт ловко вскарабкался на самый верх, на острый конек. Оттуда он радостно махнул киммерийцу и принялся выбирать веревку, чтобы вытравить ее по другую сторону, а Конан тем временем поднялся выше, чтобы убедиться — его приятель был прав в своих предположениях. Внизу в обрамлении красной черепицы лежал черный квадрат двора со стороной в три дюжины шагов. Во дворе было темно, как в печной трубе, лишь кое-где на земле поблескивало стекло да смутно угадывались ряды тонких декоративных колонн вдоль стен. Миг — и веревка сброшена вниз, еще трижды ударило сердце — и оба воина стоят под стеной...

Но едва ноги Конана коснулись мягкой земли, как он почувствовал на своих плечах прикосновение чьих-то сильных пальцев. Нет, не пальцев — что-то длинное и жесткое, похожее на копьевое щупальце, обвило плечи варвара, такое же щупальце обхватило его поперек груди, шуршащие сухие плети стянули руки и прижали локти



к телу... живые веревки, брызнув из-под земли, мигом оплели ноги ниже колен... Конан рванулся с яростным криком, но добился лишь того, что странные путы глубже впились в тело. Рядом так же боролся Дагоберт.

В темноте защелкало кресало, и вспыхнувшие внезапно факелы осветили красноватым отблеском две распятые на каменной стене фигуры — и еще троих, стоящих в отдалении у мраморного постамента, похожего то ли на надгробие, то ли на храмовый алтарь. У одного в руке блестел широкий меч, другой ростом и сложением походил на мальчика-подростка. Конан услышал знакомый утробный смех, и вкрадчивый голос произнес презрительно:

— Жила-была любопытная кошка. Очень она хотела знать, для чего хозяину капкан, и узнала таки, да лишилась головы...

\* \* \*

Дагоберт, спеленатый по рукам и ногам, глухо зарычал в ответ и вновь попытался вырваться. Безуспешно — Кофиец лишь коротко рассмеялся, глядя, как бессильно бьется здоровенный гандер, подобно мухе, угодившей в ловчую сеть паука.

Конан, наоборот, несмотря на всю отчаянность положения, попытался полностью расслабить мышцы. После краткой борьбы с живыми веревками он усвоил, что странные щупальца сжимают свою жертву тем крепче, чем сильнее она рвется на волю, и напротив — немного от-



пускают хватку, когда жертва неподвижна. Ноги и правая рука киммерийца были надежно схвачены, но левое предплечье сохранило относительную свободу. Теперь киммериец пытался изогнуть тело так, чтобы пальцы левой руки доскальяли до голенища сапога — двигаясь очень медленно и плавно, чтобы не насторожить ни хищные узы, ни Гельге, стоящего поодаль.

Кофиец тем временем подошел ближе. Он был одет в просторную темную накидку, перевязанную широким золотым поясом, с могучих плеч свисал теплый плащ — ночь выдалась прохладной. Какого-либо оружия при нем Конан не заметил.

— Зажги-ка светильники, — бросил он Фидхельму.

Легионер убрал в ножны свой отточенный меч, взял один из факелов и двинулся по дорожкам, вдоль которых выселились тонконогие треножники с масляными лампами в бронзовых чашах. От прикосновения факела над чашей вспыхивал яркий зеленый огонь, заметались причудливые тени, сладковатый запах поплыл по дворику — видимо, что-то было намешано в лампадное масло. Гельге заговорил снова, переводя взгляд от одного пленника к другому, и теперь его голос сочился злорадством:

— Вивия была права, гандер, когда рассказывала тебе про Корни Радуги. Они и впрямь здесь, и ты их скоро увидишь... боюсь только, они тебе не понравятся... А тебе, киммериец, надо было послушаться совета старой Эйхнун. Глядишь, и



прожил бы пару лишних дней. Но любопытство сгубило кошку... и еще многих достойных людей. Теперь вас ждет скверная смерть...

— Запугал, уже боюсь, — перебил Конан. — Скажи лучше — кто нас выдал? Твоя верная нянька? Или твоя неверная супруга? Поменял бы ты их местами: молодую на кухню, старуху в покой... а то ведь, гляди, рога в дверь не пройдут...

— За это, варвар, Тхим Хут приглядит, чтобы ты умирал долго, — прошипел Кофиец. — Спрашиваешь, кто вас выдал? Хорошо, я скажу тебе. Спрашивай, юноша, не стесняйся — у нас еще есть немного времени, пока Тхим Хут готовит необходимое, и я готов раскрыть тебе секреты, которых ты столь настойчиво искал!

— Так кто же? — против воли Конана охватило любопытство, но была и иная немаловажная причина: пока Кофиец болтал, упиваясь бессилием жертв, его горящий злобой взгляд был прикован к лицу варвара — и тем меньше было шансов, что купец заметит, как пальцы юноши все ближе подкрадываются к рукояти засапожного ножа.

— Простой ответ: никто! — осклабился купец. — Клянусь плетью Нергала и самой глубокой его ямой, мне не нужны соглядатаи! Еще тогда, той ночью... едва проведя ритуал... я узнал все о ваших нелепых планах и о моей женушке, блудливой суке, изменившей мне с красавчиком-шемитом. Шемит поплатился сразу, вас же троих я трогать не стал: мне стало любопытно.

Вы, два молодых ишака, имели выбор: забыть обо всем — и жить в достатке на завидной службе, ибо я не убиваю без надобности... но вы выбрали иное и тем самым определили свою нынешнюю участь.

Светильники разгорелись, и потаенный садик Гельге Ханарана залил призрачный зеленоватый свет.

В этом свете предметы виделись одновременно и отчетливо, и смутно, как бывает, когда смотришь сквозь толщу чистой морской воды.

Теперь Конану стало ясно, что в патио действительно разбит маленький, очень ухоженный сад — там и тут виднелись стеклянные колпаки разной формы и размера, увитые листвой решетки, пара крохотных деревьев... вот только большинство растений в этом саду одним своим видом вселяли подспудное чувство тревоги. Болезненно перекрученные ветви, гротескные крупные цветы, более похожие на зубастые пасти, длинные шипы, поблескивающие маслянистой влагой...

Повернув голову, Конан увидел то, что его держало — одну из стен патио полностью скрывали побеги вроде бы виноградной лозы, но киммериец даже под пыткой отказался бы отведать ягодку с этого виноградника. Уродливые мясистые листья темно-пурпурного цвета беспокойно двигались без всякого ветра, тонкие колючие усики нетерпеливо тянулись к двум беспомощным жертвам. Один из таких усиков, коснувшись сапога Конана, до сих пор стискивал высо-



хпую тушку здоровенной серой крысы. Варвара замутило, и он поспешно отвел глаза.

Гельге заметил его отвращение, и в блестящих черных глазах Кофийца мелькнула насмешка:

— Ага, ты оценил мою коллекцию редкостей! Надеюсь, тебе понравилось?

— Омерзительно, — искренне признался киммериец, на миг забыв даже о спрятанном в сапоге кинжале. — Понятно, почему ты всю эту дрянь держишь под замком. Это, что ли, и есть твои Корни Радуги?

— Не совсем, — загадочно усмехнулся купец. У мраморного постамента-алтаря кхитаец творил какое-то странное действие — водил в воздухе руками, рассыпая по мрамору порошки из десятка разных мешочеков, непрерывно что-то бормоча на своем наречии и время от времени сверяясь с большой черной книгой зловещего вида. Позади него маялся Легионер, ему явно было неуютно. — Не совсем, варвар. Но за этот садик кое-кто из Рунного Круга Кешлы вырезал бы пол-Хаурана, да еще посчитал бы это выгодной сделкой... Взять хотя бы этот маленький кустик. Яд с единственного его шипа способен убить сорок человек, крохотная склянка, вылитая в колодец, уничтожит население целого города. А вон тот цветок — я привез его из Черных Королевств — человек, вдохнувший его пыльцу, не чувствует боли, даже если ободрать с него кожу живьем... Вот еще травка — настойка из ее семян сделает любого твоим покорным рабом на три дня. Такой раб будет втрое сильнее обычного человека и



сделает по твоему приказу что угодно, но спустя три дня внезапно умрет, а тело его рассыплется в прах — разве не прелесть?.. Я собирал все это по крупицам целых пятнадцать лет!

Конан с отвращением сплюнул:

— А вот та мерзость, которая держит нас, что может она? Летаешь по воздуху, если пожуешь листочек? Или привесишь на шею корешок и делаешься невидимым, но при этом будешь сворачиваться колечком?

— Ах, это, — скучно сказал Гельге. — Ничего особенного. Это хищная лоза из Дарфара. Она просто жрет. Очень удобно, когда нужно избавиться от тела. И очень болезненно для того, кого жрут. Кетлик мог бы многое рассказать об этом, но он уже отмучился... Теперь ваша очередь. И еще кой-кого... Тхим Хут, все ли готово к ритуалу?

— Я почти закончил, господин, — кратко отозвался дворецкий. Голос кхитайца был сухим и бесстрастным, как если бы заговорила каменная статуя, не вedaющая душевных волнений. Конан бросил взгляд в сторону алтаря, стоящего в середине двора на площадке, куда лучами сходились отсыпанные крупным песком дорожки, и увидел, что над гладкой мраморной плитой пляшут крохотные разноцветные искорки. — Еще немножко, и можно будет начинать.

Тут вдруг заговорил Дагоберт. Лицо гандера было искажено страданием, по лбу градом катился пот. Он рвался из удушающих объятий дарфарской лозы со всей силой отчаяния, но добил-



ся лишь того, что путы-побеги стиснули его тело стальными обручами так, что лицо и руки несчастного стали багрово-синими. Голос его звучал хрипло:

— Кто... еще? Она...

— Она, она, — охотно подтвердил купец, обворачиваясь лицом к алтарю и спиной к подвешенным на стене воинам. — Моя проклятая красавица-жена, наставлявшая мне рога, пока я был в отъезде, привечавшая на ложе вонючего наемника, соблазнявшая другого вонючего наемника, чтобы меня прикончить, выведывавшая мои тайны, плюнувшая в ладонь, которая ее кормила. А ведь, Эрлик свидетель, я ее по-своему любил. Может быть, я и простил бы измену... но ядовитую гадюку в доме держать не стану. Сегодня Ловец Душ настется до отвала, и ее я скормлю первой.

— Нет! — простонал Дагоберт.

— Да! — передразнил его Кофиец. — Тхим Хут, сколько еще ждать?

— Подождите еще немного, господин, — произнес кхитаец. В его спокойном голосе пропустила еле слышная нотка напряжения. — Опустошитель получил много жертв в последние дни. Он насытился, его тяжело призвать.

Кофиец хмыкнул и обернулся к Конану.

— Уже скоро, — он пожал плечами. — Так на последок я тебе открою секрет Корней Радуги, варвар. Вот они, в действии.



\* \* \*

— Семнадцать лет тому я был в Кхитае, — начал Гельге. — Там я встретил Льен Во, дочь верховного жреца из храма Небесного Ока. Мне казалось, что я полюбил ее, — купец нагнулся голову и упрямо стиснул челюсти, — и она ответила мне взаимностью. Однажды, когда нам обоим думалось, что наши чувства подлинны и чисты, она доверилась мне настолько, что позволила тайно присутствовать во время одного ритуала...

Они проводили этот ритуал раз в год. Вызывая Ловца Душ — ту тварь, которую сейчас пытается разбудить Тхим Хут — жрецы приносили изголодавшемуся демону жертву, и тот рассказывал самые потаенные секреты двора.

Кто из вельмож плетет интриги, кто нечист на руку, кто замышляет свергнуть Небесного Владыку... они узнавали все обо всех, и никто не мог укрыться от ока Опустошителя — так они называли демона.

Льен, конечно, показала мне ритуал из благих побуждений. Она хотела показать, сколь могучие силы доступны ее отцу, сколь спокоен и несокрушим может быть Владыка, которому ведомы самые сокровенные тайны своих подданных. Такой властитель не боится покушений, ибо знает наперед помыслы своих недоброжелателей; всегда полна его казна, ибо ему известно, кто утаивает доход, а кто честно служит трону, когда лучше покупать и где продавать... словом, ты понимаешь, какие открываются возможности. Вот и я



понял... тогда. И я возжелал этого знания для себя одного.

Я вернулся в имение и собрал все, что накопил. Я обратил в драгоценности огирские векселя и хауранские закладные, я загрузил дорогими подарками три фургона, взял с собой всех воинов, бывших в «Рубиновой лозе», и нанял лучших бойцов Полудня, чтобы они стерегли мой караван от превратностей дороги. Со всем этим я пришел к отцу Льен Во и умолял его о двух вещах: руке его дочери и тайном знании — в обмен на все это, а потом, когда он отказал, обещал ему сверх того отдавать весь свой доход за десять последующих лет. Весь доход торгового дома Ханаран за десять лет, варвар! Ты хоть представляешь, какая это груда золота?!

Он отказал. Более того, он пришел в ярость, обозвал меня мошенником и одержимцем и выставил за дверь.

Но я всегда добиваюсь своего — там, где отказал верховный жрец, один из его помощников согласился с радостью. Жрецы Небесного Ока дают обет бедности и безбрачия, и некоего Тхим Хута такое положение дел перестало устраивать, а тут как раз подвернулся я... с тремя телегами драгоценностей. Потом...

— Я понял, что было потом, — перебил Конан. — Уйти по-тихому не получилось, да? Ты положил всех своих воинов и оставил все золото, но сам все-таки вырвался, увозя кхитайца, Фидхельма, жену и вожделенного демона... хотя, во имя вечного света, как можно умыкнуть демона?!



— Демона нельзя, верно, — отозвался вдруг дворецкий. — Он обитает в Незримом и не принадлежит никому. Но он приходит на зов. Нельзя украсть журавля, летящего высоко в небе. Можно украсть манок на птицу и умение им пользоваться. Манок — вот... — кхитаец постучал согнутым пальцем по своему черному фолианту, — а демон уже идет. Воин, приведи женщину для жертвы.

Фидхельм быстрым шагом направился к колоннаде, скрытой в густой тени.

— Итак, призвать Ловца Душ теперь в моей власти. Он говорит мне, что делать и чего не делать, и он никогда не ошибается. Взамен демон требует жертв — человеческих жертв. Кхитайцы использовали для этого преступников, приговоренных к смерти, я чаше всего обхожусь рабами, — продолжал Кофиец. — Иногда он требует какого-то определенного человека — это сложнее всего, но советы Ловца в таких случаях поистине бесценны. Вельможа, которого я привез из Нумалии, был вхож ко двору немедийского короля — теперь у Трона Дракона от меня нет тайн... Опустошитель прозревает настоящее и будущее. Восходный владыка с помощью его предсказаний держал в повиновении целую империю. Недалек тот день, когда и я завершу создание своей империи — империи торговой. Уже теперь половина шадизарских и аграпурских купцов шагу не сделает без моего дозволения, двери трети денежных хранилищ Офира и Кофа я открываю ногой. Еще несколько лет, и моего золота достанет на



то, чтобы попросту перекупить трон у Илдиза Туранского или нанять армию, перед которой дрогнут панцирные легионы Эпимитреев. И вот тогда...

Зеленоватые сумерки прорезал женский крик, тут же прервавшийся, когда ладонь Легионера грубо зажала аквилонке рот. Фидхельм вытолкал Вивию к алтарю и швырнул наземь — связанные за спиной руки не позволили ей смягчить падение, женщина упала ничком. Великолепные золотые волосы разметались по песчаной дорожке. Словно почувствав добычу, цветные искры над мраморной плитой заиграли живее, ярче, сияние поднималось выше, обращаясь в бесплотную и бесформенную, но все же человекоподобную фигуру.

— Она прекрасна, хотя и иначе, чем Альен, — печально пробормотал купец. — Но ее красота не пробуждает во мне жалости. Если бы Альен не покинула этот мир или хотя бы подарила мне наследника, боги!... Бедняжка зачахла на глазах от тоски по родине и, подозреваю, от чувства вины — ведь когда б не ее доверчивость, многое могло бы быть иначе...

— Пора, мой господин, — позвал хитачец от алтаря.

— Я только одного не пойму, — сказал Гельге, делая шаг вперед. Его сумрачный взгляд впился в лицо Конана. — Демон мне помогает или мой собственный опыт, но есть люди, коих я читаю подобно развернутому пергаменту. Когда я напинал вас двоих, мне казалось, что я вижу насквозь



ваши примитивные помыслы. Передо мной были двое обычных наемных рубак — по своему честных, жадных до золота, вина и женщин, прямых как меч и незамысловатых, как полено. По всем признакам вы не могли обратить оружие против меня — и все же... Ладно гандер, он сам не свой от вожделения. Но ты, киммериец! Ты мог бы иметь все, что только доступно воину, и даже больше — так ради чего ты упорно искал смерти, влезая в чужие секреты? Неужто из одного только праздного любопытства?

— А что, твой всеведущий демон тебе этого не сказал? — хмыкнул Конан. Внешне оставаясь спокойным, киммериец собрался внутренне, готовясь к решающему броску — рукоять кинжала наконец легла в ладонь. — Во-первых, я понял, что жизнь без риска не для меня. Во-вторых, неизвестно, сколько я знаю о твоем мире. А в третьих, терпеть не могу паршивых чернокнижников!

\* \* \*

Губы Конана еще произносили последние слова, когда узкий, отточенный до бритвенной остроты клинок в его руке покинул ножны за голенищем. Это был тот самый кинжал, который панипу семиц тому Конан выиграл в борцовском поединке с молодым туранцем. Теперь варвар убедился, что Хали не солгал: зингарский клинок и впрямь оказался отменным. Синяя сталь впилась в растительные пугы, охватившие тело киммерийца — и вспорола их, точно гнилую пеньку.



Должно быть, хищной лозе не доводилось прежде сталкиваться с жертвой, способной постоять за себя. Конан и сам не рассчитывал на такой успех. Побеги дарфарской лозы выглядели сухими, твердыми и неподатливыми — но клинок, сработанный зингарским оружейником, рассек их чисто и легко, не как древесину, а скорее как живую плоть, и из обрубков брызнул густой алый сок, похожий на кровь. По всему хищному винограднику пробежала мгновенная судорога боли. Вслед за этим щупальца, сжимавшие добычу, разом разжались, взметнувшись в воздух — и те, что еще держали Конана, и оплетавшие гандера.

Оба воина от неожиданности упали ничком.

Гельге, стоявший ближе прочих противников, взревел от ярости и нанес упавшему варвару страшный удар ногой в лицо, но Конан успел откатиться на шаг. Прыжком он вскочил на ноги и выхватил из заплечных ножен меч, в левой руке продолжая сжимать спасительный кинжал.

Вскочил и Дагоберт. Однако гандер сейчас не замечал ничего, кроме распростертой на песке фигуры Вивии, и ничего не соображал, кроме того, что его возлюбленной грозит опасность. Вместо того, чтобы взяться за оружие, он бросился на помощь аквилонке, а меч его так и остался в ножнах. Гельге ринулся за ним, разумно предпочтя безоружного противника вооруженному — а наперевес Конану смертоносной тенью скользнул Фидхельм Легионер, и багровый отсвет факелов плясал на боевой стали в обеих руках начальника стражи.



Кхитаец застыл за алтарем неподвижным черным изваянием.

Фидхельм напал первым, уверенный в своих силах, и Конан был вынужден отступить. Варвар чувствовал в своем теле новые умения и возможности, ведь две седмицы ежедневных учебных поединков с более опытными бойцами не прошли даром. Но нынешний бой уже не был учебным, а Фидхельм более не стремился растянуть удовольствие. Бывший немедийский сотник стремился убить, и уж этому ремеслу он был обучен на славу.

После первого же обмена ударами Конан отбросил кинжал, стеснявший его движения — уровень мастерства киммерийца был еще слишком низок для правильного использования даги — и рубился с двух рук, положившись на свое превосходство в длине клинка, росте и физической силе. Легионер наседал, с клинков при соударении летели искры. Противники кружили по драгоценному садику Гельге Кофийца, опрокидывая бронзовые светильники и безжалостно топча редкостные растения. Сапоги Фидхельма смолотили в кашу цветок, чья пыльца изгоняет любую боль. Длинный меч киммерийца под корень снес уродливое деревце с иссиня-черной листвой, чьи плоды или, может быть, кора наверняка обладали не менее удивительными свойствами.

Потом жирная рыхлая земля под ногами закончилась, пошли гладкие каменные плиты. Только когда клинок Конана на излете высек горячую крошку из стены справа, киммериец понял,



что Легионер умело и грамотно загоняет его в угол — где, скорее всего, и прикончит... если Конан не достанет его первым, и прямо сейчас. Но все силы и мастерство варвара уходили на оборону, нечего было и помышлять об атаке.

Фидхельм это видел и ухмылялся злорадно, с невероятным проворством орудя двумя клинками, шаг за шагом тесня противника навстречу смерти.

Еще два удара сердца, может быть, три — и широкий тяжелый гладиус начальника стражи прошьет нас kvозь возомнившего о себе киммерийца.

Фидхельм предвкушал этот миг, он был неизбежен, Легионер наслаждался близкой победой. Вероятно, эта преждевременная радость и заставила его допустить крохотную небрежность в выверенном до последней мелочи танце мечей.

Его противник, впрочем, этой небрежности и не заметил — но руки Конана, сжимавшие горячую рукоять меча, в нужный момент сделали все сами. Он лишь ощущил в груди и в мыслях знакомую пустоту, а клинок вдруг сделался очень легким, — секретный прием, подсмотренный никогда у самого Фидхельма, тот, от которого нет защиты и который киммериец старательно разучивал, едва выдавалось свободное время, вышел безукоризненным.

...Сгорбившись и тяжело дыша, Конан опустил меч, лезвие которого покраснело на третью.

А непобедимый Орел Шестого легиона, выронив клинки, медленно опускался на колени, и в



его желтых глазах плескалось безграничное удивление.

Но бой был еще не окончен. Над связанный Вивией схватились насмерть Кофиец и Дагоберт, и торговец одолевал.

\* \* \*

Гандер был на голову выше купца, обладал немалой силой и знал толк в поединке, но все эти преимущества сводились на нет бычым телосложением Кофийца — нелегко подмять человека в полтора раза более тяжелого, да к тому же поперек себя шире.

Гельге обхватил противника своими мощными руцищами поперек груди и давил так, что трещали ребра. Дагоберт сопротивлялся как мог, но силы, похоже, были все-таки неравны, и Конан, завидев плачевное положение приятеля, бросился на выручку.

Он уже заносил меч, намереваясь одним точным ударом положить конец земному существованию Кофийца, как вдруг клинок вырвался у него из рук, а сам Конан кубарем полетел наземь — больше всего это было похоже на внезапно налетевший откуда-то сбоку вихрь. Киммериец немедленно вскочил, отыскивая изумленным взглядом свое оружие и нового врага.

Меч обнаружился в десятке шагов — блестел яркой сталью, до половины воткнувшись в песок, и над ним стоял тщедушный колдун-хитачей, сложив ладони перед грудью.



— Ветер собирает сухие листья, — сказал он. — Так это называется.

Конану стало смешно. При своем росте и сложении Тхим Хут и весил-то не более четырнадцати летнего мальчишки, Конан мог бы свернуть ему шею, даже не особенно напрягаясь. Киммериец молча шагнул к колдуну, намереваясь просто отшвырнуть его в сторону, забрать оружие и отыскать того, кто умел атаковать столь мощно и внезапно...

... и в следующий миг вновь покатился по земле, парализованный острой болью под ложечкой. Подняться на ноги стоило ему на сей раз куда больших усилий.

Кхитаец скрипуче засмеялся.

— «Большая башня громко падает», — издевательски сообщил он. — Рост — не преимущество. Сила — не преимущество. Я учился у мастеров.

Он стал неспешно придвигаться к Конану, по прежнему держа перед грудью ладони, сложенные в почтительном жесте. На сей раз киммериец держался настороже, и, когда кхитаец приблизился на расстояние вытянутой руки, мгновенно «выстрелил» могучим кулаком между узких черных глаз колдуна. Попади его удар в цель, кхитаец рухнул бы с проломленным черепом.

Удар пришелся в пустоту. Непостижимым образом увернувшись, дворецкий атаковал в ответ. Что именно он сделал, Конан не уловил — впечатление было такое, будто под ребра врезали острым колом, и хлесткий пинок в грудь вновь отбросил его на несколько шагов. Оглушенный и



сбитый с толку, варвар все же нашел в себе силы встать. Сквозь красные круги в глазах он разглядел, что проклятый колдун приближается снова, и понял, что с этим противником ему не совладать.

— «Белый тигр выпускает когти», — непонятно пояснил кхитаец. — А сейчас будет «ветряная мельница машет крыльями». На этом закончим. К сожалению, я не могу забавляться с тобой долго. Жаль. Ты выносливый. Ха-ай!

С резким криком маленький колдун взвился в воздух.

Но мелкие божества, прядущие нити человеческих судеб, явно рассудили, что жизнь некоего варвара из клана Канах не должна прерваться этой ночью — ибо иначе, как божественным прорицанием, невозможно объяснить случайность, спасшую Конана от этого финального удара. В тот миг, когда кхитаец оттолкнулся от земли, что-то твердое оцарапало варвару лопатку, а затем мощный рывок опрокинул его на спину: позади него вся укрытая «виноградом» стена пришла в беспорядочное движение, ощетинившись ищущими побегами хищной дарфарской лозы, и одно из этих жадных шупалец дотянулось до подвешенных за спиной Конана ножен. Резко сократившись, оно сбило киммерийца с ног, поволокло по земле и затянуло бы вновь в удушающие объятья плотоядного растения. Но истертая кожаная перевязь очень вовремя лопнула на застежке, оставив Конану жизнь, а лозе — несъедобные деревянные ножны.



Тхим Хуту повезло меньше. Остановиться в прыжке он не мог, влетев прямиком в шепчущие заросли, и с десяток живых веревок тут же оплели его смертоносной сетью.

...Фидхельм остывал в луже собственной крови, кхитаец повис в объятиях дарфарского монстра, и все большие побегов опутывали его тщедушное на вид тело. Дворецкий даже не успел крикнуть. Смотреть на нетерпеливое копошение мясистых усиков вокруг новой добычи было отвратно, но высвобождать его Конан не собирался. Оставался лишь Кофиец. Толстый торговец, плавив Дагоберта навзничь, сомкнул сильные пальцы на горле гандера и выдавливал из противника жизнь, несмотря на его отчаянное сопротивление. Связанная по рукам и ногам Бивия могла лишь громко призывать на помощь — чем, собственно, и занималась, наверняка переполошив весь дом и стражу — словом, еще немного, и нить жизни нездачливого гандера оборвалась бы до срока.

Однако человек, пытающийся удавить лежачего, полностью беззащитен против любой иной атаки, и обезвредить его можно по меньшей мере десятком разных способов. Подскочивший на помощь Конан избрал самый простой: взял бычью шею Гельге в удушающий захват на локоть правой руки.

Гельге захрапел и стал подниматься в полный рост, разрывая захват. Ему это удалось, и тогда киммериец, чей меч торчал в земле где-то посередине двора, а кинжал безвозвратно затерялся на

грядках, с размаху навесил купцу-чернокнижнику в челюсть.

Кофиец покачнулся и отступил на шаг.

Дагоберт, встав и держась правой рукой за побагровевшее горло, ударил с левой. Торговец утробно хрюкнул и вновь попятился. Глаза его помутнели.

Конан снова размахнулся. Потом настала очередь Дагоберта. От каждого удара купец, шатаясь, отступал на пару шагов, пока прямо за его спиной не оказалась мраморная глыба алтаря — теперь Конан ясно видел, что ее поверхность сплошь покрыта тончайшей резьбой — и безмолвно колышущаяся над ней радужная фигура, отдаленно напоминающая человеческую. Последний удар, нанесенный гандером, опрокинул Кофийца прямиком в это радужное сияние... и оно вдруг набросилось на человека со стремительной жадностью, с какой голодный хватает миску мясной похлебки, окружив голову Гельге сияющим ореолом.

Внешне это выглядело совсем не страшно и длилось не более одного-двух ударов сердца. На краткий миг могучее тело купца выгнулось в мучительной судороге, распахнулся в беззвучном вопле рот — и тут же все кончилось. Кофиец обмяк и грузно осел к подножию алтаря, то ли лишившись чувств, то ли вовсе бездыханный. А сияющее облако над ним сменило цвет, сделавшись ярко-алым и пульсируя подобно человеческому сердцу, и из этого мерцания послышался негромкий, лишенный всяких интонаций голос:



— Воистину, это была славная жертва, и она будет вознаграждена полной мерой. Взыскиующий тайного знания — спрашивай и узнаешь...

\* \* \*

Повисла тишина — относительная, впрочем. Слышно было, как перекликается снаружи поднятая по тревоге стража, в доме сновали разбуженные криками слуги, сторожевые псы в своих клетках заливались лаем — но в потаенном садике Гельге Кофийца никто не произнес ни слова, только затихающий хрип доносился оттуда, где лоза торопливо упаковывала кхитайца. Демон терпеливо ждал вопроса.

Конан с Дагобертом переглянулись. Такого поворота они не ждали, и ничего существенного не лезло в головы, еще разгоряченные недавним боем.

Впрочем, почему бы и нет? Ведь жертва, похоже, и впрямь принесена по всем правилам... правда, совсем не та, что намечалось, и все же...

— Стану ли я когда-нибудь королем? — брякнул киммериец первое, что пришло в голову в этот момент.

Дагоберт, присевший на корточки, чтобы освободить аквилонку от пут, только крякнул и постучал себя по лбу согнутым пальцем.

— Да, — просто и скучно ответил голос.

— Э... вот как?! Ну... — Конан озадаченно поскреб в затылке, гандер выпучил глаза. — Когда я уеду отсюда, куда лучше всего податься?



— В Аграпур, — без колебаний ответствовал демон. — Илдиз Туранский набирает воинов в дворцовую гвардию. Ты будешь принят и добьешься успеха.

— Буду ли я и в самом деле любим Ви... — начал было Дагоберт, но осекся и сам себе захлопнул рот ладонью. — Нет. Не хочу знать заранее.

— Хочешь еще о чем-то спросить, гандер? Нет? А вы, госпожа? Тоже нет? — осведомился Конан. — Тогда, демон, у меня к тебе последний вопрос. Как тебя уничтожить?..

... Манок на демонов, черная книга Тхим Хута, горела долго и неохотно — пергамент плохо поддается огню.

Но алое пульсирующее облачко над алтарем поблекло и истаяло гораздо раньше, чем последние страницы обратились в пепел.

\* \* \*

— ...Что теперь? — спросил Конан, когда улеглась суета, унесли трупы, и слуги под бдительным присмотром тургаудов принялись прибираться во внутреннем садике — изничтожать под корень отвратительную «коллекцию редкостей» Кофийца. Начали, по особому распоряжению Вивии, с дарфарской лозы. — Одним демонопоклонником меньше, одна смазливая девица сделалась богатой вдовой... Кстати, а что с Кофийцем — мертв?

— Сердце у него бьется, но рассудок унес Опустошитель. Он жив, но все равно что мертв, —



пожала плечами Вивия. — Впрочем, может быть, это и к лучшему. После смерти богатого купца непременно появятся всевозможные наследники — хоть у него и не было прямых потомков, но семейство Ханаран довольно многочисленно, и обязательно найдутся желающие запустить лапу в баснословное наследство. А так я добьюсь опекунства и как-нибудь найду способ сохранить «Рубиновую лозу» в своем владении.

Конан молча покрутил головой. Деловитость красавицы-аквилонки неприятно его удивила. Впрочем, это уже не его дело — для себя киммериец твердо решил, что не останется в злополучном поместье ни одного лишнего дня. Правда, оставалось уладить здесь еще кое-какие немаловажные дела.

— Госпожа, я исполнил данное слово... мы исполнили, — спохватился Дагоберт. — Но и вы обещали...

— Помню, — улыбнулась аквилонка. Улыбка вышла несколько вымученной — тяжело сохранять любезность, чудом избежав принесения в жертву. — И сдержу данное мной слово. Для начала, Дагоберт, не нужно называть меня госпожой — можешь звать меня по имени, и награда будет твоей — именно та, которой ты ждешь. Признаюсь, мне будет приятно... благодарить тебя.

Гандер просветлел лицом.

— Так ты остаешься, как я понимаю? — невежливо влез в беседу киммериец. — Хотел позвать тебя с собой, но, что ж... вольному воля. Что до меня, то я уезжаю, и чем скорее, темлуч-

ше. Вот только сперва попрощаюсь с Ардис и заберу кое-что... на память.

— Но почему?! — вскричал пораженный гандер. — Теперь, когда все позади... Сыщешь ли ты место во всем обитаемом мире, где тебя примут лучше, чем в «Рубиновой лозе»?! Место Фидхельма как раз освободилось...

— Ты еще предложи место дворецкого, — отмахнулся Конан. — Нет, я окончательно решил: сытая спокойная жизнь не по мне. Хоть ты позолоти клетку, но клеткой она и останется. Проклятье, мир ведь так велик, а я еще не повидал даже малой его части! И к тому же, ты не еще забыл? То демоническое отродье напророчило мне корону! Думаешь, можно стать королем, сидя в этой глупши?

— Что же ты желаешь взять на память, Конан из Киммерии? — лукаво прищурилась в ответ Вивия Ханаран. — Может быть, скажем, тысячу золотых?

— А? Ну уж нет. Это какая-то очень короткая память. Вот пять тысяч запомнились бы мне надолго! — весело засмеялся варвар. — А еще — моего коня и мой меч. И — в старый добрый Шадизар для начала, навестить кое-кого из былых приятелей; а потом дальше, на Закат, по Дороге Королей!

— Но почему на Закат? — окончательно растерялся Дагоберт. — Ведь этот проклятый всеведущий демон, не к ночи будь помянут, присоветовал тебе блистательный Аграпур, а это как раз в другую сторону!



— В самом деле? — ухмыльнулся Конан. — Вот и хорошо. Знаешь, у нас на Полуночи есть поговорка: когда не знаешь, как правильно поступить — спроси совета у демона... и сделай наоборот!..



## Дева Лорэйда



ой ночью ему приснилась Лорэйда. И Конана, правителя Аквилонии, поразили две вещи: то, что спустя без малого пятьдесят зим он, оказывается, так ясно помнит ее, будто видел только вчера; и — что до сих пор она вызывает у него столь сильные чувства. Странное дело, он ведь так долго вообще не думал о ней, да Лорэйды и в живых-то нет давным-давно: даже могилы не осталось.

Однако и при свете дня Конан все никак не мог избавиться от воспоминаний.

Разумеется, теперь, глядя на себя прежнего с высоты прожитых зим, он вполне сознавал, каким глупым самоуверенным щенком был когда-то. Но в те времена, без всякой определенной цели болтаясь по Хайбории, он ощущал себя почти беспредельно сильным, могущественным и непобедимым — разве что не бессмертным. Сейчас,



став королем, великим правителем Аквилонии, он куда чаще испытывал сомнения в правоте того, что делает или собирается совершить. Хотя и был все еще достаточно крепок духом и телом, так что никому из его подданных не пришло бы в голову назвать его стариком.

Но до сих пор он никому, даже своей верной супруге Зенобии, не рассказывал о Лорэйде. Не собирался делать этого и впредь. Та давняя тайна должна была сойти в могилу вместе с ним.

#### Тайна Лорэйды.

Она была женой лэрда из Ванахейма — как же его звали?.. Кажется, Мантихор, но, может быть, и как-то иначе. А Конана свела с этим злополучным лэрдом не иначе как сама судьба. Ну и, конечно, желание подзаработать, ибо он тогда в числе прочего промышлял и тем, что выступал в качестве турнирного бойца. Лэрд Мантихор устраивал такого рода турниры, пожалуй что, чаще многих иных правителей. Эти схватки непременно бывали особенно кровавыми и должны были обязательно заканчиваться смертью одного из участников. Таково было условие: победитель получал награду, щедрую сверх всякой меры, но проигравшему следовало умереть.

Говорили, будто прежде лэрд предпочитал турнирным забавам псовую и соколиную охоту, проводя в седле большую часть времени. В сопровождении своей верной свиты он точно демон проносился на черном жеребце через селения, на корню вытаптывая посевы и готовый уничтожить любого, по несчастной случайности оказав-

шегося у него на пути. Полновластный правитель, наводивший ужас на своих подданных, он отдыхал от бешеной скачки в погоне за добычей, лишь когда использовал свое законное право первой ночи, и в любви бывал столь же ненасытен и жесток, как и расправляясь с подстреленной дичью.

Поэтому, если вассалы иных господ только радовались, когда те снисходили до их дочерей и невест, то подданные Мантихора сопровождали каждую новую девушку, отправлявшуюся в замок лэрда, стенаниями и слезами, точно ей предстояло, еще живой, спуститься в преисподнюю. Удостоенные «ласк» правителя, юные женщины, случалось, навсегда лишились возможности иметь детей, а бывало, и умирали вскоре после того, как покидали его ложе.

Случалось и худшее: если очередная жертва господина осмеливалась проявить недостаточную покорность либо как-то иначе разочаровывала его ожидания, лэрд, пресытившись, отдавал ее на расправу своим наиболее приближенным слугам, и уж те, точь-в-точь охочие до падали стервятники, довершали начатое Мантихором.

Так продолжалось более десяти зим, пока порог замка не переступила прекрасная Лорэйда.

Никто толком не знал, откуда она появилась. Сходились лишь в одном: едва ли суровая земля Ванахейма когда-либо порождала подобную красоту. Лорэйда была словно неким нездешним созданием, сошедшей с небес дочерью богов.

Правда, так считали не все. Конану доводи-



лось слышать, что кое-кто испуганным шепотом, озираясь и вздрагивая, осмеливался называть Лорэйду ведьмой. Но в одном подданных Мантихора были едини: она избавила от вечной угрозы остальных девушек, покорив сердце лэрда... если только у него вообще было сердце!

Целую седмицу Лорэйда не покидала его покоев. Слуги были почти уверены, что золотоволосой красавицы уже и в живых-то нет; однако прошло время, и она предстала перед ними невредимой, с торжествующей улыбкой на лице и глазами, сияющими, как самые яркие полночные звезды. А главное, Мантихор в тот же день объявил ее своей законной женой — и более уже не смотрел ни на какую иную женщину. Его взгляд был прикован к одной Лорэйде. Прежний безжалостный охотник верным пском вился возле ее изящных ног, ловил каждое слово, на лету угадывал малейшую прихоть и исполнял прежде, чем его супруга соблаговолила бы разомкнуть уста и вслух высказать свою волю. Поистине, Мантихор был очарован и покорен Лорэйдой, до того, что забросил все прежние свои забавы, собственоручно перестрелял идеально вышколенных собак и выпустил на волю ловчих соколов. Его черный жеребец почти не покидал отныне своего стойла, сам лэрд столь же редко отправлялся за пределы замка, а женихи и отцы могли наконец спать спокойно, не опасаясь за участь своих избранниц и дочерей.

Взамен всем прежним, Лорэйда пожелал нового развлечения: турниров. То есть, разумеется,

повеление об их организации исходило от ее супруга-лэрда, однако никто не сомневался, чью волю тот вершит: ведь теперь Лорэйда управляла им столь же искусно, как заезжий комедиант своими раскрашенными куклами, дергая за ниточки и приводя в движение руки и ноги принадлежащих ему тряпичных уродцев. По правде сказать, так Мантихор нынче даже внешне напоминал такую куклу: он быстро постарел и будто высох, как насекомое, прилипшее к паутине и высосанное изнутри восьминогим хищником.

Прежний здоровый, крепкий мужчина, отродясь не ведавший никаких недугов, все больше казался глубоким стариком. И он постоянно жаждал одного: обладать Лорэйдой, созерцать ее, служить ей. А чего желала она? Из ночи в ночь предаваясь любви со своим супругом — о, вопли его страсти разносились по всему замку, заставляя даже лошадей в конюшнях испуганно всхрапывать и подыматься на дыбы! — днем красавица наслаждалась лицезрением кровавых битв, разворачивающихся на турнирной площадке. Она, в отличие от Мантихора, вовсе не выглядела изможденной, напротив, красота ее лишь расцветала день ото дня.

В особенности в те моменты, когда очередной боец, хрюпя и захлебываясь потоками собственной крови, ваился под копыта коня, вышибленный из седла ударом копья своего более удачливого соперника, или же безмолвно оседал в пыль, перерубленный едва ли не пополам вражеским мечом.



Первыми пали самые лучшие, самые опытные воины, знавшие толк в такого рода состязаниях: почти все они раньше составляли свиту лэрда, а теперь погибали один за другим у ног его золотоволосой супруги.

Несмотря на грозный вид в сверкающих доспехах, они отчего-то напоминали гонимых на заклание овец — точь-в-точь как те девушки, коих еще совсем недавно и столь часто доставляли на поругание лэрду. Ни те, ни другие не противились своей участи: женщины — из страха, мужчины — не желая выказывать страх и все еще кидались собственным безоглядным мужеством, опытом, удалью и верой в непременную победу.

Бывали среди рыцарей и такие, что шли на смерть не столько по приказу господина, сколько ради одного благосклонного взгляда, приветственного взмаха руки, улыбки Лорэйды. Видно, не один только Мантихор находился под воздействием ее чар. Однако красавицу невозможно было упрекнуть в том, что она кого-либо, кроме лэрда, одаривала своей благосклонностью: безупречно неприступная, она могла бы служить истинным образцом верности однажды принесенным супружеским обетам, и тем самым лишь еще сильнее разжигала страсть во множестве мужских сердец.

Сам же правитель, по-прежнему ничего не желая замечать, оставался все в большем одиночестве, одного за другим теряя своих верных васолов. Но его мало беспокоили такие мелочи: ведь взамен он получал нечто несравнимо более ценное — свою награду, свою любовь. Целый мир



мог катиться в преисподнюю: Мантихору все было безразлично, кроме Лорэйды. Даже то, что его древнему роду грозило полное угасание, ведь до сих пор красавица так и не смогла подарить лэрду наследника.

Ванахейм — не Аквилония или Немедия: он никогда не славился изобилием специально обученных искусствству турнирных сражений бойцов, а жалкая горстка таковых, имевшихся в распоряжении Мантихора, была выбита прискорбно быстро.

Тогда идеальные дуги бровей Лорэйды сурово сдвинулись, а прекрасное лицо омрачилось темью печали и гнева, разрывая сердце ее супругу. Он не жалел средств, лишь бы заставить на потеху Лорэйде сражаться мужчин, отовсюду съезжавшихся в погоне за обманчиво легкой победой и продолжавших погибать один за другим. Сражения становились все более ожесточенными и напрочь лишенными изящества, разительно напоминая теперь яростные схватки диких лесных зверей за право обладания самкой. Однако Лорэйду это не смущало. Ей был важен только финал: чья-то неизбежная смерть, будто эта беспощадная женщина черпала силы в чужой крови, позоре и гибели.

\* \* \*

Чем дольше слушал Конан пересказываемую на все лады историю Лорэйды и Мантихора, тем сильнее укреплялся в мысли о том, что начнет



презирать сам себя, если не увидит все собственными глазами и, уж конечно, не примет участия в поединке. По опыту он знал, что всевозможные слухи обыкновенно оказываются сильно преувеличенными, если не вовсе лживыми. Молва о непротивимости красавиц оборачивается разочарованием их заурядностью, а баллады, складываемые в честь самых отчаянных храбрецов — не более чем красивой сказкой. Доверять следует лишь собственным выводам, основанным на реально увиденном и испытанном.

Поэтому он без малейших колебаний отправился во владения лэрда Мантихора, чтобы заявить о своем желании сражаться на ближайшем турнире, уверенный в своем безупречном умении владеть мечом. Да что там, за такую гору денег, какие были обещаны победителю, Конан был готов и голыми руками свернуть эдак с полдюжины шей. Правда, он сильно сомневался в том, что эта несчастная скучная земля и в самом деле способна все еще каким-то образом обеспечивать столь непомерные запросы своего владельца, хоть досуга выжми каждого раба. Да и так называемый замок, знававший лучшие времена, был скорее похож не на неприступную крепость, а на весьма скромных размеров обиталище человека хотя и состоятельного, но никак не купающегося в роскоши.

Единственной по-настоящему заслуживающей внимания местной достопримечательностью оказалась Лорэйда.

Впервые Конан получил возможность созер-

цать ее во плоти в тот момент, когда явился в замок с предложением своих услуг. В изрядно запущенном внутреннем дворике уже топтались трое его вероятных соперников; Конан пришел последним. Предыдущую ночь он, по обыкновению, провел в обильных возлияниях и в объятиях некоей красотки, так и оставшейся для него безымянной. Так что сейчас чувствовал себя изрядно уставшим и отнюдь не расположенным к досужей болтовне. Варвар был мрачен, как никогда, безуспешно пытаясь бороться с жестоким похмельем и на ощупь вынимая из спутанных волос застрявшие там соломинки. Все, о чем он сейчас мечтал — это о паре глотков хорошего крепкого вина, которые позволили бы немного прояснить мысли в тупо ноющей голове, и почти не обращал внимания на трех своих случайных «собратьев», еще более напоминавших обычных бродяг, чем он сам. Бродяги эти, пожалуй, подчас не брезговали промышлять и разбоем, и даже убийством ради горсти медных монет, не испытывая при том ни малейших угрызений совести. Все — рослые, явно не из слабаков, угрюмые парни, чьи щедро украшенные шрамами лица, не раз переломанные носы и увесистые кулаки свидетельствовали о непреодолимой тяге к хорошей драке. О самом существовании неких правил, которыми по нелепой случайности могут ограничиваться поединки, они, пожалуй, имели столь же смутное представление, что и сам Конан.

Хозяева замка не слишком спешили почтить их своим появлением, так что киммериец попро-



сту присел на корточки в позе безгранично терпеливого ожидания и позволил себе прикрыть глаза, слезящиеся от слишком яркого света. Вообще-то день был самый обычный, серенький, солнце даже не делало попытки вылезти из-за непроницаемых облаков, но Конану в его нынешнем состоянии и того было довольно. Даже с избытком.

Он, однако, очнулся и вскочил на ноги в то же мгновение, как остальные трое начали издавать звуки изумленного ропота. Столь резкое движение заставило бедную голову киммерийца взорваться новой вспышкой боли, но он отнюдь не утратил способности увидеть и оценить то, что предстало его глазам.

Лорэйда. Варвар в те свои далекие двадцать с чем-то зим уже успел познать великое множество женщин, но эта не походила ни на одну, виденную им прежде.

Начать с того, что она отличалась немыслимым для своего пола ростом. Конан многим казался настоящим гигантом, и не случайно; Лорэйда же была ниже него, пожалуй, разве что на полголовы. По сравнению с нею большинство обычных мужчин выглядели бы весьма неубедительно. И при всем том она не разочаровывала самых смелых ожиданий, порожденных ходившими о ней легендами.

Она была исключительно хороша. Белокурые волосы свободными локонами спадали ей на плечи. Безупречно правильные, тонкие черты лица свидетельствовали о высоком происхождении, а

ярко-синие, ясные, огромные, как небеса, широко распахнутые глаза обрамлялись длинными, загнутыми кверху, пушистыми золотыми ресницами. Кисти ее рук, выглядывающие из рукавов свободного, белого с серебряной нитью, одеяния, выглядели странно маленькими и изящными при таком росте, а пальцы были столь безупречны, что у Конана перехватило дух. Он забыл даже о похмелье, не задумываясь, шагнув навстречу Лорэйде. Заключить ее в объятия и унести отсюда, вот сейчас, сию же минуту... Бесконечно перебирать и гладить эти чудесные волосы, зарываться в них лицом, умирая от блаженства, и плевать на то, чья она там жена и что ждет впереди их обоих. Эта женщина создана специально для него самим Кромом.

— Ты... и ты, — украшенный единственным золотым ободком кольца палец Лорэйды указал поочередно на двоих из «бродяг»; на Конана она едва взглянула, лишь слегка отстранившись, когда он, приблизившись и дыша слишком учащенно, обдал ее запахом перегара, — будете биться для меня сегодня.

Ее голос, низковатый для женщины, но глубокий и чувственный, сводил с ума, и до киммерийца не сразу дошло, что он отвергнут. Даже для столь милой ее сердцу драки Лорэйда предпочла других мужчин. Это была какая-то жестокая, унизительная ошибка!

— Эй, — сказал он, — а как же я?

Губы Лорэйды чуть дрогнули.

— Не торопись. В преисподнюю отправиться



всегда успеешь, — отзывалась она, словно увещевая неразумного ребенка.

Конан независимо повел мощными плечами, стараясь скрыть обиду и нетерпение. Преисподней придется еще очень долго дожидаться его визита.

Неужели Лорэйда не видит, что он — лучший? Что ему вообще нет равных, особенно теперь, когда ему есть ради чего рисковать головой?

Только тут он заметил рядом с Лорэйдой — с его Лорэйдой! — человека, одетого так, как подобает господину, и понял, что этот лысеющий сморчок и есть грозный Мантихор. Удавить его прямо здесь, что ли?.. Что вообще делает такая неотразимая нимфа в обществе этого... этого... тьфу ты, даже слов не подобрать! Конан ровным счетом ничего не смыслил в искусстве врачевания, однако даже ему было очевидно, что лэрда пожирает изнутри некий серьезный недуг. Глубоко запавшие глаза на желтоватом лице свидетельствовали о том, что дни Мантихора, пожалуй что, сочтены. Тут и убивать не обязательно: сам сдохнет, и очень скоро. Однако самым странным казалось другое: киммериец слышал о том, что лэрд без памяти влюблен в свою очаровательную супругу.

Теперь, увидев ее, Конан ничуть не удивился бы тому, что подобная женщина в самом деле способна вызывать самую неистовую страсть. Но Мантихор отнюдь не выглядел одержимым страстью. Конан поймал его взгляд, устремленный на Лорэйду: неуверенность, ужас, ненависть — все



что угодно было в этом мимолетном касании глазами, но только ничего общего с любовью. Лэрд боялся своей жены, даже не так, как животное в стае благовейно поджимает хвост перед вожаком, а будто рядом с ним находилась некая непостижимая и, безусловно, смертельно опасная сущность.

— Ты сделала выбор, дорогая? — негромко осведомился лэрд.

Лорэйда рассеянно кивнула и повернулась, чтобы вновь удалиться в свои покои. Аудиенция была окончена, но Конан все никак не мог заставить себя сдвинуться с места, провожая красавицу взглядом.

— Ну и ну, — протянул один из «бродяг», похоже, испытывавший сходные чувства. — Никогда таких баб не встречал. Жуть-то какая. Меня от нее прямо мороз пробирает.

— Да ладно, лишь бы насчет награды не соврала, — откликнулся другой, но по тому, как сдавленно прозвучал его голос, ясно было, что Лорэйда и на него произвела неизгладимое впечатление. — Сделаем дело и свалим отсюда.

О том, что нынче одному из них четверых наверняка предстоит погибнуть, никто будто и не задумывался.

\* \* \*

Конан, разумеется, не собирался лишать себя удовольствия понаблюдать за ходом поединка — и заодно лишний раз взглянуть на Лорэйду. Но



если первое зрелище его нимало не впечатлило — доводилось участвовать в схватках и посерьезнее, чем эта ожесточенная и не слишком умелая возня двух разгоряченных алчностью соперников — то следить за реакцией на происходящее супруги лэрда было куда более захватывающим занятием. Она, неподвижно сидя на возвышении, будто превратилась в мраморное изваяние, и ни один мускул на лице не выдавал ее чувств: Только синее пламя все ярче разгоралось в распахнутых глазах по ходу того, как раздавался треск чьих-то ломаемых костей да брызгала кровь на утоптанную десятками ног землю площадки. Похоже, Лорэйда была бы удовлетворена увиденным, если бы не одно незначительное обстоятельство, омрачившее ее настроение. Один из соперников был, как и положено, убит — он со свернутой под неестественным углом шеей мешком рухнул под ноги второго. Но и тот слишком сильно пострадал в поединке, так что едва ли теперь был пригоден для еще одного сражения. А Лорэйда еще не вполне насытилась кровью. Наверное, ей казалось, что все произошло слишком быстро. Склонившись к уху лэрда, она произнесла несколько слов, и тот дернулся головой, покорно соглашаясь с очередным ее повелением.

Лорэйда поднялась в полный рост и взглядом выхватила из толпы зевак фигуру Конана.

— Иди сюда, — обратилась она к киммерийцу, вроде бы не повысив голоса, но эти слова прозвучали словно над самым его ухом, как если бы Лорэйда стояла рядом.

Заставив расступиться прочих любопытствующих, молодой варвар выступил вперед и остановился, лишь оказавшись почти лицом к лицу с супругой лэрда.

— Ты так рвался в бой, — проговорила она, — что ж, тебе не придется дожидаться более удобного случая.

Конан привычным жестом коснулся рукояти меча, с которым никогда не расставался.

— Почту за честь, — хмуро отозвался он, упрямо опустив голову и исподлобья сверля Лорэйду глазами. — Но у меня есть свое условие. Если я одержу победу, деньги мне не нужны.

— Тогда чего же ты хочешь? — без улыбки осведомилась та.

— Твоей благосклонности, женщина, — Конан прекрасно сознавал, что позволяет себе возмутительную, неслыханную дерзость, требуя подобного прямо в присутствии лэрда и десятков свидетелей. Но сейчас ему море казалось по колено. Он не видел ничего и никого, кроме ее гордого, грозного, как у богини, лица, и ждал только ее приговора.

— Нахальный, глупый мальчишка, сначала попытайся доказать, что достоин меня, а уж после мы поговорим, — произнесла Лорэйда, впрочем, ничем не показав, что оскорблена: наверное, она считала ниже своего достоинства обижаться на вызов, брошенный ей столь ничтожным созданием.

А супруг ее вообще не издал ни звука. Он продолжал сидеть с отсутствующим выражением



лица, но на миг Конану почудилось, что в глазах лэрда мелькнуло необъяснимое злорадство. Ничего себе! Некий чужак, не стесняясь присутствием мужа, требует расположения жены, а этого самого мужа, кажется, слишком мало трогает такое надругательство над всяческим людским законом и его собственной честью.

— Я убью его, моя госпожа, дева Лорэйда! — через толпу протискивался совсем молодой парень, которого, стало быть, дерзость Конана задела куда сильнее, чем лэрда Мантихора. — Я смогу! Я знаю, ты до сих пор не позволяла мне участвовать в поединках, считая, что я к этому еще не готов, но поверь, я без устали тренировался и владею мечом не хуже прочих. Разреши же мне это доказать во имя твое, дева Лорэйда!

Что? Марать руки и благородную сталь кровью такого щенка?.. Конан испытывал возмущение и замешательство. Парень был моложе него зимы на четыре, совсем юнец, еще ни разу не нуждавшийся в бритве, да еще такой хрупкий и невысокий, пальцем можно прикончить...

— Нет, Лахлан! — Лорэйда в крайнем волнении вскочила с места. — Боги, нет, я запрещаю тебе...

Но было поздно. С искаженным праведной яростью лицом юноша коршуном налетел на киммерийца, размахивая коротким мечом, со свистом рассекавшим воздух. Несомненно, тот, кого называли Лахланом, имел некоторое представление об искусстве фехтования и даром времени не терял. К тому же он оказался на ред-

кость подвижен и ловок, так что не позволял совсем уж без усилий добраться до него. Такая безрассудная смелость вызывала невольное уважение. Но это не помешало киммерийцу, улучив наиболее удачный момент, перебросить собственное оружие в левую руку и нанести удар кулаком в висок юноше. Стоит ли говорить, что этого единственного удара оказалось довольно: Лахлан пошатнулся и упал, отброшенный на десяток шагов словно внезапно налетевшим ураганом. Конан отчетливо ощутил, как под костяшками пальцев хрустнул череп противника, и не сомневался, что прикончил его.

Тишина воцарилась такая, что киммериец слышал только собственное дыхание. Он вовсе не ощущал гордости за свою победу, напротив, испытывал неловкость и смущение от того, что совершил мгновение назад. Впрочем, случившееся едва ли уменьшило его решимость идти до конца. Повернувшись к Лорэйде, киммериец слегка поклонился и произнес:

— Что ж, я свое условие выполнил. Ты довольна?

Лорэйда, не обращая на него внимания, подошла к поверженному Лахлану и склонилась над еще продолжавшим конвульсивно подергиваться телом. Но жизнь стремительно покидала юношу, уходя из него, как вода сквозь песок, и неподвижные глаза уже подернулись смертной пеленой. Лорэйда опустила ладонь на лицо Лахлана и сомкнула его веки.

— Кончено. Унесите его, — велела она слугам



и лишь после этого повернулась к Конану. — А ты нынче же получишь свою награду, которой так жаждешь, — с ледяной угрозой, но так тихо, что слышал эти слова только тот, к кому они были обращены, сказала она. — Я всегда держу обещания.

Тишину разорвал негромкий дребезжащий смех, такой нелепый и неуместный, что Конан изумленно оглянулся.

Веселился лэрд Мантихор, запрокинув голову и всхрапывая, он истерически хохотал и никак не мог остановиться. До тех пор, пока смех не перешел в рыдания, и по щекам лэрда не покатились мелкие, мутные слезы.

От всего происходящего Конана вдруг охватил необъяснимый страх — и желание убраться отсюда подальше и поскорее. А ведь в жизни существовало не так уж много вещей, способных привести его в содрогание.

\* \* \*

Тем не менее, он не собирался отказываться от задуманного. Проклятье, он никому и ничему не позволит встать между собой и Лорэйдой. Она будет принадлежать ему сегодня, даже если развернется сама преисподня, и нет в мире силы, способной этому помешать!

— Приходи в замок ближе к полуночи, — вела Лорэйда, — я буду ждать тебя. И не беспокойся: тебя ожидает достойный прием.

Ну, конечно. Учитывая, что он, похоже, толь-

ко что вышиб дух из человека, может быть, единственного на свете, кто был ей небезразличен и чьей гибели эта непостижимая женщина желала в последнюю очередь.

Хладнокровно отправляя на смерть десятки других, Лахланна она щадила и оберегала — это было очевидно. Что она собирается делать теперь? Прикончить его, Конана, собственными руками, наверняка зная, что и самый сильный мужчина наиболее уязвим в любви? Или вовсе перекинется в какую-нибудь нежить — не зря ее называют ведьмой, дыма без огня не бывает, как знать, может, Лорэйда умеет принимать не только человеческое обличье, и тогда... Конан уже оценил, во что ее любовь способна превратить человека, Мантихор был тому достаточно ярким примером.

И почему бедняга Лахлан так странно обращался к ней, называя «девой Лорэйдой»? Конан скорее готов был поверить, что она может оказаться суккубом или оборотнем, но уж никак не «девой». От всего этого его любопытство лишь усиливалось, вытесняя всякий страх, что вовсе не означало, будто он напрочь утратил природное здравомыслие и осмотрительность.

Случись такое, и киммериец уже давно расстался бы с жизнью, не успев осознать, что происходит: точь-в-точь как несчастный Лахлан, жестоко поплатившийся за свое безрассудство.

Поэтому Конан предпочел поступить более разумно: явиться в замок значительно прежде назначенного Лорэйдой срока и осмотреться, что-



бы оценить степень вероятной опасности и не позволить застать себя врасплох.

Сделать это представлялось несложным, учитывая, что слуг у лэрда Мантихора можно было пересчитать по пальцам, да и никаких сколько-нибудь серьезных укреплений Конан не заметил. Хотя он не имел представления о внутреннем расположении помещений в замке, все же полагал, что без труда разберется и в этой проблеме. Что же касается всевозможных запоров, с которыми в любом случае придется столкнуться, то богатый воровской опыт, также имевшийся у киммерийца в избытке, делал их довольно смехотворным препятствием на пути к цели.

Признаться, нынешний правитель Аквилонии даже с большим трудом не смог бы припомнить всех подробностей того, каким именно способом в конце концов проник в замок; да и кто спустя пятьдесят зим все еще удерживал бы в памяти такие детали? Кажется, он предпочел воспользоваться узким витражным окном, выходившим во внутренний двор, тот самый, где он впервые увидел Лорэйду. Трудно было поверить, что с того момента прошло всего несколько часов — а сколько уже успело случиться! Интересно, что давешние свои ощущения король Конан помнил исключительно отчетливо. Он пребывал одновременно и в нетерпеливом ожидании предстоящей встречи с Лорэйдой, и в состоянии предельной собранности.

Солнце уже опустилось за горизонт, и узкие коридоры замка, лишь кое-где освещаемые туск-



лым чадящим огнем факелов, выглядели довольно зловеще. Зато в том, что касалось дверей, ведущих в покой Мантихора и Лорэйды, Конану повезло: они даже не были заперты, словно приглашая войти.

Киммериец счел, что ничего по-настоящему опасного там не находится. Никаких хитроумных ловушек и дополнительных механизмов, имеющих отвратительное свойство срабатывать в самый неожиданный и неподходящий момент. Осторожно войдя и оглянувшись — насколько это позволяло сделать пламя нескольких не слишком ярких свечей — Конан было перевел дух, но тут какой-то даже не шорох, а, скорее, едва ощущимое движение воздуха за спиной заставило его резко обернуться. Проклятье! Перед ним стояла Лорэйда. То, что она сумела так неожиданно и на столь малое расстояние приблизиться к нему, заставило Конана разозлиться на собственную беспечность. Приди ей в голову фантазия покончить с ним, ничего не было бы проще. Одно точное смертоносное движение — и он не успел бы даже вскрикнуть прежде, чем отточенное лезвие пронзило бы сердце, или горло оказалось бы расположенным от уха до уха в подобии кровавой ухмылки.

— Что ж ты незваным гостем, как вор, приходишь в дом, куда и так получил приглашение? — спросила Лорэйда, не позволив Конану произнести ни слова. Ее руки, спокойно скрещенные на груди, были пусты, что позволяло надеяться, будто Лорэйда безоружна. — Впрочем, что-то мне



подсказывало, что именно так ты и поступишь. Одновременно нетерпелив и осмотрителен, так? Достойные качества.

— Скажи, почему тот человек, Лахлан, был так дорог тебе? — выпалил Конан. О, совсем не то он собирался сказать и сделать, но теперь было поздно начинать сначала.

— Если я скажу, что он был моим братом, что это изменит? — ее голос по-прежнему звучал ровно и спокойно. — Его больше нет. А ты разве для того сюда явился, чтобы интересоваться Лахланом?

— Мне показалось, он обращался к тебе вовсе не как брат, — гнул свое киммериец, не озабочившись, хотя бы ради приличия, выразить соболезнования или пробормотать что-нибудь вроде «мне страшно жаль», хотя был потрясен и сбит с толку услышанным, — да и чувства испытывал отнюдь не те, которые положено по отношению к сестре...

— Оставь его в покое! Что тебе до него за дело, даже если он и вправду любил меня вовсе не как сестру?! — Лорэйда начала терять терпение; пока что огромным напряжением воли ей удавалось сохранять самообладание, но ее силы тоже имели предел. — Имей хоть немного уважения к мертвым. И — подумай лучше о том, что ты за мужчина, если, оставшись наедине с желанной женщиной, только и способен, что попусту трепать языком! Ради этого ты меня так добивался?

Конану было непривычно видеть глаза женщины — гневные, презрительно сузившиеся, пре-

красные — почти на уровне собственных. Да, Лорэйда по-прежнему вызывала у него восхищение и страсть, усиливающуюся с каждым мгновением, однако что-то удерживало Конана от того, чтобы немедленно утолить терзавший его голод.

— Не указывай, что мне делать, женщина, — угрожающее произнес он. — Я не нуждаюсь ни в советах, ни, тем более, в принуждении. И я не такой дурак, чтобы полагать, будто ты сама только и мечтаешь оказаться в объятиях убийцы твоего, как ты говоришь, брата! Я тебе не Мантихор, со мной твоя игра не сложится.

— Не будь так в этом уверен, — произнесла Лорэйда бешеным, свистящим шепотом, и ее пальцы сомкнулись вокруг запястий Конана, как стальные обручи.

Ого! Киммериец даже не подозревал, что женщина — любая женщина, даже такая необыкновенная, как Лорэйда, — может быть наделена силой молотобойца. А это было именно так. Он попытался освободиться, изумленный сверх всякой меры, но еще не испуганный, однако не тут-то было. Время слов закончилось. Лорэйда молча, со стиснутыми от напряжения зубами, подтолкнула его в сторону огромной постели, почти тонувшей во мраке. Столь тесная близость ее разгоряченного тела сводила с ума, лишая остатков здравого смысла и осторожности. В двадцать зим трудно, почти невозможно противиться властному зову природы, и сейчас Конан одновременно боролся и с Лорэйдой, и с самим собой. Что-то было до ужаса не так, неправильно. На какой-то миг он



позволил ей — и зверю в себе — одержать верх, жаркие губы Лорэйды почти слились с его ртом, но именно тут Конан понял, в чем дело.

Запах. Да... У него было очень много женщин, самых разных, юных и не очень, красавиц и едва ли не дурнушек, простолюдинок и знатных особ, и уж что-что, а какой аромат исходит от изнемогающей от желания подружки, киммериец знал лучше некуда. Так вот запах Лорэйды никак не походил на обычный.

А она, между тем, все-таки впилась в его рот, глубоко просовывая жадный язык, и в неистовстве уже рвала рубаху на его груди, нависнув сверху — ибо Конан даже не понял, в какой момент оказался распростертым на постели. Все его естество требовало одного — немедленно сдаться, и в голове не оставалось ни единой мысли. Золотые волосы Лорэйды струились по его лицу в точности так, как он совсем недавно мечтал, но...

От нее пахло кровью и смертью. Даже не своей — чужой.

— Эй, полегче, — согнув ногу в колене, Конан вроде бы не слишком сильно пнул ее куда-то в низ живота, и Лорэйда вдруг издала вопль негодования и боли. Ее лицо исказилось и покраснело, хватка заметно ослабла.

— Ах ты ж... — поток витиеватых ругательств с рычанием вырвался из глотки Конана, доводившее до безумия желание моментально сменилось ослепительной яростью. — Ну, тварь, мразь поганая, я же тебе сейчас кишки вырву и удавлю прямо на них!

С поразительной ловкостью Лорэйда перекатилась на другую половину ложа, и когда Конан бросился на нее, чтобы немедленно привести в исполнение свою угрозу, его ожидало новое потрясение: вместо горячей живой плоти его руки натолкнулись на совсем иную, холодную, податливую, да еще и скользкую. В полуумраке киммериец не сразу сообразил, что именно перед ним: он сжимал горло не Лорэйды, кем бы та на самом деле ни была, а... ее мертвого супруга, лэрда Мантихора, и скользили в еще не окончательно свернувшейся крови, вытекшей из разверстого, очевидно, в последнем вопле рта.

Конану было сейчас не до лишних вопросов «как?» или «почему?». По-видимому, тварь прикончила Мантихора за считанные минуты до появления киммерийца — и как раз в ожидании его прихода. Очень удобно было бы представить дело так, будто это именно он виноват в смерти лэрда, а самой выйти сухой из воды, разом избавившись от двоих ненавистных людей. Но она просчиталась. Он не позволит так запросто обвести себя вокруг пальца и погубить!

Впрочем, и мертвый, лэрд сослужил Лорэйде последнюю службу: воспользовавшись его телом как щитом, она замедлила стремительное движение варвара, выиграла время и получила некоторое преимущество. По крайней мере для того, чтобы истощно заорать, призывая слуг и стражу. Этого ни в коем случае нельзя было допустить. Метнувшись к ней, уже успевшей добежать до двери, Конан рванул Лорэйду назад, взяв ее гор-



ло в захват и зажимая ее рот свободной рукой. Сейчас он уже не сомневался, что имеет дело во все не с женщиной, и действовал соответственно.

— Я тебе не какой-то изнеженный лэрд, я — сын кузнеца из Киммерии! — прорычал он, готовый прикончить отчаянно бьющуюся в его руках тварь.

Почти лишенная возможности дышать, Лорэйда, однако, продолжала сопротивляться. Ей удалось дотянуться до подсвечника, укрепленного на стене, и вырвать его вместе с куском деревянной обшивки. Завладев хотя бы таким оружием, она попыталась воспользоваться им, но добилась лишь того, что отлетевшая в сторону и не успевшая погаснуть свеча коснулась шелковых покрывал, свисавших с постели. Пламя вспыхнуло мгновенно и ярко. Лорэйда сражалась, как зверь, пустив в ход все доступные средства, и поскольку в силе она мало чем уступала Конану, он не удержал равновесие — и вместе с ней рухнул в разгорающийся огонь.

Это происшествие оказалось неожиданно удачным, потому что сам он никак не пострадал, а вот до одежды и волос Лорэйды пламя добралось в ту же секунду.

Резкая боль придала ей сил. Издав нечеловеческий вопль, Лорэйда вырвалась из рук Конана и метнулась на сей раз к окну. Он услышал звук разбившегося стекла — и увидел, как это порождение преисподней выпрыгивает прочь, невзирая на приличную высоту.

Не задумываясь, киммериец последовал за

ней. Что, собственно, спасло ему жизнь: ворвавшийся в помещение ночной воздух дал возможность огню взвеститься выше и охватить все вокруг.

Он слышал крики наконец-то вспомнившей о своих обязанностях стражи, краем глаза видел бестолково мечущиеся тени челяди, пытавшейся справиться с разгорающимся пожаром, но главным оставалось другое: догнать стремительно удаляющуюся Лорэйду. А надо сказать, что скорость это создание, кем бы оно ни было, развивало приличную, очевидно не желая быть настигнутым. Конан мчался за ней в темноте, ориентируясь по мелькающим впереди белым лоскутам, оставшимся от ее одеяний, и в конце концов настиг, сбил с ног и придавил к земле.

Теперь он только диву давался, каким образом мог так жестоко ошибаться, приняв ее за женщину. С обгоревшими волосами, бровями и ресницами, в копоти и грязи, перед ним лежал, несомненно, мужчина. Да, он был почти неправдоподобно красив даже в таком виде и положении, но...

— Я все равно тебя убью, — острие меча Конана коснулось горла поверженного противника, — но прежде ты мне расскажешь, что за наваждение ты здесь устроил, ублюдок.

Всякому существу свойствен страх смерти. Почти невозможно найти такого храбреца, который в последний момент перед неизбежной гибелью сумел сохранить лицо и ничем не выдать своего ужаса, не начать молить о пощаде. Так вот



этому человеку, кажется, его дальнейшая судьба была совершенно безразлична. Холодные синие глаза взирали на Конана со спокойной, почти безмятежной усмешкой.

— Ну так убей. Что тебе мешает? Невозможность без моей помощи удовлетворить свое любопытство?.. Убери свое оружие. Кстати: мое имя Лэйрид. Не Лорэйда. А то ты мучаешься, не соображая, как меня называть.

Первоначальное бешенство в душе киммерийца давно улеглось. Отведя в сторону меч, он позволил Лэйриду подняться и перевести дух.

— Ты сказал, что являешься сыном кузнеца из Киммерии, — произнес тот. — Так вот, я тоже. Только из Ванахейма. И тебе явно повезло больше, чем мне, с самого начала. Я был белой вороной и в своей семье, и в нашем селении. Посмотри на меня: мое проклятье — у меня на лице. Мужчина не может обладать такой внешностью. Даже мои сестры выглядели невзрачно рядом со мной, а ведь они были очень красивы.

Конан не смог удержаться от короткого смешка. В самом деле, вообразить себе этого человека стоящим возле наковални было сложно даже при очень богатом воображении. Киммериец вспомнил ту мысль, которая мелькнула у него, когда Лэйрид вцепился в его руки: «хватка молотобойца». Оказывается, он был весьма недалек от истины.

— Надо уходить. Как только они найдут то, что осталось от Мантихора, на ноги поднимут всех, чтобы найти убийцу, — сказал Конан.

— Да. И поджигателя. Впрочем, никто не будет слишком стараться. У проклятого пса не осталось ни наследников, ни родни, ни единого человека, который пожалел бы об его смерти, — задумчиво вразумил Лэйрид. — Он получил то, чего заслуживал.

— С твоей помощью?

— А как же. Все просто: мне было около восемнадцати зим, когда я покинул Ванахейм. Я больше не мог оставаться в собственном доме. Мой отец ненавидел меня, полагая, что мать согрешила с одним графом, когда-то проезжавшим через наши места. А ведь это было не так. Я всего лишь унаследовал ее собственную красоту. Идти мне было особенно некуда, и я направился в Немедию. Там наконец я нашел себе подходящее применение, став кинэдом.

Конан знал, о чём идет речь. Кинэды, мальчики-шлюхи, высоко ценились среди немедийской знати. Но он молчал, не представляя себе, что тут можно ответить.

— Я быстро сделал состояние, обслуживая богатых господ. Понимаешь, если бы я родился уродом, то развлекал бы толпу в каком-нибудь бродячем цирке. Это почти то же самое.

— А почему ты снова оказался в Ванахейме? — спросил Конан.

— Мир тесен, — вздохнул Лэйрид. — Я узнал, что лэрд Мантихор погубил двух моих сестер. И что его, полновластного хозяина здешних мест, никто не способен остановить. Тогда я решил, что должен совершить нечто такое... что оправ-



## Великий друид



**Б**анным летним утром, когда свет солнца, поднимавшегося над линией горизонта, стер с неба звезды, стражники у ворот Тарантии по команде офицера сняли тяжелый засов, вынули из-под створок деревянные клинья и неторопливо распахнули прочные створки из окованных железом дубовых досок. Мощные петли были хорошо смазаны, ворота открывались легко и без скрипа.

В город въехали припозднившиеся вчера путники, ночевавшие у городских стен, а из города выехали самые торопливые и предусмотрительные — чтобы не дышать пылью от встречных торговых обозов и телег крестьян, везущих продукты в город. Чуть позже через ворота выехал на хороших конях отряд всадников, вооруженных, но бездоспешных — десяток королевских гвардейцев, юноша лет четырнадцати, рослый,

но еще не вошедший в мужскую силу, и высокий широкоплечий мужчина лет сорока с лишним, выделявшийся своей мощной фигурой даже среди отборных воинов королевства Аквилонии.

— Видал? — кивнул вслед кавалькаде один из стражников. — Король Конан с наследником куда-то в дальний путь собрались.

— Почему ты думаешь, что в дальний?

— Так одеты для долгой дороги. Когда король выезжает в ближние города, одевается более пышно. И охрана тогда в парадной форме едет. Когда на охоту — то с ним едут егеря, придворные. Когда на войну — оруженосцы с доспехами.

— И куда, ты думаешь, они поехали?

— А вот это уже не нашего ума дело.

— Чего уж так-то? Сказал бы просто — не знаю!

— Придержи язык, пока его тебе не подрезали! Если было бы надо, то перед выездом короля заранее проехали бы гонцы, чтобы известить кого надо и подготовить проезд короля со свитой. А если этого не сделано, значит, государь не желает лишней огласки. Вот не болтай лишнего.

Всадники тем временем пересекли широкую равнину и скрылись за поросшими лесом холмами. Путь их лежал на север. Ехали они довольно долго, в темпе обычного воинского перехода, не торопясь, но и не расслабляясь. Оставались позади деревни и возделанные поля, давно обжитые места сменялись густыми лесами, потом снова начинались вырубки, появлялись дымки кузниц и пекарен, а дорога тянулась все дальше и даль-



ше. Наконец король скомандовал остановиться на привал и повернул своего коня к ближайшему леску.

Здесь всадники спешались и пустили коней отдохнуть, сами тоже устраивались в тени деревьев. Один из гвардейцев, расстелив свой плащ, выложил на него хлеб и нарезал его крупными кусками. Король взял два куска хлеба и предложил один из них сыну. Тот взял хлеб и с недоумением спросил:

— Это у нас такой обед сегодня?

— А чем тебе не нравится? Если ты проголодался — ешь.

— Я не понимаю, отчего нельзя было взять с собой чего-нибудь более приемлемого? Или победить в любой из встречных деревень? И куда мы вообще едем?

— Пойдем-ка, — сказал Конан и неторопливо направился в сторону от места привала. — Мы едем в Киммерию. На мою родину. На родину твоих предков.

— Что, прямо сейчас? — удивился Конн. — Без подготовки, без предупреждения? У меня ведь тоже были кое-какие свои планы на ближайшее время!

— Мы едем прямо сейчас, — твердо ответил король. — У меня все подготовлено. А если твои замыслы окажутся несколько нарушены, то поверь мне, что это на самом деле не важно. Если захочешь, ты сможешь осуществить их после нашего возвращения, а если они будут нарушены непоправимо, то не стоит о них и жалеть. Не

пойми это как пренебрежение к твоему мнению. Тебя учили лучшие учителя, которых я мог найти, ты много знаешь о мире, умеешь фехтовать и имеешь представление о королевских обязанностях. Но в королевском дворце не всегда понятна настоящая жизнь. А жизнь часто ломает безупречно налаженный порядок, опрокидывает тщательно продуманные планы и развеивает как дым мечты и стремления.

— Но зачем же самому устраивать переворот в своей жизни?

— А просто так! Ты знаешь, в юности я немало странствовал, повидал мир, одержал множество побед. А последнее время я сижу в Тарантии, занимаюсь государственными делами и не могу оторваться от них! Королевский долг держит меня крепче тюрьмы и надежнее железных цепей. Но если я создал порядок, который держится только моей волей, то я хотел бы увидеть и понять это до того, как это окажется непоправимо. Да и тебе, сын мой, полезно будет отдохнуть от городских стен и торжественных церемоний, чтобы увидеть настоящий живой мир. Я бы хотел, чтобы ты увидел его так, как я. Хотя мир постепенно меняется, и я сам не знаю, что увижу в родных местах.

— Хорошо, отец. Но когда примерно мы вернемся назад?

— Не знаю. Как получится. Рассчитывай на месяц, если нам не встретятся неожиданные препятствия.

Они прошли по лесу. Среди редко растущих



дубов и зарослей орешника король показал наследнику на вполне неприметный участок:

— Видишь? Звериная тропа ведет в низину, там может быть родник. Зверь зря шуметь и проридаться сквозь заросли не будет, идет по тропе и ветки здесь не загораживают проход. И следы видны, если приглядеться. А ты плохо ходишь. Шумно. Я и дома замечал — ты ступаешь слишком тяжело. Дома это ощущается как удары по полу, здесь это просто более шумный шаг. Мягче надо ставить ногу, перекатом края стопы. Учись, этот пустяк может когда-нибудь спасет тебе жизнь. Ты слишком долго жил в каменных стенах, мне следовало раньше окунуть тебя в настоящую жизнь. В жизни некогда вспоминать правила, которым тебя учили — настоящие знания проявляются неосознанно. Ты делаешь, а только потом понимаешь, почему ты сделал это именно так.

— Отец, а может, мне стоило бы отправиться в странствия одному? Чтобы узнать все и научиться самому?

— Может быть, и стоило бы, — усмехнулся Конан. — Но большинство тех искателей приключений, с которыми сводила меня судьба, давно и безнадежно мертвые. Понимаешь, тебя научили владеть оружием, но тебе очень редко пришлось бы применять свое мастерство в честных поединках. Большинство смертельных ударов нааются не по правилам фехтования, и куда важнее вовремя почувствовать намерения человека, пока он всего лишь сжимает в кулаке кинжал.

Понять, кто тебе действительно опасен, а кто просто сыпляет пустыми словами. И не обернуться спиной к первому, и не бросаться сдуру на второго. Потому что невозможно защитить свою жизнь и честь, убивая каждого болтливого дурака на своем пути.

Отец и сын вернулись к месту привала, доели хлеб и запили его водой из фляг. Двое воинов во время привала бдительно следили за окрестностями, остальные отдыхали. Хороший солдат никогда не упустит возможность вздремнуть. Король обратил на это внимание сына:

— Как бы ты ни был уверен в безопасности дороги, военный отряд должен выставить охранение. Пусть лучше сто раз люди будут совершать бесполезное наблюдение, чем один раз дают напасть врагу внезапно.

— Да, я знаю.

После отдыха отряд снова сел на коней и в прежнем темпе двинулся дальше. Ехали до тех пор, пока солнце не начало клониться к вечеру. Тогда остановились возле одной из придорожных деревень и поужинали в местной таверне — вкусно и обильно, а для ночевки поставили шатер из тонкого шелка, который вез в свернутом виде один из воинов.

Так они ехали еще два дня, переправились через Хорот на паромной переправе, устроенной на пути из Танасула в Бельверус и снова свернули с большой дороги на проселок, ведущий к северу. Проезжая через встречные селения, они задерживались лишь для того, чтобы пополнить съест-



ные припасы для людей, да купить овса для лошадей.

Третья ночевка выпала быть на берегу Ширки. Здесь, в верховьях, ее можно было перейти вброд, это дальше она становилась полноводной рекой.

Для ночлега встали лагерем неподалеку от ближайшей деревни, но под вечер, поужинав, не легли спать. То есть, была назначена очередность часовых, но в сгущавшихся сумерках к королю подошел десятник Виссонт с невольно распзывающейся в улыбке физиономией:

— Государь, — сказал он, — мы вроде как бы в воинском походе, но ведь на самом-то деле никакой беды не ждем?

— Ты это к чему?

— Так такое дело... Сегодня же праздник в народе отмечают. Перелом года, самая короткая ночь в году.

— И что?

— Ну, ребята глянули. Тут неподалеку местные как раз гулять будут, так, может, мы сходим? К утру, как положено, все будут на месте.

— Ладно, пусть. Но один часовой должен все же быть на посту.

— Конечно, государь! И сменим его вовремя. Все будет хорошо.

Воины собрались быстро и целеустремленно. Через несколько минут они дружной гурьбой направились к реке, где уже стали видны отсветы большого костра.

Конан обратил внимание, что оружие они



предусмотрительно сложили в шатер и по возможности сменили походное снаряжение на более легкую одежду.

Стемнело, в ночном небе ярко светили звезды, молодой месяц висел над линией горизонта, а от реки доносились звуки песни. Слов на расстоянии было не разобрать, но мотив звучал радостно и чисто. Король с сыном сидел у догорающего костра, как вдруг часовой, невидимый в темноте, шумно двинулся в сторону с возгласом:

— Кто идет?

Послышались возня и невнятные возгласы, и вскоре воин направился к костру, подталкивая перед собой человека с заломленной за спину рукой. Король встал и шагнул к ним навстречу:

— Что случилось, Марк?

— Вот, государь, шел к нам, отвечает невпопад, и чего ему надо, непонятно...

— Отпусти его.

Бородатый мужчина, высокий и худощавый, неторопливо поправлял на себе одежду и, устремляя на короля взгляд безумных глаз, что-то бормотал.

— Что ты там говоришь? — спросил его король.

— Что вы от меня хотите? Вы мне не нужны, и ее здесь нет...

— Кого?

— О, Аннабель, любовь моя, где ты? Опять я не найду успокоения душе моей... Я отдал бы за тебя жизнь, но зачем тебе моя жизнь?! О, Аннабель...



— О ком ты говоришь, где она? — спросил Конан.

— О, Аннабель! Взгляд ее для меня дороже всех сокровищ мира. Они называли ее ведьмой! Какое мне до этого дело? Они называли ее дурнушкой! Что они понимают в красоте? О, Аннабель...

— Где она?

— О, Аннабель! Ты не дашь мне покоя... Твой светлый образ зовет меня и снова и снова я бреду без дороги и без цели...

Безумец вдруг повернул голову, будто что-то увидел в непроглядной темноте леса и двинулся мимо короля. Марк попытался ухватить его и удержать, но Конан перехватил его руку:

— Пусть идет.

— Да, государь. Я ведь только что вспомнил, это безумец с озера Обер. Он безопасен, и его никто не трогает, иначе не будет добра тому, кто его обидит.

— Что это за озеро Обер?

— Ну, я на самом деле-то плохо помню, — смутился гвардеец. — Еще в детстве раннем слышал легенды, а сейчас вот вспомнил. Это дымное озеро Обер, и излюбленный ведьмами Вир...

— И где это оно?

— Не знаю. Пожалуй, что нигде. То есть, нет на самом деле такого места в округе, есть лишь рассказы о нем.

— Ладно. Карауль дальше.

Конан отошел от шатра и прислушался. Безумец с озера Обер удалялся, еле слышен был



хруст веток под его шагами. У реки хоровое пение прекратилось и слышны были отдельные веселые возгласы, смех, порой доносился звук свирели. Воздух, напоенный ароматами цветущих трав, казалось, опьянял не хуже вина, стрекот кузнечиков и лесные шорохи сливались в торжествующую музыку природы. Во мраке леса возникали и исчезали смутно видимые светящиеся пятна. Неспроста люди праздновали сегодня, ощущение чего-то особенного настигало с пугающей неотвратимостью, и Конану приходилось делать над собой волевое усилие, чтобы сохранять ясное восприятие происходящего. Он собирался уже вернуться к шатру, как в лесу снова послышались легкие шаги.

— Веселенькая сегодня будет ночка, — пробормотал киммериец.

Человек приблизился, и Конан увидел перед собой невысокую молодую женщину в светлом платье. В лунном свете показалось округлое лицо в обрамлении распущеных волос, удерживаемых лишь венком из луговых цветов.

— Кого ишьешь, красавица? — окликнул он ее.

— Тебя.

Она медленно подошла к нему, сняла с головы венок, надела его на голову короля. Чтобы дотянуться, ей пришлось поднять руки над головой и прильнуть к нему всем телом.

— Пойдем со мной, — сказала она.

— Ты знаешь, кто я? — спросил киммериец. Женщина была ему желанна, но он уже привык просчитывать все последствия своих действий.



— Ты мужчина, — просто ответила она, протягивая ему свою руку. — А в эту ночь мужчины не отказывают женщинам.

— Вот как? — спросил Конан, обнимая ее округлый стан и бросая быстрый взгляд в сторону костра. Там рядом с Конном тоже сидела женщина, тесно прижимаясь к юноше.

— Ну что же, пойдем...

\* \* \*

К вечеру шестого дня королевский отряд подъехал к небольшой крепости в северной провинции Аквилонии, построенной возле деревни, расположенной на берегу не то широкого ручья, не то крошечной речушки. Крепость тоже не поражала мощью и величием — кое-как сложенные из плохо обтесанных камней стены имели высоту в два человеческих роста, неглубокий ров служил не столько преградой врагам, сколько канавой для стока дождевой воды, края его оплыли и густо заросли травой.

— Недолго же выстоит такая крепость при штурме, — насмешливо сказал Конн.

— Видишь ли, — возразил король, — стены не высоки, но с лошади не запрыгнешь, все равно лестницы нужны. То есть этого достаточно, чтобы жителям укрыться в крепости и отбить набег небольшого отряда, а большого войска здесь обычно ждать не приходится. А если все же будет большая война, то подойдет на помощь и наше войско.



Тем временем они подъехали к воротам крепости и были остановлены грозным окликом стражника.

— Кто едет?

— Король Аквилонии! — отозвался гвардеец, ехавший впереди отряда.

Стражник схватил трубу и подал троекратный сигнал довольно противного звучания.

— А если бы ехали враги? — спросил Конан стражника, въезжая во двор крепости.

— Ну, решетку-то я бы успел опустить в любом случае, — уверенно отозвался стражник, — а врагов мы не ждем, это да. Внезапно они все равно не подойдут, сначала наши гонцы успеют.

Навстречу гостям уже выходили немногочисленные воины этого заброшенного гарнизона и спешил их командир, поправляя на ходу свою одежду.

— Счастлив приветствовать государя Аквилонии, — поклонился он Конану. — Барон Леппик, к вашим услугам.

— Приветствуешь тебя, барон! — сказал король, спешиваясь. — Распорядись, чтобы моих людей устроили на ночлег. Сегодня мы гостим у тебя.

— Несомненно, государь, — склонил голову барон. — Но можно ли мне узнать — не война ли надвигается на наши земли? Не нужно ли предпринять какие-нибудь срочные меры?

— Нет, успокойся.

Барон послал слугу проводить короля и наследника в покой замка, а сам остался распоряжаться во дворе. Через пару часов все собрались



в обеденном зале. За обильной, сытной трапезой барон рассказывал королю об обстановке возле границы.

— У меня сейчас под началом полсотни воинов, — говорил он. — На днях мне сообщили, что пикты шарят на нашей стороне, и я послал два десятка конников прочесать приграничные перелески.

— Я смотрю, — сказал Конан, — что в твоем замке стены обильно укрыты дорогими gobеленами, а вот крепостной ров давно не чищен. Ты врага думаешь роскошью запугать?

Барон покраснел:

— Я знаю, государь, — начал оправдываться он. — Я собирался послать людей на чистку рва сразу после уборки урожая.

— Смотри. Это твоя крепость, но ты и в порядке ее должен содержать. А отчего я не вижу за столом твоих сыновей? Ты их от меня, что ли, прячешь?

— Не гневайся, государь, — вздохнул Леппик. — Это моя боль и моя беда. Мои сыновья тяжело больны.

— Чем именно? — заинтересовался король. — Я не слышал, чтобы здесь объявились моровое поветрие.

— Болезнь не заразная. Мой старший сын Рон имел несчастье влюбиться в дочь барона Сертана. Влюбился безумно! Я не хотел бы рассказывать обо всех его безрассудных поступках, но чем больше прилагал он усилий, тем непреклоннее становился барон в своем намерении воспрепят-



ствовать моему сыну и тем жарче разгоралась любовь Рона. Я отринул горечь многочисленных обид, нанесенных мне в былые времена Сертаном, и настойчиво просил его дать согласие на брак наших детей, но он решительно отказал мне и недавно выдал свою дочь замуж. И теперь мой Рон погрузился в бездну черного отчаяния, так что я теперь всерьез опасаюсь за его жизнь или рассудок.

— Барон! — нахмурился король. — Твой сын сидит сейчас в крепости и предается мрачным мыслям?

— Именно так.

— И ты спокойно на это смотришь?

— Государь, сердце мое полно сострадания, но я не знаю, что я могу сделать!

— Я тебе помогу. Завтра. А что с твоим вторым сыном?

— Мой младший — Дэйн, пристрастился к употреблению иноземного зелья, которое завез к нам в прошлом году один торговец с юга. Эх, попадись мне в руки снова этот ублюдок! Я порвал бы его на куски! Оказалось, что его снадобье вызывает потом непреодолимую тягу принимать его снова и снова. Я сжег лавку, в которой им торговали, вместе со всем запасом этой травы, но оказалось, что несчастные, привыкшие к зелью, уже не могут без него обходиться. Лишенные его, они страшно мучаются так, что каждый второй из них просто умирает. У Дэйна оставался некоторый запас этой дряни, но три дня назад он закончился, и теперь Дэйн еле жив.



— Слушай, барон, ты всегда так беспомощен? — жестко спросил Конан.

Леппик покраснел и сбивчиво заговорил:

— Государь, я не собирался жаловаться и просить помощи. Знахари пытались лечить моих сыновей, но безуспешно. Что я мог еще сделать?

— Завтра увидишь. И хватит пока что об этом!

Рано утром громкий голос короля разбудил обитателей замка. Конан приказал своим гвардейцам спешно собираться в путь, седлать коней и ждать его, а сам велел барону немедленно снаряжать в дорогу сыновей.

— Рон сейчас соберется, — сказал барон, — а Дэйн — он просто не сможет усидеть на лошади.

— Тогда мы привяжем его к седлу!

— А я могу поехать с вами?

— Конечно. Можешь взять и парочку своих людей, лучше, если из числа доверенных. Собирайся!

Вскоре отряд всадников выехал из ворот крепости и направился в сторону реки. Барон ехал возле младшего сына, бледного и едва держащегося в седле, готовясь подхватить его, если он начнет падать. Старший был тоже бледен и мрачен, что особенно бросалось в глаза рядом с загорелыми лицами других всадников, но в седле он сидел вполне уверенно.

Король не пожелал воспользоваться мостом возле крепости, а двинулся вдоль реки. Он успел расспросить людей барона про ближайший брод и в указанном месте приказал пересечь реку. Ко-



ролевские гвардейцы первыми успешно переправились на другой берег, уровень воды был чуть выше стремени. Конан въехал в реку, остановился, поджиная сыновей барона, и тут одного за другим опрокинул их в реку. Младший окунулся сразу с головой, встал на ноги, ошело утирая воду с лица, и ухватился за стремя своей лошади. Старший устоял было на ногах, но рука короля тут же помогла и ему окунуться с головой. Сделав свое дело, Конан удовлетворенно усмехнулся и скомандовал:

— А теперь — вперед! На берег.

Молодые люди выбрались на пологий берег, оставляя за собой ручейки речной воды, обильно текущей с них. Рон попытался было выжать мокрую одежду, но безжалостный киммериец велел им немедленно садиться в седла и ехать дальше.

— Государь, — спросил барон Леппик, подъезжая к Конану. — Неужели вот этого будет достаточно, чтобы исцелить моих сыновей?

— Не знаю, будет ли этого достаточно, — серьезно ответил король. — Но на пользу им, несомненно, пойдет. По крайней мере, нельзя страдать от несчастной любви в мокрой одежде. Можешь сам попробовать. Ты позволил им киснуть в духоте закрытых комнат и любовно лелеять свои страдания. Мое лечение может исцелить их, а может нет, но пользы от него всяко будет больше, чем от медленного угасания в дворцовых стенах.

Через пару лиг Конан объявил привал, и отряд остановился на краю леса. Вскоре здесь горел



костер, на плащ одного из воинов выложили съестные припасы, а Рон и Дэйн смогли, наконец-то выжать одежду и обсушиться у огня. Конан протянул им по фляге с вином:

— Пейте.

Рон выпил и с охотой взял кусок хлеба. Дэйн с перекошенным лицом попытался отказаться, но король снова приказал:

— Пей, я тебе приказываю!

Юноша выпил половину фляги и склонился в приступе неудержимой тошноты.

Конан разочарованно пожал плечами и сказал Леппiku:

— Холодная вода — средство простое и надежное. Но не моментальное. Не позволяй ему сидеть в душных комнатах. Вода, свежий воздух и движение должны вернуть ему стремление к жизни. Ну, а уж если не поможет — значит, не судьба.

— Вообще-то, это выглядело весьма неприятно, — тихонько сказал Конан. — Ты обошелся с ними как с глупыми и беспомощными существами. Они не могли тебе сопротивляться, но им наверняка было обидно.

— Ты так считаешь? Видишь ли, я полагаю, что это купание пойдет им на пользу. А если бы я приказал, скажем, облить их водой во дворе замка, то они тут же переоделись бы и ушли мучиться дальше. А здесь они вынуждены двигаться, терпеть мокрую одежду и обувь — они просто не могут сейчас сосредоточиться на своих страданиях. Наверное, я выгляжу бесчувственным и



грубым властителем. Самодуром. А барон — любящим отцом, который не может огорчить сыновей жестоким обращением. Посмотрим, кто из нас окажется лучшим лекарем.

В это время на дороге появился всадник. Он гнал коня галопом, а увидев королевский отряд на привале, решительно свернул с дороги и, приблизившись к королю, крикнул:

— Через восточный перевал прошла шайка грабителей! До полусотни всадников. Двигаются к югу. Я заезжал в крепость, там сейчас вооружаются и готовятся выступить в погоню.

— Государь, — сказал барон. — Мне необходимо вернуться в крепость и возглавить отряд моих воинов для преследования разбойников.

— Сколько воинов ты выведешь в поход?

— Два десятка. И десяток оруженосцев. Мы справимся.

— Не сомневаюсь. Но я со своими гвардейцами намерен сейчас же двинуться на перехват этой шайки.

— Да, это будет неплохо. Горный хребет расположен лигах в двадцати отсюда. Двигаясь по берегу реки, мы должны будем выйти чуть впереди по ходу движения разбойников. Я со своим отрядом надеюсь успеть соединиться с вами. Если же вы первыми встретитесь с ними, тогда отступайте на запад, чтобы вывести их под наш удар.

— Если мы с ними встретимся, — ухмыльнулся Конан, — то положим их сами!

— Государь, нет нужды рисковать получить в



этой схватке случайный удар! Их все же будет пять к одному.

— Успокойся, барон. Все будет хорошо.  
— Я буду спешить.

Барон Лепник распорядился одному из своих людей, хорошо знающему местность, сопровождать королевский отряд, а сам с сыновьями поскакал обратно в крепость.

Гвардейцы тем временем готовили оружие, трое стрелков достали из дорожной клади луки и колчаны со стрелами, натянули тетивы, чтобы быть наготове к стрельбе. Оседлав коней, они двинулись на восток.

— Держись рядом со мной и слушай команды, — велел Конан сыну, — ну а если дойдет дело до сражения, то старайся рубануть первым.

В темпе ускоренного воинского перехода они проскаакали десяток лиг, встретив на пути три селения. В первом и втором слышали о разбойниках, но от того же самого гонца, который вез известия в замок, а вот в третьем они встретили торговца, который сам столкнулся с разбойниками, но успел от них уйти.

— Пока они грабили деревню, — рассказывал он, — я задами вывел свою лошадь за ближний лесок и ускакал от них. Но лавку мою, наверное, уже разграбили...

— Давно ты оттуда? — спросил Конан.

— Да только что. Я около пяти лиг проскаакал галопом, так что они, наверное, еще там.

— Сколько их было?

— Да неужели у меня было время их считать?



Они промчались через деревню, спешились и пошли с двух сторон, врываясь в дома. Их было достаточно много, чтобы никто не сопротивлялся, но сотни, пожалуй, не наберется.

— Они похожи на военный отряд, или это просто сброд? Как они вооружены?

— Да как обычно. Оружие всякое — мечи, сабли, секиры. Так что на военный отряд не похожи, но действовали слаженно, по команде.

— Копья у них были?

— Нет, я не видел.

— Луки?

— Кажется, у некоторых были луки.

В это время на дороге появился отряд всадников, скорым маршем направляющихся к деревне.

— Это должны быть воины барона Лепника, — сказал Конан.

Действительно, это были они. Барон и его старший сын выделялись среди всадников полированными латами и тяжелыми шлемами с глухим забралом. Остальные воины были облачены в одинаковые длинные кольчуги и шлемы с кольчужными накидками, защищающими шею, вооружены длинными копьями и прикрыты круглыми щитами. Мечи, топоры и прочее оружие ближнего боя обильно обвешивало воинов. Глядя на этот отряд, было видно, что в прямом столкновении в поле они смяли бы и сотню разбойников. Копье достанет противника на расстоянии, так что он не успеет воспользоваться своим клинком, и часть врагов будет убита первым же ударом, остальные смешают строй и не смогут



организованно сопротивляться. А дальше — доспехи уберегут воинов от чужих ударов в ближнем бою. Можно разить врага что есть сил. Пусть только противник примет бой, рассчитывая на свое преимущество в численности!

— Разбойники в пяти лигах отсюда, — сказал король, когда запыхавшийся барон подъехал к нему, снимая шлем. — Мы выступим им навстречу и разобьем их. Или они могут свернуть куда-то в сторону?

— Вряд ли. Вдоль горного хребта тянутся довольно малопроходимые и безлюдные места, там им нечем поживиться. Вторгаться вглубь Аквилонии им бессмысленно — они рано или поздно наткнутся на военный отряд, не мой, так другой. Возвращаться к перевалу им тоже не годится — там их встретит усиленная стража. Нет, они должны пройти еще около двадцати лиг и уходить в горы южнее того перевала, через который вторглись к нам. Мы не разминемся.

— Хорошо! Тогда мы едем вперед, а встретив разбойников, повернем назад, чтобы они попали под удар твоей дружины, так?

— Лучше я пошлю вперед несколько своих людей, — возразил Леппик, — а ваш отряд не даст прорваться разбойникам мимо нас. Мы, конечно, разобьем их, но у нас сейчас снаряжение для боя, а не для погони. Они могут попытаться прорваться мимо нас и уйти, тогда вы их перехватите.

— Ладно, — ответил Конан. — Пусть будет так. Двинулись!



Конница выехала из деревни, медленно перестраиваясь из длинной походной колонны в развернутый строй. Две тройки легковооруженных всадников по приказу барона ушли вперед и в стороны, чтобы вовремя обнаружить приближающегося противника и сообщить своим.

Конан вел свой отряд чуть позади баронской дружины, смещаясь то вправо, то влево, показывая каждый раз сыну — почему он так делает и как в случае внезапного нападения надлежит действовать командиру. Когда в зависимости от местности и ситуации следует немедленно атаковать противника, не давая ему развернуться, а когда надо уходить из-под удара.

— Меня учили этому, отец, — сказал Конн.

— Конечно. Но в настоящем бою некогда будет вспоминать заученные правила, там надо будет мгновенно принимать решение, а ошибиться нельзя.

Они проехали около двух лиг, когда один из передовых конников подскакал к барону и крикнул:

— Впереди показался был всадник, но увидев нас, умчался назад!

— Подстрелить его надо было, растяпы! — раздраженно рявкнул барон.

— Не успели...

— Ладно, вперед.

Как ни были осторожны конники передового отряда, враги обрушились на них неожиданно. Из-за очередного небольшого леска с густыми зарослями орешника на полном скаку вырвался



конный отряд и устремился на дозорных. Те развернули коней и помчались назад, сопровождаемые стрелами, а тяжелая конница барона, ускоряясь, устремилась вперед, рассчитывая сокрушить врага мощным ударом.

Разбойники не приняли боя. Подравив двоих дозорных стрелами, они развернули коней и помчались назад. Конан вел свой отряд следом за дружиной барона и отлично видел, как барон залетел в устроенную для него ловушку. Скрытый за лесом другой отряд всадников обрушился на дружину барона Леппика сбоку и вдогон, так что копья его воинов оказались бесполезны, на них нападали сзади и рубили, рубили! Конница может встретить удар только во встречном движении. Даже развернувшись против нового противника, барон подставил бы спины своих воинов первому отряду разбойников. А стоять на месте против превосходящего врага — это поражение. И была бы судьба барона лечь на этом поле вместе со своей дружиной, но Конан, мгновенно оценив ситуацию, бросил свой отряд вперед. Он не мог остановить барона, когда уже понял, что его ведут в ловушку, но он без малейших сомнений ринулся ему на помощь.

— Вперед! За мной! — голос короля на миг перекрыл шум схватки, и Конан со своим отрядом на полном ходу обрушился на врага.

Дружина барона Леппика уже потеряла быстроту и силу удара, его воины смешали строй и лишь отбивались от наседающих со всех сторон разбойников. А королевский отряд на скорости



ворвался в битву. Топот лошадей и лязг железа, возгласы торжества и стоны раненых. Сын скакал рядом с Конаном, прикрытый с боков, но в первом ряду атакующих. Король не имел возможности переставить наследника назад, ему надо было немедленно сломать противника.

Отряд короля пробил ряды разбойников, оставляя за собой поверженных врагов и шатающихся в стороны одиночек, счастливых тем, что им удалось уцелеть после смертоносной атаки гвардейцев. Барон Леппик, получив передышку, уже перестраивал своих воинов и повел их так, чтобы охватить разбойников, пытающихся выйти из-под удара королевского отряда. И в короткой жестокой сече полегли почти все враги, лишь несколько всадников попыталось вырваться из битвы и попытаться уйти, рассчитывая на ревность своих коней. Их преследовали, били стрелами. Когда битва перешла в добивание последних разбойников, Конан опустил свой меч и обернулся к сыну:

— Ты как, цел?

— По руке немного досталось, а так все в порядке.

— Ну-ка, покажи.

Вражеский клинок попал по левому плечу Конна и соскользнул с него, оставив лишь кровоточащую ссадину.

— Сейчас перевяжем, А сам-то ты кого-нибудь достал?

— Я рубанул двоих, — сказал Конн, — вспоминая бой. — Но не знаю, насколько успешно. Все



было очень быстро, никакого фехтования. Возникает вдруг впереди орущая рожа, мелькает оружие, удар — и нас уже разнесло в разные стороны. Но одного я точно свалил. Колющим ударом.

Конн поморщился:

— Клинок вошел ему в грудь с каким-то мерзким хрустом, и я едва успел выдернуть меч, а то бы его вырвало у меня из руки...

Битва закончилась. Гвардейцы собирались возле короля, вытирали оружие, перевязывали раненых. Воины барона тем временем прошли, подбирая своих людей и добивая раненых врагов, потом принялись раздевать их.

Барон послал легковооруженных всадников проехать по окрестностям собирать лошадей, лишившихся своих наездников, отправил гонца в деревню за телегами для раненых и убитых дружиинников, а сам подошел к королю. Вражеский клинок разрубил Леппiku пластину оплечья, и он баюкал раненную руку.

— У меня пятеро убитых и семеро тяжело раненых, мелкие раны не в счет, — сказал он. — А если бы не ваша помощь, то не знаю, уцелел ли бы кто-то из моей дружины.

— Да уж, влетел ты в засаду знатно. Что, не приходилось с таким встречаться?

— Нет, государь. В битве такого не бывает, там рубишься с противником копье на копье и меч на меч, а разбойники если и делают засаду, то не в чистом поле и не против готовой к бою дружины. В походе, в лесу я еще мог ожидать внезапного нападения, а чтобы так...



— Ладно. Что ты сейчас намерен делать?

— Соберем добычу, закопаем трупы, а там должны подойти телеги, погрузим наших убитых и раненых и поедем назад. Ох, и нерадостная получилась победа...

— Понятно. Среди моих воинов нет тяжелораненых, так что мы не будем вместе с вамиозвращаться, а прямо отсюда поедем к восточному перевалу.

После короткого отдыха королевский отряд двинулся на север. Ехали не торопясь, постепенно приходя в себя после битвы. Бой выматывает даже самого сильного и выносливого воина. Когда смертоносные клинки пластиают воздух перед тобой, и вся твоя жизнь сейчас служит одному — успеть уклониться, отвести удар и первому поразить противника, то все силы человека сосредотачиваются в этот миг и выплескиваются в невероятном напряжении схватки.

— ...У него была сабля, но он поторопился ударить издали — я смог уклониться и полоснул его в ответ...

— ... Он, зараза, целился мене секирой рубануть по башке, а я отводом отшвырнул ему руку с секирой в сторону и на обратном движении клинка достал ему по шее...

— ... Я сшиб его вместе с лошадью и тут же кинжалом встретил другого, ловлю поводья, а они соскальзывают...

— Ну и как тебе твоя первая битва? — спросил Конан сына.

— Не знаю, — с сомнением ответил Конн. — Я



скакал, рубил и колол... Все происходило слишком быстро, чтобы что-то понять. Потом... Поле, усеянное трупами — это довольно мерзкое зрелище. Мертвые люди, изрубленные, окровавленные, не успевшие остыть, а их уже раздевают и собираются зарыть в землю...

— Они бы нас даже закапывать не стали, — спокойно сказал Конан. — Бросили бы на съедение зверям и двинулись дальше.

— Да я знаю! — отмахнулся Конн. — Мы были в своем праве, мы исполняли свой долг, мы оказались сильнее... Просто мне кажется, что гордиться этим довольно глупо. Мы сделали грязную работу и только. Если я смог первым вонзить клинок в грудь своего противника, то я от этого стал сильнее? Более достоин уважения?!

— Просто ты раньше никогда не был вынужден сражаться с противником, который хочет взять твою жизнь. С настоящим врагом, чья ненависть заставляет тебя бороться с напряжением всех своих сил и не оставляет места раздумьям и сомнениям.

— Неужели только злоба врагов может сделать человека сильным?

Конан пожал плечами:

— Наверное, не только она. Но это проще всего — разить без раздумий в ответ на вражескую ярость. Ты — или тебя. И все просто и ясно, и клинок разит без пощады, и ты обретаешь победу и гордость, славу и величие...

Или вот представь себе — решил человек жить мирно, никому не мешать и ни от кого не



зависеть. Забрался в глуши, в горы, построил дом, пашет землю, пасет скот, растит детей. И может быть вполне счастлив такой жизнью. Но когда-нибудь мимо него будут проезжать лихие люди и ему придется либо терпеть грабеж и унижение, либо умереть с мечом в руках. Умереть, потому что одному не выстоять против десятка. Вот и получается, что одни начинают жить мечом, а другие платят им за защиту. Я воин и уважаю воинов, хотя не могу не признать, что и среди них попадаются совершенные мерзавцы и вицельники. Сильные, храбрые, умелые воины, но при этом бесчестные, неблагодарные и жестокие. Жестокие без меры. Сразить противника в честном поединке и добить его, чтобы не мучился — достойно воина. А вот пытать побежденного и издеваться над тем, кто не может тебе ответить — позорно. С другой стороны, далеко не каждый землепашец трусив и беззащитен. Он порой терпит унижение, потому что на нем лежит долг уберечь свой род от гибели, но и он может порой биться так, что грабителям приходится горько пожалеть о том, что они сочли этого мужика легкой добычей. Видел я и такое.

— Вот ты говоришь — мерзкое зрелище, — продолжал король чуть погодя, — Так нам еще не пришлось хоронить убитых. Знаешь, в молодости мне часто приходилось вступать в смертельные поединки и, победив, уходить, а то и бежать, оставляя за собой непогребенные трупы. А это на самом деле очень плохо. Душа убитого не находит успокоения и смущает покой живых...



Не знаю, может это и старицкая блажь, но в последнее время мне начинает казаться, что это именно неуспокоенные души убитых мною людей наводят на меня все новые и новые беды. Ведь вроде бы завоевал я престол Аквилонии в честной борьбе, не интригами и предательством, а своей силой и доблестью, сокрушил врагов и старался наладить мирную жизнь в королевстве. Так вновь и вновь обрушаются на меня испытания, которых я не могу предвидеть. Откуда ни возьмись! Я, конечно, буду биться с любыми напастями, но ведь большую половину жизни я уже прожил... А мне хотелось бы оставить тебе королевство процветающим и могучим, а не погрязшим в череде войн и потрясений. Ладно, как бы то ни было, я сделаю все, что смогу, а уж если смерть перехватит меня на полпути, то в том не будет моей вины...

Они проехали несколько селений, разграбленных разбойниками, не останавливаясь в них. На ходу успокаивали людей, говорили, что банда не вернется, обещали помочь пострадавшим и ехали дальше.

Бандиты на своем пути убили несколько человек, не пожелавших расстаться со своим добром, и сожгли дом, где хозяин уложил насмерть двоих разбойников. Убитые разбойниками, как правило, просто не поняли происходящего и не знали, что за спиной наглецов, вломившихся в их дома, стоит полсотни головорезов.



\* \* \*

К вечеру королевский отряд добрался до пограничной заставы у восточного перевала. Горы громоздились впереди, но по узкой долине, просшей лесом, между основным хребтом и отрогом вела достаточно пологая дорога, дальше уходящая вверх.

Небольшое селение на выходе из долины перерывало дорогу в горы прочной изгородью, а у ворот дежурили несколько воинов. Заметив приближающийся отряд, они поднялись навстречу подъезжающему королю с оружием в руках. Из расположенной рядом избы выбегали их соратники, на ходу поправлявшие амуницию. Вперед выступил один из воинов:

— Я десятник пограничной заставы восточного перевала Торвик. А вы кто такие?

— Ты не узнаешь своего короля? — возмутился Конан, осаживая лошадь возле десятника. — Ты почему пропустил банду через заставу?! Вы здесь для чего поставлены?

— Не гневайся, государь, — лицо Торвика покраснело от сдерживаемых чувств. — Десяток воинов уходил наперехват отряду пиктов, о котором мне сообщили накануне, а оставшиеся на заставе не смогли удержать ворота и укрылись в казарме. Разбойники не стали их осаждать, потому что от этого у них было бы мало добычи, но много потерь. Они устремились на равнину, а мы послали гонца в замок барона Лептика. Вы с ним встречались?



— Мы с дружиной барона встретили разбойников в поле и побили их.

— Хвала богам! Много ли их успело разбежаться? Нам надо готовиться ловить уцелевших?

— Некого будет ловить, — оскалился король. — Но у барона Лептика четверо убитых. Злая была схватка. Но ладно, принимай гостей, ночевать будем у тебя на заставе.

Усталые гвардейцы спешились, распрягали коней. Воины с заставы помогали им, в доме разожгли очаг и начали готовить ужин. Конан тем временем осматривал окрестности, потом подозвал к себе Торвика:

— На ближней горе у тебя нет наблюдателей?

— Нет, государь. Оттуда невозможно спуститься, дорога все равно ведет через долину, и обойти заставу никак нельзя.

— Спуститься оттуда тяжело, да, — возразил король, — но вражеский лазутчик вполне мог видеть, как твои люди ушли с заставы. И ударили как раз в тот момент, когда их некому было встретить. В здешних горах много народу живет?

— Да кто их знает? За перевалом есть долины, есть плоскогорья, живут там люди, конечно. Приходят, продают шерсть и выделанные шкуры баранов. Говорят, где-то там камни добывают, не то, чтобы драгоценные, но купцы охотно берут их для обработки. Дальше дорога ведет по горам в Киммерию.

— Про Киммерию можешь не рассказывать. У тебя должны быть доверенные люди среди горцев, чтобы сообщали обо всем, что происходит

вокруг. Ты тут не только пошлину собирать поставлен! Ты заставой Аквилонии командуешь! Людей держать в готовности отразить врага и следить за всем, происходящим, чтобы никакая опасность не была неожиданной. Понял?

— Понял, государь. Я ведь здесь недавно командую, не успел еще...

— Теперь постарайся успевать. Какие новости приходили из Киммерии в последнее время?

Десятник задумался, припоминая.

— Да, пожалуй, никаких, — наконец сказал он. — Точно, в этом году ничего из Киммерии и не было. Обычно-то оттуда тянется народ в Аквилонию и дальше на юг, то поодиночке, то небольшими отрядами. И к нам в стражу нанимаются, и дальше идут. А в этом году проходили только караваны с грузом олова из киммерийских рудников, пошлину заплатили, как обычно, и все.

— В банде, которую мы разгромили, если и были киммерийцы, то немного, — припомнил Конан. — Что же это значит? Войны-то там не было, я бы знал. Мор? Тоже были бы беженцы, а еще больше — слухов.

— Не знаю.

— Ладно. Что бы там ни было, я скоро увижу это собственными глазами.

На следующее утро поднялись с рассветом, плотно позавтракали и, не торопясь, собрались в путь, взяв припасов на неделю и немного товара для горцев с таможенного склада.

Король не собирался торговаться, но готовился



отвечать на гостеприимство щедрыми подарками. Перед выходом поменяли повязки у раненых, и Конан велел остаться на заставе одному из гвардейцев, у которого рана подозрительно опухла и покраснела.

— Найдешь лекаря, — приказал Конан Торвику. — И обеспечишь все необходимое.

— А ты, Марк, — обратился он к своему воину, — после выздоровления возвратишься в столицу, расскажешь королеве, что у нас все благополучно. Не расстраивайся.

С скрипом открылись ворота заставы, и королевский отряд отправился в путь. Дорога через перевал служила живущим здесь людям не одно поколение, так что крупные булыжники были убраны на обочины.

— Вот ведь, — сказал Конан сыну. — Если мы путешествуем по незнакомым местам, придет ли нам в голову убирать камни с дороги? Мы пройдем по любой тропе, замедлив ход, чтобы не переломать ноги лошадям, или спотыкаясь и ругаясь на чем свет стоит, но убирать камни — зачем? Мы же снова здесь не пойдем. А вот люди, которые здесь живут и ходят этой дорогой постоянно, не пожалели сил и времени, чтобы очистить тропу не только для себя, но и для всех будущих путников. Забавно, я усматриваю в этом некоторое подобие доле правителя. Я могу требовать, чтобы мой подданный пожертвовал своим имуществом и самой жизнью по первому моему слову, но если я буду делать это не по необходимости, а по собственному произволу, то развалю



государство и собственную власть. Ведь я обязан обеспечивать своим людям защиту и порядок. Каждый убирает со своей дороги свои камни...

Дорога вывела королевский отряд на седловину между двух гор, свернула в чахлый лесок, где густо растущие тоненькие сосенки наперегонки устремлялись вверх, к солнцу. Потом перед путниками открылось плоскогорье в зелени густых трав, а дорога устремлялась все дальше, вглубь горного массива.

— Вот тоже, — говорил Конан, — ходили здесь люди, ездили на конях, и пробили дорогу так, чтобы идти было легче. Где надо — напрямик, где надо — в обход, но без лишнего пути, а в самый раз. Ну и как, сынок, нравится тебе в горах?

— Ага, красиво, — согласился Конн.

— Когда-то давно я слышал притчу, смысл которой сводился к тому, что не стоит рассказывать про горы жителям степей, а жителю гор про степь. Бесполезно тратить слова — тот, кто не видел ничего подобного, не поймет. И все слова о безграничности пространства степей или о величии гор останутся для него пустым звуком. Невозможно передать словами ощущение, которое ты испытываешь на краю пропасти. Даже если слушающий тебя поймет, что ты хочешь сказать, даже если он видел горы издали, сам он этого ощущения не получит.

— Наверное. А послушай, отец, рассказывают множество историй про твои подвиги. Говорят, ты уже в юности был вождем запорожских казаков...



— Вождем? — король рассмеялся. — Рассказчики всегда любят преувеличивать. Под моим началом было тогда сотни полторы человек. Подумай сам — как бы силен и удачлив ни был пришлый воин, прежде чем он сможет стать настоящим вождем, он должен показать людям, что способен не только сражаться и побеждать. Он должен знать местность и обычай, чтобы не совершать простейших ошибок от незнания. Ни один обычай не возникает просто так, в каждом заложен глубокий смысл, зачастую непонятный пришлым людям. Предводитель должен быть очень предусмотрителен и осторожен, чтобы из глупости и лихости не завести своих людей в ловушку, устроенную врагами. Нужно немало времени, чтобы люди убедились в способности нового человека быть их предводителем. Никакая сила, ловкость и воинское мастерство здесь не достаточны. Видел я многих сильных воинов, которые не способны были командовать хотя бы десятком.

В два дня они пересекли горы, ограждающие северные провинции Аквилонии от Киммерии. Горцы принимали гостей с искренним радушием, но глядя на этих людей, можно было не сомневаться, что в случае надобности они вполне способны будут дать отпор любому врагу. Здесь были такие места, где даже один человек смог бы остановить большой отряд воинов.

Но вот остались позади высокогорные луга и небольшие озера с чистой ледяной водой, укромные ущелья и каменные осыпи. Перед путника-

ми открылась холмистая равнина Киммерии, заросшая вековым сосновым лесом. Король со своими людьми въехал в родную страну по широкому распадку с текущей посередине небольшой речушкой.

На равнине дорога раздваивалась — более широкая сворачивала вдоль горного хребта к оловянным рудникам, а другая устремлялась между пологими холмами, открывая путь вглубь Киммерии. Конан решительно направил своего коня по этой дороге. Сначала на их пути явно были видны следы пребывания здесь людей — проплещины вырубок и черные пятна кострищ, деревья с обструганной корой.

— Так добывают смолу, — объяснил Конан сыну. — Сдирают с живого дерева кору, смола выступает крупными каплями и стекает вниз по стволу.

Через несколько лиг эти признаки человеческой деятельности сошли на нет и потянулся сосновый лес, не обезображененный человеческим присутствием. Дорога, заросшая свежей травой, еле угадывалась, но король уверенно скакал вперед. На привале он с удовольствием прошелся по лесу.

— Видишь, какой здесь лес? — говорил он Конну. — Светлый, чистый. В Аквилонии леса лиственные, густые, деревья и кустарники растут в несколько ярусов, там простору нет. А здесь сосны устремляют к небу светлые стволы, создавая дивное ощущение величия и чудесной гармонии природы. Как будто душа моя воспаря-



ет ввысь. Сосновые кроны смыкаются высоко над головой, прямые ровные стволы внизу лишены веток и взор скользит по ним, не встречая препятствий. Красота! А вот в еловом лесу не так. Еловый лес темный, мрачный, густые еловые ветки плотные, сквозь них не проходит солнечный свет и видимость мала. Там душно и тошно. А здесь дышится легко.

— Хорошо, — согласился Конан. — Но что же, здесь никто из людей-то не живет?

— Почему? Живут. Охотники бьют зверя и птицу. Но в основном поселения жмутся к воде. К рекам, озерам. Охотник найдет способ утолить жажду, а нет — перетерпит, а вот постоянное жилье всегда рядом с водой. Возле воды — пастища, потом выжигают участки леса и устраивают поля. Увидишь.

После отдыха они вновь сели на коней и к исходу дня выехали к селению на берегу небольшого озера. Жителей в нем не оказалось, никто не встретил гостей ни доброжелательным любопытством людей, живущих вдали от густонаселенных стран, ни с откровенной опаской битых жизнью земледельцев. Лишь седоволосый старец сидел на крыльце одного из домов, равнодушно отвернувшись в сторону озера и совсем не интересуясь приезжими людьми. Король мягко спрыгнул с коня, подошел к старику и встал перед ним:

— Что здесь случилось, отче? — спросил он. — Куда все подевались?

— А ты кто такой будешь? — спросил тот в ответ.

— Я Конан. Король Аквилонии и киммериец по рождению.

— Ты собираешься присоединить Киммерию к Аквилонии? — глаза старика оживились интересом и опаской.

— Нет. Я пришел как гость, не с войском, а всего лишь с сопровождением.

— А наши приняли вооруженных всадников за передовой отряд чужого воинства...

— Но что же все-таки здесь случилось?

— Ты не знаешь?

— Нет!

— Тогда слушай. Нынешняя весна выдалась очень холодной и затяжной, а в конце весны боги Севера призвали встать под их знамена всех мужчин, способных держать в руках оружие. Все, не все, но лучшие воины Киммерии отправились в Асгард, чтобы принять участие в Великой битве. Остались немощные, как я. Остались малолетние, на них теперь лежит тяжесть сохранения рода. Остались еще и те, кто счел своим долгом позаботиться в первую очередь о своих близких. Их обзывают трусами, но далеко не все из них остались из страха. Конечно, если поражение в Великой битве приведет к гибели нашего мира, то какой смысла заботы о ком бы то ни было? Но если после битвы жизнь все-таки будет продолжаться, то окажется, что отступники сделали правильный выбор. А ведь Великая битва и в самом деле уже закончилась...

— И кто же победил? — осторожно спросил Конан.



— Никто.  
— Как это?  
— В Великой битве погибли все наши боги и все герои. Но и враг не одержал победы.  
— Откуда ты это знаешь?

— Подумай сам. Никто из наших не вернулся назад. Значит, они все погибли. Но из Асгарда не пришли на землю Киммерии и победители, чтобы воспользоваться плодами своей победы. Значит, их нет.

— Но это только твои домыслы. Ничего точно ты не знаешь?

— Знаю! — в лице старца мелькнула тень былой силы, ведь был он когда-то молод и силен, и как каждый киммериец не мог не держать в руках меча, и его задело замечание короля. — Я чувствую. Я слышал дыхание воинств, ощущал потрясение мира и всплеск ярости боя. Потом все кончилось. Совсем.

— Даже если и так, — задумчиво проговорил Конан. — Если погибли все и никто не смог воспользоваться результатами победы... Тогда в Асгард сейчас должны устремляться толпы мародеров!

— Конечно, — лицо старика исказилось в презрительной усмешке. — Потому я и принял сначала вас за стервятников, спешащих на запах на живы.

Конан призадумался.

— Меня не интересует добыча с мертвых тел, — сказал он наконец. — Но я должен сам увидеть, что сейчас происходит в Асгарде.



— Мне понятно твое стремление. Но ты хорошо подумал? Это ведь не просто место, где полегли в жестокой сече две армии. Здесь бились сами боги. И место их гибели может быть окружено неведомыми чарами.

— Я не боюсь магии, — уверенно ответил Конан. — Я побеждал магов и демонов.

— Ты можешь столкнуться с такими заклятьями, которым будет все равно — боишься ты их или нет, — возразил старец. — Предсмертные проклятия и неуспокоенные души павших героев и богов — я не знаю, чем они могут грозить тому, кто вздумает появиться вблизи места Великой битвы.

— Даже если это будет смертельно опасно, я должен убедиться в этом сам, а не оправдывать свое бездействие досужими рассуждениями!

— Тогда иди.

И Конан снова повернул свой отряд на север. В течение нескольких дней они пересекли Киммерию и приблизились к границе Асгарда. Их встречали и провожали настороженные люди. Кто при появлении вооруженного отряда прятался в лесах, кто выходил им навстречу с оружием в руках, готовый биться с возможными захватчиками. Как правило, это были подростки с тяжелым не по возрасту оружием и немногие оставшиеся дома мужчины. Нет, это были не трусы. И они доказывали это делом. Аквилонцам попадались сожженные деревни, не сумевшие отбиться от врагов. Были селения, оплакивающие своих защитников, погибших в схватках с разбой-



никами, но отстоявших жизнь своих близких. Дважды королевский отряд настигал разбойничьи шайки и в коротких яростных сшибках разбивал их. Воинская выучка и доблесть аквилонцев одерживали верх над дурной силой и жестокостью разбойников. Они могли лишь грабить мирных жителей, но не биться с настоящими воинами, которые действовали умело и слаженно, прикрывали в бою друг друга и сами разили наповал.

Вблизи горного хребта между Киммерией и Асгардом королевский отряд остановился на ночевку. В укромной ложбине, где выбивался из под земли родник с ледяной водой, аквилонцы переночевали, а наутро Конан не сразу объявил приказ выступать, а решил дать людям небольшую передышку. Он послал в дозор две тройки гвардейцев, а остальные остались в лагере — готовили более обильный, чем обычно, завтрак, чинили снаряжение, правили заточку и крепление клинков.

Конан с сыном, разговаривая, отошли от лагеря не так уж и далеко, когда чуткий слух короля уловил приближающийся шум.

— Тихо! — негромко сказал он Конну. — Встань к этому дереву. Слышишь? Кто-то ломится по лесу. Один человек впереди, а за ним еще несколько.

— Мы спрячемся и пропустим их мимо? — так же негромко спросил Конн. — Или пойдем наперехват?

— Первый человек убегает от погони, — отве-

тил король. — Торопится, шумит. Мимо нашей ложбинки точно не пройдет, спустится и пойдет прямо на нас, потому что сквозь кустарник по противоположному склону ему трудно будет забраться. А дальше — мы посмотрим, кто за ним гонится.

Так и вышло. Через минуту запыхавшийся человек в изодранной одежде сбежал по пологому склону в лощину и лишь жалобно пискнул, когда рука Конана, шагнувшего ему на встречу из-за дерева, ухватила его за плечо. Ноги подкосились под беглецом и он, тяжело дыша, опустился на землю, с ужасом глядя на короля.

— Кто ты такой и от кого бежишь? — спокойно спросил Конан.

Беглец был слишком испуган и вымотан, чтобы отвечать, а в ложбину уже сбегали его преследователи. Конан положил руку на рукоять меча и шагнул вперед. Перед ним постепенно выстраивалось восемь мужиков в столь же драной одежде, как и у того, которого они преследовали, только в отличие от него они все были с оружием. Разномастным, неухоженным, но с оружием. Один из них, здоровый детина с довольно наглой рожей, обратился к королю:

— Ты, это, отдай нам этого урода!

— В чем он виноват перед вами?

— Он, это, в Асгард лазил, скотина...

— И что?

Детина набычился:

— Не велено нынче в Асгард ходить! Или ты, это, сам туда собираешься? Так лучше забудь!



— Вы кому служите? — надменно спросил Конан.

— Мы-то? Черному Бригусу..

— А он кто такой?

— Ну, это, как его? Верховный посвященный, ага...

— Маг? Жрец?

— Маг, вроде...

— И с каких это пор всякие маги закрывают людям дорогу в Асгард? Если мне будет нужно, то я поеду туда, даже если все маги мира встанут у меня на пути! Понятно?

— Вот как? Бей его! — взревел предводитель, обращаясь к своим бойцам, еще не отышавшимся толком.

Он не успел даже размахнуться для удара, как кулак короля выбил из него сознание, пару зубов и боевой дух. И он еще падал навзничь, как срубленное дерево, а Конан уже врезался в толпу его подручных, разметав их, чтобы они не встали против него сплошной стеной. Опрокидывая врагов на землю, сокрушая могучими ударами кулаков их ребра и челюсти, король пробился сквозь них, выхватил из ножен меч и, развернувшись, снова обрушился на противников. Этим маневром он заставлял их развернуться спиной к своему сыну, а сам мог теперь бить их одного за другим. Король мгновенными ударами зарубил двоих противников и тут же принял на меч удар боевого молота. Сталь загудела от обрушившейся на нее мощи, но Конан выдержал, сильнейшим толчком отбросил нападавшего, всаживая левой



рукой ему в грудь кинжал, и сразу же был вынужден отражать удар тяжелой секиры. Клинок оказался заклиниен между окованным железом древком и обратной стороной лезвия секиры. Опытный боец не давал освободить клинок и старался вывернуть меч из рук короля, ожидая, что кто-нибудь поможет ему добить могучего противника. Краем глаза король увидел, что его сын бьется с тремя врагами и уже свалил одного из них. Конан выпустил рукоять своего меча, резко двинулся на соперника и жесткими пальцами ударили его в глаза, отшвырнул его с дороги и бросился на помочь сыну. Тот в это время грамотно смеялся в сторону, разворачивая своего противника лицом к солнцу, точным выпадом достал его руку и наносил уже тому добивающий удар, но позади Конна уже возвился еще один враг, заносящий для удара топор. Король достал его в броске. В руках Конана уже не было оружия, но его ладонь упала на хребет врага как тигровая лапа, так что тот рухнул на колени, не успев нанести удар. И тут же клинок Конна нашел его сердце.

Конан быстро обернулся и оглядел поле боя. Нападать на них больше было некому. Шевелился еще один раненый, сырпал проклятьями сидящий на земле и держащийся руками за лицо другой, но никто не был готов сейчас сражаться.

— Ты как, не ранен? — спросил Конан сына.

— Нет.

— Ну, хорошо. Ты слишком увлекся добиванием одного противника и упустил из виду вто-



рого. Запомни, когда бьешься с несколькими врагами, то должен наносить удары поочередно то по одному, то по другому. Но ты молодец, хорошо держался. Очень часто новичков берет оторопль при первом столкновении с настоящим противником.

Король прошел вдоль поверженных врагов, подобрал свое оружие и быстрыми точными ударами добил раненых. Потом вернулся и грозно склонился над беглецом, который старательно пытался вжаться под корни ближайшего дерева.

— Ты что вынес из Асгарда?

— Ничего...

— А это что?

Конан отвесил беглецу увесистую затрешину, рванул у него рубаху и вытащил спрятанный сверток. Там оказался небольшой увесистый предмет длиной чуть более локтя, замотанный в старую тряпку. Король осторожно развернул тряпку и увидел жезл темной бронзы, покрытый у основания несколькими рядами непонятных символов, а в навершии заключавшего крупный прозрачный камень. По жезлу змеилась длинная продольная трещина. Похоже было, что этот явно магический жезл побывал в схватке и не выдержал ее.

— Где взял? — грозно рявкнул Конан.

— Нашел...

— В Асгарде?

— Ага...

— Как ты прошел в Асгард? Без препятствий? И что ты там вообще видел?



— По границам Асгарда разъезжают небольшие отряды конных, человек по пять-десять. Но я прятался, пропускал их мимо себя и прошел достаточно легко. Через полдня пути вышел к месту, где полегло человек в двести, не знаю уж, кто там с кем бился, я прошел по самому краю — воин там уже страшная, нашел вот эту штуку, прихватил ее и пошел назад. Ночевал в лесочке у подножия горы и видел, как в полночь на горе появилась темная фигурка человека, видимо, творившего какие-то заклинания. Воздух вокруг него мерцал и переливался сполохами колдовского огня, и небо опрокидывалось на землю... Потом все кончилось. На рассвете я вернулся в Киммерию, и тут меня заметили. Я рванул от них через болотистый ручей, а они оставили коней и погнались за мной. И вот мы здесь.

— Я заберу у тебя эту вещицу, — задумчиво сказал Конан, рассматривая жезл. — Ни к чему она тебе.

— Вы можете забрать даже мою жизнь, — вздохнул беглец.

— Вот и не забывай об этом! Похоронишь убитых и соберешь все ценное, что у них найдется, я потом гляну. Караваить мы тебя не будем, но бежать от нас я тебе не советую. Понял?

— Да, господин.

Король с сыном вернулся к лагерю. Воины уже сложили все вещи и были готовы выступать. Как раз вернулись и посланные в разведку.

— Дорога на Асгард свободна, — доложил королю десятник Виссонт. — Между гор проходит



хорошая дорога, мы проехались по окрестностям, встретили небольшую деревушку. Подъезжаем — навстречу нам вываливает несколько мужиков, вооруженных как попало. Кто, мол, такие да чего надо... Какой-то поганый разговор у нас получился. Наглые они чересчур были. Тут еще бабы из своих домишек повылезали и давай выть, что обижают их эти разбойнички. Короче, порубали мы эту сволочь. А бабы потом сказали, что по окрестностям этих уродов до трех десятков шастало. Так что мы с ними, возможно, еще и встретимся.

— Сколько вы убили?

— Шестерых.

— И мы восьмерых. Так что, считай, половины уже нету. Ладно, сейчас позавтракаем и выступаем!

\* \* \*

Отряд выехал по разведенной дороге, выслав опять передовой дозор. Ехали с опаской, не расслабляясь. Первые боевые столкновения заканчивались в пользу аквионцев, но опасность засады была вполне реальной. Впрочем, до гор они доехали вполне благополучно. Дорога в Асгард пролегала через широкую долину между гор, достаточно крутых, чтобы по ним нельзя было проехать на лошади, но хорошо просматриваемых. Так что королевский отряд беспрепятственно преодолел половину пути, но за очередным поворотом дороги их уже ждали. Пятеро конных

перегородили дорогу, но это все же была не засада, а попытка договориться по-хорошему. Аквионские дозорные остановились, увидев чужаков, дождались воинов основного отряда и все вместе подъехали к ним.

— Куда путь держите? — встретил аквионцев предводитель чужого отряда.

— В Асгард, — уверенно отозвался Конан.

— В Асгард сейчас ехать нельзя.

— Почему?

— Там сейчас царит смерть и безумие. Если вы не боитесь погибнуть, то вы ведь можете вернуться и вынести беду за пределы Асгарда. Это вам очень надо?

— А ты сам там был, что об этом рассказываешь?

— Нет. Мы поставлены на страже границы. И нам совсем не хочется соваться в Асгард.

— И кто же вас поставил?

— Нас? Черный Бригус. Но он всего лишь один из магов, которые охраняют сейчас Асгард.

— Понятно. Так вот, я — Конан, король Аквионии и киммериец по рождению. Я пройду этим путем, хотя бы передо мной встали все маги мира! Я сам увижу, что происходит в Асгарде, а не буду слушать дурацкие байки, переданные по цепочке слухов! Прочь с дороги!

— Безумный! — крикнул предводитель стражи, разворачивая своего коня. — Ты идешь к гибели сам и ведешь к ней своих людей!

Конан двинулся вперед, неторопливо и неотвратимо, следом за ним двинулись остальные ак-



вилонцы, пятеро противников не стали испытывать судьбу и поскакали прочь. Королевский отряд поехал следом, неторопливо, чтобы не попасть в ловушку. Топот копыт стражников медленно стихал впереди. Пустив вперед дозорных, отряд уверенно двигался вперед, и наконец горы кончились, перед аквилонцами открылась зеленая равнина Асгарда. Слева еще тянулась каменная гряда в несколько человеческих ростов высотой, но дальше дорога шла уже по равнине. Перед выходом в Асгард по правую сторону от дороги на небольшой возвышенности стоял отряд в полтора десятка вооруженных всадников. Конан скривился и сказал сыну:

— Хорошо встали. Атаковать их снизу вверх здесь было бы очень тяжело, а идти мимо них — могут обрушиться на нас сверху вниз. Что делать будем?

— Проходить мимо них, но быть в готовности отразить нападение, — поразмыслив, ответил Конн.

— Пожалуй, да. Лучники, к бою! Двигаемся вперед, не выпуская противника из виду. Оружие держать наготове. Пошли!

Королевский отряд двинулся вперед, без лишней медлительности, но и не ускоряя ход, чтобы в случае нападения легче развернуться навстречу врагу. Отряд стражи, занимавший позицию на холме, выжидал. Или чего-то ждал? Они могли атаковать с преимуществом в скорости и силе удара, но их нападение было лишено момента внезапности. И конные воины на холме стояли

на месте — угрожающе и опасно, но рискнут ли они напасть? Они пропустили аквилонцев мимо себя и кое-кто уже решил было, что все обойдется, но тут ряды стражи дрогнули, и они, стресмительно набирая скорость, ринулись в атаку.

— К бою! — крикнул Конан, не спускавший глаз с противника, и обнажил свой меч.

Гвардейцы быстро и четко развернули коней, лязгнули клинки, вынимаемые из ножен, а стрелки, державшие луки наготове, но скрытыми от взгляда противника, немедленно начали стрелять. Они успели выпустить по три стрелы, проредившие ряды атакующих, а четвертый выстрел пришелся уже в упор — в налетающих на аквилонцев врагов. Стрельба королевских гвардейцев не только выбила половину врагов, но и расстроила их ряды, лошади с ранеными и убитыми всадниками мешали остальным стражникам, но они все же обрушились на короля и его людей с бесстрашием и яростью обреченных. Аквионские воины с флангов рванулись навстречу врагам, и те мгновенно оказались в коридоре готовых к бою гвардейцев. Осыпаемые беспощадными ударами, все атакующие были вырублены в короткой схватке.

Конан опытным взглядом углядел среди поверженных тел вражеского предводителя, спрыгнул с коня и наклонился над истекающим кровью противником:

— Зачем ты напал на нас? Ты что, не видел, что мы — добыча не для тебя?!

— Мы выполнили свой долг, — прохрипел ра-



неный. — Вы не остановились бы добром, а пропустить мы вас никак не могли. Вы мертвы в любом случае. Мы — тоже...

Конан наблюдал на своем веку достаточно смертей, чтобы увидеть в глазах раненого, что жизнь уже покидает его. Конан выпрямился и снова огляделся. Все враги были повержены, никто больше не грозил королевскому отряду.

— Ну, вот, — сказал король сыну. — Еще одна наша победа. Проклятье! Не нужна мне была эта битва и эта победа, мы бы прекрасно обошлись без нее. Зачем они напали?

— Не знаю.

— Но делать нечего. Виссонт, — окликнул Король десятника, — возьми двух воинов и посмотри, что там за грядой. Я не думаю, чтобы там была засада, но проверь на всякий случай. И сразу возвращайся назад.

Трое гвардейцев поскакали вперед, а остальные тем временем ловили лошадей, оставшихся без всадников, обыскивали трупы и складывали их рядком, чтобы похоронить. Король с сыном отошли в сторонку и присели на придорожные камни.

— Что-то мне тревожно на душе, — сказал Конан. — Если бы мы были на войне, все было бы проще. Там ясен противник и понятна цель. Там за нашей спиной стояло бы войско Аквилонии, а далеко впереди разъезжали бы сильные отряды разведчиков. А здесь непонятно, что происходит. Стражники, который мы побили, были опасны лишь для одиноких путников, нас они остано-

вить не могли. Они вообще не должны были на нас напасть! Однако, напали...

— Значит, своего хозяина они боялись больше, чем смерти? — предположил Конн.

— Понимаешь, когда раньше я встречался с прислужниками разных магов, они производили впечатление более тупых и несамостоятельных. Велено им стеречь — стерегут. Велено убивать — убивают. А эти пытались нас уговорить, удержать. Напали, когда поняли, что не удержат. Под властью магов люди обычно себя так не ведут. И общее впечатление от происходящего у меня смутное. Чувствуется, что идем мы в самом деле в опасный поход, только в чем заключается та опасность, не пойму. Опять же когда я был один, было проще почувствовать врага. Сейчас я держу в мыслях не только действия возможного противника, но и командую своими людьми. Я должен вовремя отдать им приказ, а когда я один, то действую свободнее. Мне не надо беспокоиться за других, а удар моего клинка быстрее команды «Бей!»

— Что же ты предлагаешь?

— Я думаю, не сходить ли мне в разведку самому. А вас пока оставить здесь.

— Но тогда никто не прикроет тебе спину!

— Знаешь, я обычно способен почувствовать, когда враг пытается подойти ко мне со спины.

— Но какого противника ты ожидаешь встретить? Вдруг тебе все же понадобится помочь?

— Я не знаю, кого я встречу. Вряд ли это будут победившие в Великой битве великаны или



демоны, привлеченные смертью многих тысяч воинов. Меня больше беспокоит деятельность магов вокруг Асгарда. Что они попытаются извлечь для себя? После битвы могли остаться магические амулеты, сохранившие свою волшебную силу. Возможности этих амулетов я могу лишь предполагать. Самое страшное, если эти маги попытаются собрать остатки силы павших богов и увеличить за счет нее свое могущество. Об этом даже думать жутко. Но что это Виссонт не возвращается?

— Не знаю.

— Даже если там не ровная местность, а нагромождение камней, он не должен был забираться слишком далеко...

— Ты думаешь, они попали в засаду?

— Да не сунулся бы Виссонт в засаду... — проговорил Конан, все более мрачнея, потом решил и громко скомандовал. — Тревога! По коням!

Гвардейцы бросали свои дела и садились в седла. Конан и Конн сделали то же.

— Вы остаетесь здесь, — приказал король двум гвардейцам. — Остальные должны выехать по широкой дуге на равнину и оттуда посмотреть — что делается за грядой. Если Виссонт со своими людьми попал в беду, сначала вернетесь ко мне доложить, тогда мы вместе двинемся им на выручку. Если вы их не увидите, то постепенно проедете за гряду, держась на расстоянии полета стрелы от нее, а мы последуем за вами. Понятно?



— Пояляи.

— Вперед.

Четверо конников медленно прорысили по дороге и, повернув влево, выехали на равнину Асгарда. Продвинувшись сотни на три шагов, они стали забирать вправо. Король с сыном и двумя воинами оставался в сотне шагов от края гряды.

— Отчего же мы не поехали вместе с ними? — тихонько спросил Конн у отца.

— Оттого, — так же негромко ответил Конан, — что если мы столкнемся с непреодолимой силой, то отступим. Пока у нас есть возможность отступить.

— Ты же никогда не отступал перед врагом?

— Не так. Если у меня выбор «умереть или сражаться» я буду сражаться даже без малейшей надежды на победу. Если мне будет некуда отступать, я буду биться даже с непреодолимой силой. Но если у меня есть возможность отступить и искать иные пути к победе, то мы отступим.

Тем временем конники начали понемногу смешаться в сторону каменной гряды. Конан уже тихонько тронул своего коня, чтобы тоже двинуться вперед, но они продвинулись всего лишь на несколько шагов, как в это время четверо акилонских воинов на равнине рванули коней в галоп, видимо увидев перед собой опасность и, безжалостно пришпоривая своих скакунов, понеслись назад.

— Стоять на месте! — жестко скомандовал король. Он не видел противника и не мог принять решение — отступать или идти на помощь своим



воинам, Конан ждал, пока противник появится в поле зрения.

Враг появился внезапно. Режущий уши визг разорвал небо и слева, из-за нагромождения камней вылетел острый осколок, словно целиком состоящий из белого света, и с огромной скоростью пронесся над аквилонскими всадниками, двое из которых вместе с лошадьми на всем скаку тут же обрушились на землю. А сверкающий объект мгновенно развернулся в воздухе по крутой дуге и рванул вдогонку за уцелевшими королевскими гвардейцами, срезал в полете еще одного из них и упал возле самого края гряды, превратившись в фигуру высокого человека в черной блестящей одежде, угрожающим жестом протягивающего руку вперед, в сторону приближающегося всадника.

— Убить его! — скомандовал Конан, резко бросая своего коня вперед. Он сразу оценил, что уйти от такого противника будет гораздо труднее, чем сделать попытку достать его сейчас, пока он стоит совсем рядом и вряд ли успеет защититься.

Все происходит очень быстро. Вот с руки человека в черном срывается огненная стрела и летит в приближающегося всадника, но аквилонец буквально за миг до этого делает рывок в сторону и огненная вспышка расцветает в нескольких шагах за его спиной. Гвардеец снова меняет направление движения и устремляется теперь прямо на своего грозного противника, кидает в него кинжал, но тот легко уклоняется и повторяет свой угрожающий жест. Всии вместе с лошадью исчез-



зает в безумной вспышке злобно шипящего белого пламени. Визг животного заглушает крик человека и оба они рушатся на землю обугленной дымящейся бесформенной массой. И тут же маг оборачивается навстречу мстителям за спаленного аквилонца. Конан со своими соратниками налетает на него как ураган смерти и возмездия. Если врагу и удастся уклониться от смертельно-го удара клинка, его сбивают с ног и затопчут копытами несущихся лошадей. Маг не успевает применить свою силу, воздух вокруг него уже рубят клинки аквилонцев, но ему каким-то образом удается избежать гибельных ударов, всадники уже проносятся мимо, а он делает рывок вперед, оставляя их у себя за спиной, и стремительно бежит к каменной осыпи.

Когда король со своими людьми развернулся коней и вернулся назад, человек в черном уже поднялся достаточно высоко, и достать его они не могли. Конн, вооружившийся перед боем с некоторым избытком, выхватил из перевязи метательный нож и сильным броском вогнал его магу в плечо. Тот вскрикнул от боли, но рана не была смертельной, Конн уже замахивался было для второго броска, но маг успел уйти за каменную глыбу.

- Ты зачем в плечо бил? — спросил Конан.
- Промахнулся...
- Тогда пошли его добивать. Джус, — обратился он к одному воину, — оставайся здесь и жди нас. Перек, ты пойдешь с нами.

Поднимаясь на гряду, Конан быстро вырвался



вперед, впрочем, здесь не было особо тяжелых участков. Конн и Перек изо всех сил старались не отстать от короля. А он вполне был уверен, что справится с раненым магом и в одиночку, но предполагал, что дальше может оказаться ситуация, в которой противник не позволит к себе приблизиться. Тогда могут понадобиться помощники. Конан стал замечать на камнях редкие капли свежей крови и шел теперь вполне уверенно. Он по привычке прислушивался, чтобы не дать врагу возможности подловить преследователя, затаившись за одной из каменных глыб и ударив в упор, наверняка. Но, судя по всему, бегущий маг стремился к какому-то известному укрытию и не пытался ставить ловушек позади себя.

Конан поднялся на гребень и увидел спускающегося вниз по склону мага. Конан подхватил под ногами кусок камня и запустил им во врага, но тот как раз оглянулся и успел шмыгнуть за ближайшую скалу, высунувшись оттуда, и теперь уже король едва успел укрыться, как огненная вспышка взметнула перед ним горсть раскаленных каменных брызг. Конан от души выругался, обернулся и крикнул Конну и Переку, чтобы они были поосторожнее, и снова двинулся в погоню. В нем сплетались сейчас азарт погони, желание отомстить врагу за гибель своих людей и рассудочное опасение оставить у себя за спиной такого противника, если все же выбрать отступление.

После непродолжительной погони черный маг укрылся в пещере на склоне горы, от которого и тянулась каменная гряда. Когда Конан попытал-

ся заглянуть в пещеру, из глубины ударила очередная огненная стрела. Король снова выругался, укрылся рядом со входом, дождался своих спутников и подозвал их к себе.

— Что будем делать? — возбужденно спросил Конн.

— Не знаю. Опасно уходить, оставляя позади врага, который может собраться с силами и отправиться за нами в погоню. В ближнем бою мы с ним еще можем справиться, а в чистом поле он разделяется с нами, и мы ничего не сможем с этим поделать. Но и лезть в пещеру под магический огонь тоже не хочется. И выкурить его нечем. Разве что отправить вас поискать каких-нибудь дров для костра и нарвать травы для дымовухи. Можно еще попробовать завалить вход камнями, но это долго, тяжело и не очень надежно. Но подожди пока.

Король подвинулся к краю своего укрытия и крикнул:

— Бригус! Черный Бригус! Я ничего не перепутал, это ведь твое имя?

— Что тебе надо? — отозвался маг.

— Зачем ты убил моих людей, Бригус? Они ведь тебя не трогали!

— Вам ведь сказали, что Асгард закрыт. Вы не поняли. Я не желал никому зла, но я не мог допустить, чтобы они вернулись назад.

— А мы тоже в твоих глазах обречены на смерть или ты все же отпустишь?

Маг ответил после долгой паузы, видимо, обдумывал ответ:



— Вы пока стоите на грани. Если сейчас вы уйдете как пришли, и не будете соваться в Асгард, вас не будут преследовать.

— Послушай, Бригус! Ты прекрасно должен понимать, что мы не можем рассчитывать лишь на одно твое слово. Окажи нам честь и проводи нас!

— Это чтобы я сам пошел в заложники к мародерам?

— Это кто это тут мародеры? — возмутился Конан.

— А кто же вы? — изумился Бригус. — Или вам приспичило повидаться в Асгарде со своими родственниками? Могилки предков прибрать? Никого, кроме мародеров, мы тут не видим! Только одни лезут скрытно, а другие, вроде вас, ломятся в открытую!

— Я король Аквилонии! — голос короля зазвенел металлом. — Мне добыча не нужна! Я направлялся к месту Великой битвы не трупы обирать, а разобраться в происходящем! Чтобы самому узнать, что там происходит.

— Король? У тебя в королевстве других дел уже больше не осталось? В Асгарде сейчас уйма дел для Посвященных, а праздно любопытствующим там делать нечего!

— Ладно, я чувствую, что ты меня не поймешь, — сказал Конан. — Давай вернемся к тому, с чего я начал — мы готовы вернуться назад, но нам нужен сопровождающий как залог нашей безопасности. Мне очень не понравилось, как ты расправился с моими людьми, и я не рискну ос-



тавить тебя у себя за спиной. Что ты можешь предложить?

— Ничего!

— Тогда, Бригус, ты не оставляешь мне выбора. Кто-то из нас должен будет умереть. Готовься! Но если передумаешь, дай мне знать.

— Вы грозите смертью Черному Бригусу? — раздался сзади чей-то спокойный голос.

Пока Конан переговаривался со спрятавшимся в пещере магом, а Конн и Перек упоенно слушали этот диалог, к ним сзади тихо подошел какой-то человек и, услышав последнюю фразу короля, заговорил с ними. Конн обернулся к нему, хватаясь за меч, но оставил на месте. А вот Перек, стоявший позади него, от неожиданности и мгновенного осознания того, что он не уследил за противником и подпустил на непозволительно близкое расстояние врага, кинулся на того с занесенным для удара клинком, чтобы пусты запоздало, но прикрыть своего повелителя и его наследника. Бросок Перека оказался ошибкой.

Конан и Конн успели понять, что человек, подошедший к ним, не собирается немедленно нападать на них, но в ответ на занесенный клинок он лишь слегка качнул своим посохом, и подкосились ноги аквилонского гвардейца, закатились его карие глаза, потеряла силу рука, привычная сокрушать врагов в беспощадной схватке, и Перек замертво упал на камни. А старик с посохом сокрушенно качал головой, глядя на мертвое тело перед собой:

— Ах, люди меча, люди меча, — горестно ска-



зал он. — Все бы вам разить врагов направо-налево. Нет, чтобы сначала понять, кто тебе настоящий враг...

Одет он был в длинный балахон, на ногах старые стоптанные сандалии, объемистый мешочек синего цвета на поясе, седые волосы стянуты узорной тесемкой. Длинный посох, окованный снизу полоской потемневшей меди; сверху заканчивался пучком веточек, покрытых зелеными листочками.

— Очень опасно, — тихонько шепнул Конан сыну. — Не расслабляйся ни на миг и не выпускай его из виду. Я присмотрю за пещерой.

Король постарался незаметно вытащить свой кинжал и взял его в левую руку обратным хватом, скрывая клинок за предплечьем, готовый в случае надобности бить внезапно для противника. Старец остановился в нескольких шагах от отца с сыном, никаких признаков страха он не показывал, но встал так, что выпадом меча его бы не достали, а то, что бросаться на него издали не имело смысла, Конан и его сын поняли прекрасно.

— Бригус! — позвал старец. — Выйди к нам, а то здесь молодые люди серьезно рискуют заработать косоглазие, пытаясь уследить за нами обоими сразу.

Черный Бригус осторожно выглянулся из пещеры и медленно выбрался наружу. Он был бледен, а на левом плече топорщилась окровавленная повязка. В правой руке он сжимал серебряный жезл, а его костюм из черной кожи обильно был



оснащен блестящими бронзовыми пряжками и подвесками с магическими символами. Чувствовалось, что рана его тяготит, но он напряжен и готов к схватке.

— Что ж, — сказал Конан, обращаясь к старцу с посохом. — Наша встреча состоялась не лучшим образом, но что делать? Я Конан — король Аквилонии. Это мой сын и наследник Конн. С Черным Бригусом я некоторым образом уже познакомился. А кто ты, уважаемый?

— Белероникс. Верховный друид. Но подожди немного, я пока займусь раненым.

Белероникс повернулся к Бригусу и стал неторопливо делать поглаживающие движения возле его раны, спокойным тоном объясняя при этом:

— Вот говорил же я тебе, Бригус, не увлекайся применением силы. Чем это тебя угостили?

— Ножом, — скривившись, отозвался раненый маг.

— Ну, вот видишь? Ты не смог уберечься даже от какого-то ничтожного куска железа. Учись слушать силы природы, и тот же самый результат ты будешь получать с применением малых сил. Послушай старика, пока не поздно, тебе на пользу пойдет.

— Ты мудр, Белероникс, — ответил Черный Бригус с очередной римасой на лице. — И я, несомненно, воспользуюсь твоими советами. Но сейчас у меня не было другого способа остановить аквилонцев.

— И опять же, — возразил старики, — ты мог просто не допустить такой ситуации, если бы не



рассчитывал чересчур на применение сил разрушения. Ну, как, тебе полегчало?

— Конечно. Благодарю тебя, Белероникс.

Верховный друид обернулся к Конану:

— Ну, так что же хотел найти король могучей Аквилонии на месте Великой битвы?

— Понятно что! — с вызовом ответил Конан. — Не волшебных мечей и не магических амулетов, не золота и драгоценностей, хотя все это вполне могло там найтись. Я хотел узнать, кто победил и чего можно ждать от победителя. Готовиться ли мне к сражениям с новым врагом или попытаться взять под свою руку обезлюдевшие земли. Разве это не естественное стремление любого правителя?

— Ну, конечно. Но дело в том, что в Асгарде была не обычная битва, а Великая. Знаешь, в чем состоит отличие? Великая битва изменяет мир, так что обычные мерки здесь не подходят. Ты нашел бы свою смерть, даже не успев толком ничего понять.

— Так объясни мне, что там происходит. Кто все же победил?

— Никто.

— Так не бывает.

— И все же. Там погибли боги Севера и все призванные ими воины. Они мертвы, но добились своей цели — отстояли наш мир. А сражавшиеся против них великаны и их чудовищные союзники, призванные из пекельных миров, понесли невосполнимые потери и не смогли воспользоваться результатами своей победы. Уце-



левшие победители были вынуждены покинуть наш мир.

— То есть Асгард сейчас брошен и пуст? — спросил Конан.

— Ну да, пуст, — усмехнулся Белероникс. — Он был пуст как котел с киянком. Незакрытые входы в пекельные миры! Сгустки сил, освобожденные из разрушенных могучих талисманов! Скопления неуспокоенных душ павших, собирающиеся вокруг развоплотившихся и потерявших силу богов! Проклятия, не нашедшие цели! Не-жизнь! Ты не считаешь себя мародером, король Аквилонии, ты пришел с высокими целями и благородными помыслами! А мы, по-твоему, мародеры? Искатели бесхозных амулетов, мечтающие о власти над миром? И не пускающие в Асгард никого, кто мог бы нам в этом помешать, так ты думаешь?!

— Сколько я имел дела с магами, ничего другого я у них и не видел, — не смутился король.

— Ты не зарывайся, не надо. Мы ведь еще не решили, что с тобой делать. Так вот, мы — Посвященные, маги и жрецы, друиды и шаманы, собрались в Асгард, чтобы устроить павшим в Великой битве достойные похороны. Мы сделали уже большую часть этой нелегкой работы, так что не надо нам мешать! Осталось лишь окончательно подавить не-жизнь.

— И что же это такое?

— Ну, ты представляешь, как на голой земле прорастает трава? Как из крошечного семечка вырастает огромное дерево?



— Конечно.

— Так распространяется жизнь, заполняя собой все доступшое ей пространство мира. Жизнь при этом постоянно поедает сама себя — скот ест траву, люди забивают скот и поедают его, потом люди ложатся в землю и становятся кормом для травы. Но в этом вечном круговороте жизнь не скучеет, а постоянно разрастается и приумножается. Жизнь неисчислимым количеством невидимых связей питает мир духов. А не-жизнь убивает все живое и распространяется, оставляя за собой мертвое пространство. Похоже, она питает какую-то паразитную Сущность мира духов. Нам с большим трудом удалось остановить ее распространение и свернуть ее так, чтобы она потеряла выход в наш мир. И в это время ты влезаешь в наши дела, как ребенок, тянувшийся к огню!

— Что же вы пытались остановить меня жалкими угрозами ваших прислужников? Не лучше ли было сразу объяснить мне все это?

— Ты это всерьез? — изумился Бригус, — Объяснять каждому искателю несметных сокровищ, что идти сейчас в Асгард — опасно?

— Да, — признал Конан, — люди обычно плохо воспринимают слова, вооруженная охрана куда доходчивей.

— То-то и оно, — согласился Белероникс, — Ты ведь, король Конан, сам стоишь перед нами как олицетворение нового мира, и прекрасно понимаешь это.

— Ты это о чем? — насторожился Конан.

— Ты — воин, ставший правителем. И это



примета нового мира. В прежние времена, когда людей было еще мало, самый важный человек среди людей был хранитель знаний, и никому тогда и в голову не могло бы прийти напасть на встречного, хотя бы и чужого тебе человека, чтобы забрать его имущество, убить его или превратить в раба. Много воды утекло с тех пор, люди научились убивать друг друга, и главным среди людей стал воин. Вдумайся сам — как это дико! Человек, хранящий память поколений и умеющий разговаривать с высшими духами, должен искать защиты у воина, который может быть совершенным балбесом и уметь лишь одно — бить врага чем-нибудь тяжелым по голове! Знания и мудрость обесценились по сравнению нанести врагу смертельный удар. И даже люди, сохранившие остатки древних знаний, нынешние жрецы и маги чаще думают уже не о том, как принести пользу хотя бы только своему роду, а о том, как обрести личное могущество и власть. Ничтожные наследники былого величия! Ничтожные не по силам своим, порой им удается управлять довольно мощными талисманами, ничтожность целей — вот что снова и снова приводит их к поражению. Не так ли?

— Наверное, так, — согласился Конан.

— А иначе ты не смог бы одержать столько славных побед, о которых теперь рассказывают по всему миру. Маги, боровшиеся с тобой, задолго до своего поражения сбились с истинного пути хранителей знаний. Твой путь, человек меча, чужд мне, но я не могу не признать, что на своем



пути ты делаешь то, что должен. Я готов довериться твоему слову, король Конан Аквилонский! Если ты обещаешь не делать больше попыток помешать нам и повернешь назад, мы отпустим тебя с миром. Что скажешь на это?

Конан задумался.

— Сколько еще времени будет действовать ваш запрет на посещение Асгарда? — спросил он наконец.

— До осени мы управимся. А там выпадет снег, и искатели сокровищ поневоле отложат свои попытки пройти в Асгард. Ну а на следующий год — пусть идут. Они уже ничего не найдут.

— Хорошо, — сказал король. — Я клянусь вернуться назад и в этом году больше не посещать Асгард и не посыпать в него своих людей.

— Тогда пойдем с нами, — сказал Белероникс. — Нет нужды карабкаться по камням.

— Постой, — остановил его Конан, — я должен узнать, что стало с тремя моими воинами, которые первыми въехали в Асгард.

— Не ищи их, их нет, — мрачно ответил Бригус.

— Тогда я должен хотя бы похоронить своих людей, — нахмурился король.

— Мы позаботимся о них, — сказал Белероникс, — Ты можешь мне верить, я служу жизни и позабочусь о том, чтобы мертвые обрели свой покой.

Четверо путников обогнули каменную гряду и вышли на дорогу, где их ждал Джус, собравший

возле себя табунок лошадей и груду вещей и оружия. Он радостно шагнул навстречу королю и тут же помрачнел, поняв, что остался последним из всего отряда аквилонских гвардейцев.

— Все наши погибли, Джус, — сказал ему Конан, поняв мысли воина, — Собирайся, мы возвращаемся.

— Белероникс, — обратился он к друиду. — Нам забрать лошадей, оставшихся от отряда стражи, или вы найдете им применение? Они мне не нужны, разве что одна, тогда мы пойдем каждый о двуконь, но негоже бросать остальных в безлюдном месте без присмотра.

— Мы найдем людей, которые ими займутся, — ответил друид.

— Хорошо...

Джус разобрал остатки отрядного имущества и навьючил заводных лошадей. Конан и Конн оседали своих коней.

— Счастливого пути, — сказал Белероникс.

— Подожди! — спохватился король. Он ползился в седельном мешке, достал оттуда сверток и протянул друиду. — Возьми это на память.

— Что это?

— Посмотри.

Старец развернул сверток и увидел жезл, который Конан отнял у беглеца из Асгарда. Внимательно осмотрев подарок, друид бросил быстрый взгляд на короля.

— Ты знаешь, что это? — спросил он.

— Судя по всему, магический жезл, — пожал плечами Конан.



— Конечно. Более того, вещь знаменитая и хорошо мне знакомая. Это воистину королевский подарок, Конан Аквилонский!

— Если она тебе пригодится, то тем лучше, Верховный друид, — отозвался Конан. — Она мне не нужна, и ее ценность для меня ничтожна. Пусть она послужит тебе и твоему делу. Надеюсь, что нам с тобой не придется встречаться в смертельном поединке. Прошай!

И король Аквилонии в сопровождении сына и последнего из своих гвардейцев поскакал в обратный путь.



## СОДЕРЖАНИЕ

Керк Монро. Темный охотник .....	5
Дуглас Брайан. Дворец наслаждений .....	102
Джеральд Старк. Корни радуги .....	175
Энтони Варенберг. Дева Лорэйда .....	293
Ник Орли. Великий друид .....	324





Издательство  
**«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»**

представляет  
знаменитый цикл романов фэнтези

ДЖОН МЭДДОКС РОБЕРТС  
«ЗЕМЛЯ БУРЬ»

ОСТРОВИТИЯНИН  
ЧЕРНЫЕ ЩИТЫ  
ОТРАВЛЕННЫЕ ЗЕМЛИ  
СТАЛЬНЫЕ КОРОЛИ  
ВЛАДЫЧИЦЫ ЗЕМЛИ И МОРЯ



Издательство  
**«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»**

представляет  
знаменитый цикл романов фэнтези

КАТАРИНА КЕРР  
«ДЭВЕРРИ»

ЧАРЫ КИНЖАЛА  
ЧАРЫ ТЬМЫ  
ЧАРЫ ЗАРИ  
ЧАРЫ ДРАКОНА  
ДНИ ИЗГНАНИЯ  
ДНИ ЗНАМЕНИЙ  
ДНИ ВОЙНЫ  
ДНИ ПРАВОСUDИЯ  
КРАСНЫЙ ВИВЕРН  
ЧЕРНЫЙ ВОРОН  
ОГНЕННЫЙ ДРАКОН



Издательство  
**«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»**  
представляет  
знаменитый цикл исторической фэнтези

## «Боярская сотня»

Земля мертвых  
Череп епископа  
Донос мертвца  
Царская дыба  
Дикое поле  
Люди мечи  
Слово шамана  
Камни Юсуфа  
Черный легион

Корсары Балтики  
Старая крепость  
Русский булат  
Наследники Борджаиа  
Пленники вечности  
Хрустальный крест  
Власть чародея  
Скитальцы

издательство  
**СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС**

представляет:

## БАРБАРА ХЭМБЛИ “ХРОНИКИ ДАРВЕСТА”

ВРЕМЯ ТЬМЫ  
ВОЗДУШНЫЕ СТЕНЫ  
ВОИНСТВО РАССВЕТА  
МАТЬ ЗИМЫ  
ЛЕДЯНОЙ СОКОЛ



издательство  
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»  
представляет:

## ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ



*В серии изданы:*

ИХАРА САЙКАКУ  
ВОЛШЕБНАЯ ЯПОНИЯ  
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЯПОНСКИЕ ДНЕВНИКИ  
ДЗИНЬИТИРО ТАНИДЗАКИ  
ЯПОНСКИЕ САМУРАЙСКИЕ СКАЗАНИЯ  
ЭДОГАВА РАМПО  
ЯПОНСКАЯ НОВЕЛЛА

издательство  
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»  
представляет:

## ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ



*В печати:*

ТОКУТОМИ РОКА  
СЮГОРО ЯМАМОТО  
МИСТИЧЕСКАЯ ЯПОНИЯ  
КАЙКО ТАКЭСИ  
СТАРИННЫЕ ЯПОНСКИЕ ПОВЕСТИ  
СЮСАКУ ЭНДО  
ЯПОНСКАЯ ЛИРИКА

*Литературно-художественное издание*

## **КОНАН И ТЕМНЫЙ ОХОТНИК**

Руководитель проекта: *Михаил Илларионов*

Составитель: *Наталья Баранова*

Художественный редактор: *Пётр Богданов*

Обложка: *Владимир Сиваков*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор: *Валентин Успенский*

Корректор: *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции  
OK-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение  
№ 77.99.02.953.А.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93  
Наши электронные адреса: [WWW.AST.RU](http://WWW.AST.RU) E-mail: [astpub@aha.ru](mailto:astpub@aha.ru)

Издательство «Северо-Запад Пресс»

190121, г. Санкт-Петербург,  
Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А  
[conan@sp.ru](mailto:conan@sp.ru)

Отпечатано с готовых диапозитивов  
в типографии ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»  
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.  
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.



# САГА О КОНАН<sup>®</sup>

КОНАН И СЛАУА ТУМАНА 64	КОНАН И АЛК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ПРАТ АРГОА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАЙЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН ШОССАНИК МРАКА 71	КОНАН И ГОДОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИНПАРЫ 74	КОНАН И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТОТЫ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И ГОРЯЧИЦА ТАРАНТИЙ 77	КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУВОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАННОЙ МОРЕЙ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81
КОНАН И ВЛАДЫКА ЛЕСА 82	КОНАН И НАГРАДА НАЕМНИКА 83	КОНАН И АЕГИОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕЗДИЯ 85	КОНАН И ТРОН ЯДЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАННИЙ 89	КОНАН И ВОЛНЫ БАШНЯ 90
КОНАН И КЛЯТВА ВАРВАРА 91	КОНАН И СКИПЕТР МАГА 92	КОНАН И ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА 93	КОНАН И АЕГИОН ЛЕМУРИЙ 94	КОНАН И ИРОСТЬ ТИТАНОВ 95	КОНАН И ТАЙНА ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАБ ТАННСМАНА 97	КОНАН И ПОХОД ОГРЕННЫХ 98	КОНАН И ЧАРЫ КОЛАДНЫХ 99
КОНАН ГЕРОЙ ХАИВОРИЙ 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОАНДЕ 101	КОНАН И ЗАСЛОННИКИ РОКА 102	КОНАН И ПАТОДА СИА 103	КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ 104	КОНАН И АЛБЫ СТИЛИ 105	КОНАН И ТЕМНЫЙ ХЛОПНИК 106		





ISBN 5-17-029820-X

9 785170 298204